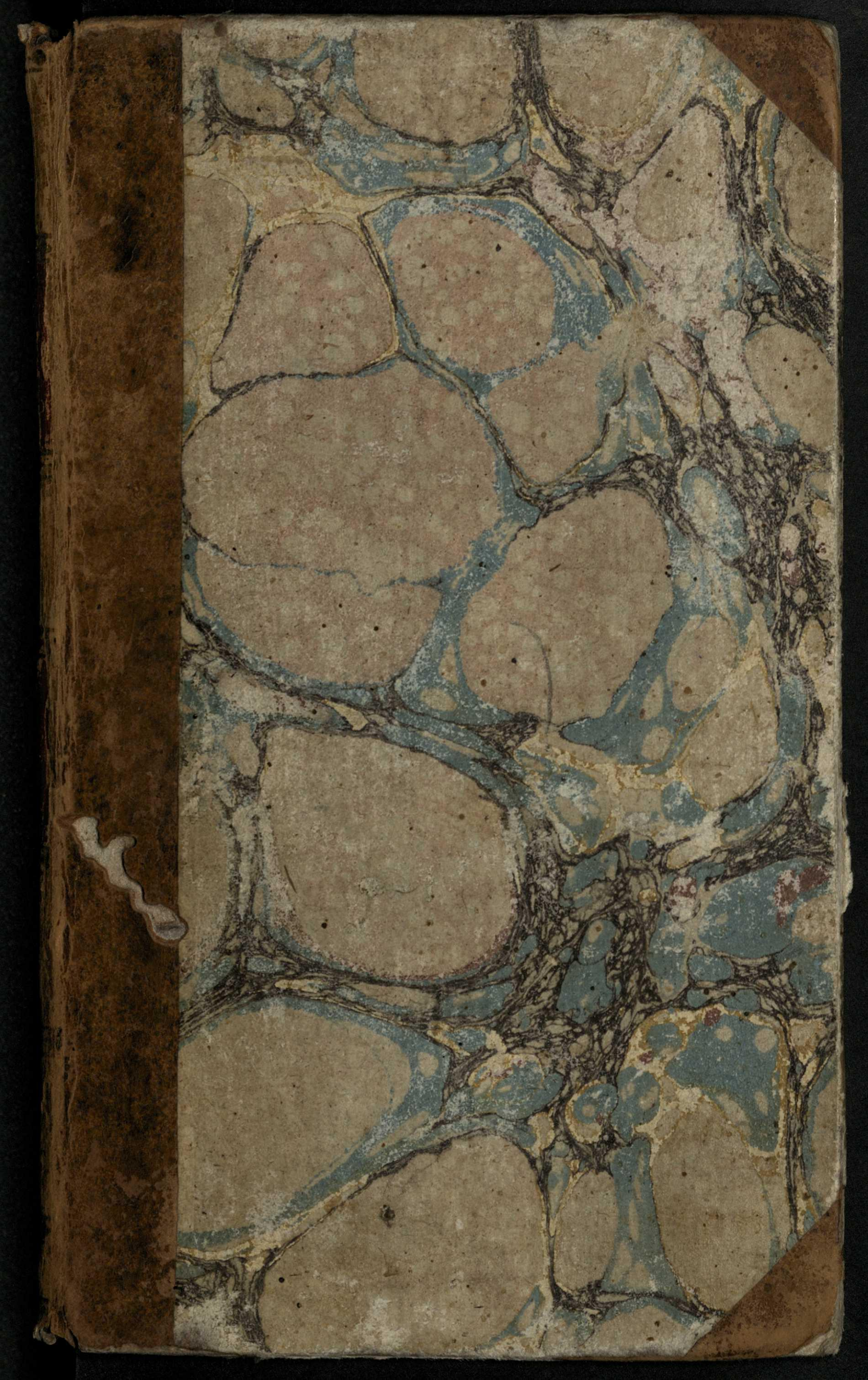
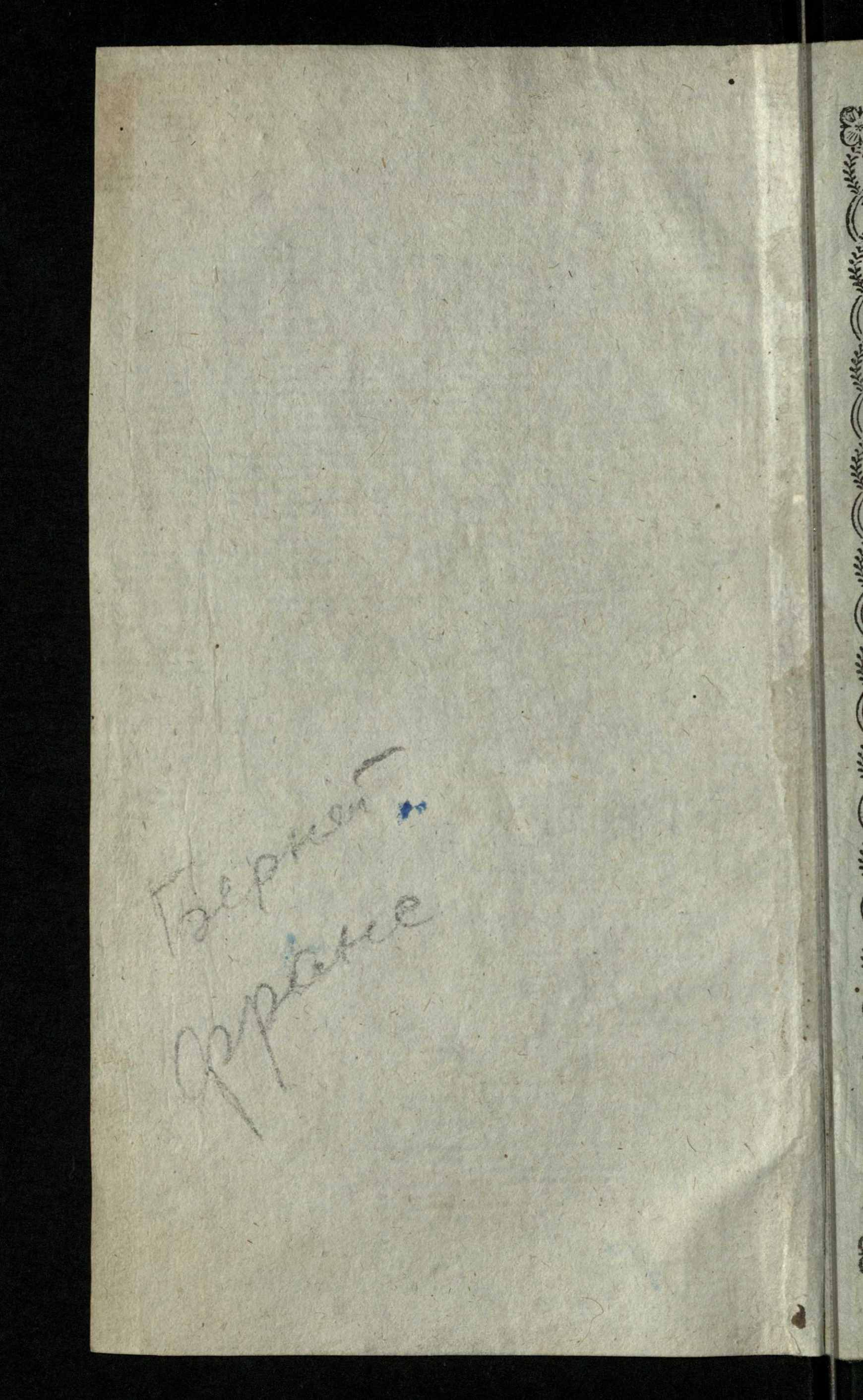
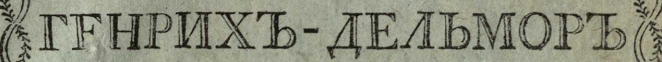


Доктор
техических
наук
профессор
Евгений
Степанович
Толоцкий





ГЕНРИХЪ-ДЕЛЬМОРЪ

ИЛИ

НЕБЛАГОРАЗУМНЫЕ ПОСТУПКИ ЮНОШЕСТВА.

АНГЛИНСКОЙ РОМАНЪ,

Сочинен҃iя дѣвицы Бюрней.

Перевелъ съ Французскаго

Михайла Кольевъ.

Часть первая.

МОСКВА,

Въ Университетской Типографiи,

у Ридигера и Клаудiя.

1796.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: *Генрихъ-Дельморъ, Частъ I*, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Профессоръ, и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,

Андрей Брянцевъ.

1795.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Первой Части.

ГЕНРИХЪ-ДЕЛЬМОРЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Академiя.

Когда сердце спокойно и не возмущается ни печалями, ни угрызѣнiями совѣсти, тогда оно всѣмъ наслаждается въ природѣ.

Въ семь-то щастливомъ разположенiи Венiамин Франклинъ прогуливался съ сестрою своею по дорогѣ, ведущей изъ Лондона въ Исшинъ, и нашелъ тутъ многiя причины къ удивленiю, кои не столько примѣчательной духъ опустилъ бы безъ вниманiя.

Вотъ прекрасной домъ! сказалъ онъ ей; положенiе его мнѣ нравится. Это было большое строенiе, воздви-

тнутое на вершинѣ холма и обнесенное на великое разстоянїе рѣшетчатымъ заборомъ. Хотя тогда главное украшенїе онаго состояло въ вывѣскѣ, на которой написано было золотыми буквами слово *Академїя*; однакожъ оно сохраняло еще величественной видъ, напоминавшїй прохожимъ, что оно прежде сего принадлежало достаточнѣйшимъ хозяевамъ.

Школа! вскричала дѣвица Франклинъ; въ окружностяхъ Лондона ихъ множество. Естьли должно въ томъ вѣрить пышнымъ обѣщанїямъ управляющихъ оными учителей, то молодые наши люди скоро будутъ ученѣе насъ. Когда я размышляю о великомъ числѣ невѣжъ, находимыхъ во всякомъ состоянїи, то я желала бы, чтобъ по примѣру Римлянъ выгнали изъ Англїи всѣхъ тѣхъ школьныхъ учителей, коихъ дарованїя не соотвѣтствуютъ занимаемой ими должности, и еще желала бы. . .

Не занимаясь ихъ достоинствомъ, возразилъ Франклинъ, и та выгода,

чтобъ доставить дѣтямъ здоровой воздухъ и защитить ихъ отъ вредныхъ Лондонскихъ паровъ, кажется мнѣ существеннымъ добромъ, и я думаю, что мы учинимъ человѣколюбивое дѣло, помѣстивши въ одну изъ сихъ школъ сына вѣрнаго нашего слуги; можетъ быть онъ поправитъ тутъ слабое свое здоровье, и послѣ въ состоянiи будетъ промышлять хлѣбъ какъ для себя, такъ и для бѣдной своей матери. Дѣвица Франклинъ подала ему знакъ, что она одобряетъ его предложенiе.

Школа, которую мы прошли, сказалъ Франклинъ, весьма соотвѣтствуетъ моимъ намѣренiямъ. — Для чегожъ вы у ней не остановились? спросила у него сестра его. — Я боюсь, не даютъ ли здѣсь такого воспитанiя, которое слишкомъ отлично отъ того состоянiя, къ которому мы назначаемъ молодаго Мортона. Мы намѣрены быть ему полезными, а не усыновить его; слѣдовательно мы должны избрать средину между рас-

точительностію и благодѣяніемъ, естьли не хотимъ вредить будущему щастію своего питомца. Притомъ же сей пансіонъ безъ сомнѣнія назначенъ только для дѣтей знатнаго рода.

Хотя Франклинъ получилъ и хорошее воспитаніе, и имѣлъ пріобрѣтаемыя въ свѣтѣ познанія; однакожъ онъ несвѣдущъ былъ во многихъ такихъ вещахъ, о которыхъ и не столько учившіеся знали совершенно. Онъ не подозрѣвалъ, чтобъ человѣкъ безъ дарованій возъимѣлъ дерзость взяться обучать юношество, и былъ бы столько безстыденъ, чтобъ вздумалъ обманывать бдѣніе родителей и опекуновъ посредствомъ хорошей вывѣски и великаго обнадеживанія.

Прежде нежели войдемъ мы въ сей домъ, зайдемъ къ Гжѣ. Напперъ, сказала дѣвица Франклинъ; я надѣюсь, что она знаетъ своихъ сосѣдей, и можетъ рѣшить ваши сомнѣнія. Она тотчасъ приказала кучеру везти себя къ одному красивому дому,

на которомъ была вывѣска: *Пансіонъ для молодыхъ дѣвицъ*. Они введены были въ комнату, въ которой находились музыкальные, рисовальные и принадлежащіе до шитья инструменты, и вскорѣ послѣ сего приняты были Гжею. Напперъ, дѣвицею Жемимою, ея дочерью, и Кларою Элтонъ, коея Франклинъ былъ опекуномъ.

Гжа. Напперъ была четырехъ футовъ въ вышину и столько же въ толщину; безпорядокъ головнаго ея убора, смуглой цвѣтъ ея лица и живость ея движеній составляли забавную противообразность съ видомъ, пріятностями и пригожествомъ ея дочери. Хотя Жемима обладала всѣми прелестями красоты; однакожъ Клара Элтонъ, имѣвшая около тринатцати лѣтъ, обѣщала изъ себя, что она со временемъ будетъ прекраснѣйшею. Франклинъ предъ отъѣздомъ своимъ въ деревню пріѣхалъ для свиданія съ нею, и привезъ ей

подарочки, сообразные съ ея лѣтами и склонностями.

Во время разсматриванія сихъ подарковъ дѣвица Франклинъ напомнила своему брату о намѣреніи его навѣдаться о сосѣднемъ пансіонѣ. Г. Пуфардо, сказала имъ Гжа. Напперъ, имѣетъ достоинства; но я не могу въ точности увѣдомить васъ о его познаніяхъ, ибо я никогда не имѣла случая судить объ нихъ. У него шестьдесятъ пансіонеровъ и два помощника, для истолкованія имъ классическихъ Авторовъ, для наученія ихъ Французскому и Латинскому языкамъ и всѣмъ наукамъ; однимъ словомъ, трудно будетъ найти нѣчто такое, чему бы не учили въ школѣ Г. Пуфарда, коего слава гремитъ по всей Англіи.

Сіе выгодное повѣствованіе понудило Франклина заѣхать съ сестрою своею и дѣвицею Элтонъ къ школьному учителю. Ждавши съ четверть часа у главныхъ воротъ, отъ коихъ не нашли ключа, вошли они въ дру-

тїя ворота, и когда переходили черезъ дворъ, то Франклинъ увидѣлъ на ономъ одного молодаго человѣка, привлекшаго на себя его вниманїе; разтрепанные волосы закрывали нѣкоторую часть его лица, и чрезъ то препятствовали разсмотрѣть черты его; покрывавшїя его лохмотья дѣлали странную противообразность съ хорошимъ расположенїемъ его стана и съ прїятностїю его ухватокъ. Онъ забавлялся бросанїемъ камней черезъ стѣну, что подало Франклину худое мнѣнїе объ учителѣ и ученикахъ. Приходъ Пуфардовъ воспрепятствовалъ ему поговорить съ молодымъ человѣкомъ, коего хотѣлось ему поразспросить.

При видѣ хорошаго экипажа Г. Пуфардо началъ разсыпать свои учтивости, и просилъ гостей войти въ залу, изъ коей окны, бывшїя на дворъ, дали Франклину время устремить свои взоры на предметъ, возбуждавшїй его жалость.

Не смотря на похвалы, учиненныя Гжею. Наппер Пуфарду, онъ не болѣе ее имѣлъ дарованій для воспитанія юношества. Онъ примѣчателенъ былъ только по своему безстыдству, по склонности ко лжи и по мстительному своему нраву. Хотя онъ не имѣлъ никакого достоинства, однакожъ чрезъ нѣсколько лѣтъ достигъ до того уваженія, коимъ теперь пользовался. И такъ не должно удивляться, что таковой успѣхъ не возгордилъ его. Жена, коей онъ пожертвовалъ дражайшею своею особою, по причинѣ небольшаго достатка, коимъ она одолжена была скупости перваго своего мужа, любила трудъ и предавалась оному безъ отдыху. Супругъ ея, коего тщеславіе со дня на день получало новыя силы, опорочивалъ упражненія своей жены. Какъ склонности ея не согласовались съ честолюбіемъ ея мужа, то по сему всегда возставали въ домѣ распри, и щеголеватыя Пуфардовы ухватки умножали еще ихъ раздоръ.

Хотя дѣвицѣ Франклинъ было, по щету ея брата, сорокъ пять лѣтъ, а по ея щету только притцать; однакожъ она имѣла довольно еще привлекательности, чтобъ нравиться. Будучи покровительницею художествъ и наукъ, она упражнялась въ словесныхъ наукахъ, и говорила по Гречески и по Латынѣ. Образъ ея мыслей столько отличенъ былъ отъ образа мыслей другихъ женщинъ, что она презирала полъ свой, и рѣдко оказывала уваженіе къ мущинамъ.

Увѣрена будучи, что содержатель такого пансіона былъ человѣкъ свѣдущій, начала съ Пуфардомъ ученой разговоръ, на которой онъ не осмѣлился отвѣчать. Удивившись его невѣжеству, возчувствовала она къ нему величайшее презрѣніе. Бѣдной Пуфардо не зналъ ни древней ни новѣйшей исторіи, а также и другаго языка, кромѣ Великобританскаго. Все его знаніе ограничивалось великою бѣглостію въ рѣчахъ и нѣсколь-

кими отборными фразами. Будучи приведенъ въ смущеніе и замѣшательство, наблюдалъ онъ нѣсколько времени молчаніе; но потомъ размысля, что онъ говорилъ съ женщиною, возъимѣлъ прибѣжище къ ласкательству, въ надеждѣ заставить ее позабыть его дурачество.

Среди одного эпизода схватилъ онъ руку дѣвицы Франклинъ; но щастіе его прервано было слѣдующимъ приключеніемъ. Дѣвица Элтонъ и Г. Франклинъ остались у окна, каждой дѣлая особыя замѣчанія о нещастномъ молодомъ человѣкѣ, котораго они видѣли ходящаго по двору; но визгливой голосъ одной женщины, многократно кричавшей: *негодяй! негодяй!* извлекъ ихъ изъ ихъ задумчивости. Одинъ мальчикъ повторялъ тѣ же самыя названія, и одинъ Негръ, одѣтый въ изношеную ливрею, присталъ къ нему же. Въ сію минуту вошелъ на дворъ одинъ разпудренной и со вкусомъ одѣтой щоголь, и ругалъ молодаго человѣка тѣми же

самыми словами. Сей послѣднїй, не могши долѣе терпѣть обиды, далъ ему такую оплеуху, отъ которой онъ упалъ на землю. Поверженной повѣса всталъ, и не старался отмстить за себя. Побѣдитель съ важностїю отошелъ отъ него, бросивши выразительной взглядъ на дѣвицу Элтонъ, коей онъ поклонился.

Какъ скоро щоголь понесъ заслуженное имъ наказанїе, то Гжа. Пуфардо бросилась на молодаго нещастливца, и грозила выгнать его изъ своего дому. Съ руками, покрытыми мыльною пѣною (ибо она стирала платье), вбѣжала она въ залу, чтобъ принудить Пуфарда пособить неудовольствїю своему на молодаго человѣка, которой ей не нравился. Удивившись, увидя мужа своего держащаго за руку пригожую женщину, перемѣнила она предметъ своего гнѣва: и такъ ты никогда не отстанешь отъ худаго своего поведенїя! вскричала она: я все приведу въ хорошїй порядокъ; я могу воспрепят-

ствовать, чтобъ не приходили развращать моего мужа при моихъ глазахъ. За угрозами послѣдовало бы самое дѣйствіе, естьлибъ не помѣшалъ тому крикъ дѣвицы Элтонъ и важной видъ Франклина, которой взялся защищать свою сестру. Между тѣмъ какъ Пуфардо спрятался въ уголъ залы, дѣвица Франклинъ спокойно слушала ругательства, коими осыпала ее Гжа. Пуфардо, и держа въ одной рукѣ свою табакерку, а въ другой платокъ, просила брата своего не лишать ее удовольствія, чувствуемаго ею отъ такой сцены, каковой она съ роду не видывала.

Хладнокровіе госпожи и золотая табакерка, держимая ею въ рукѣ, укротили ревнивость Гжи. Пуфардо, которая скоро усмотрѣла свою ошибку. Удовлетворивши ярость свою нѣсколькими пощочинами, данными своему супругу, просила она дѣвицу Франклинъ забыть обиду, коей причиною былъ Пуфардо. Не до-

вольно того, присовокупила она, что онъ ни мало нерадитъ о домашнихъ дѣлахъ, но еще подвергаетъ меня обидамъ одного бездѣльника, котораго онъ держитъ у себя изъ милости. Естьли бы я не имѣлъ въ немъ нужды такъ какъ въ помощникѣ, возразилъ онъ ей, то я не кормилъ бы его столь долгое время.... Какъ! не уже ли сей молодой бѣднякъ способенъ отправлять сiю должность? спросилъ у него Франклинъ. — Я въ томъ вамъ отвѣчаю, сударь; онъ воспитанъ подъ моимъ смотрѣнiемъ, и никто лучше его не пишетъ и совершеннѣе не разумѣетъ классическихъ Авторовъ. — По какому же случаю находится онъ въ семъ нещастномъ состоянiи, въ какомъ я его вижу?... Гжа. Пуфардо прервала его рѣчь. Не смотря на все его знанiе, вскричала она, я не попущу, чтобъ побродяга обижалъ дворянина. Г. Голкомбъ, коего онъ обидѣлъ, имѣлъ съ нимъ дружбу, пока онъ носилъ на себѣ благородное имя;

но когда онъ узналъ, что онъ не имѣлъ никакого права на сïе имя, то и прервалъ всякое сообщенïе съ такимъ человѣкомъ, котораго онъ не могъ почитать. Какъ это справедливо, что онъ поднялъ руку на нашего Бальи (*), отвѣчалъ ей Пуфардо, то онъ съ сей же минуты выдетъ изъ моего дому и никогда въ оной не войдетъ. Въ самомъ дѣлѣ онъ побѣжалъ, чтобъ выгнать его отъ себя, а жена его послѣдовала за нимъ, чтобъ быть свидѣтельницею той печали, каковую почувствуетъ отъ того бѣднякъ, котораго они хотѣли подвергнуть всѣмъ ужасамъ бѣдности и оставленïя.

Сïя школа не показываетъ изъ себя того, что я себѣ отъ ней обѣщала, сказала дѣвица Франклинъ своему брату, которой смотрѣлъ на Клару, у коей текли ручьями слезы. О чемъ ты плачешь? спросилъ онъ ее такимъ тономъ, которой понуж-

(*) Уѣздный судья.

далъ имѣть довѣренность. Не знаешь ли ты сего молодаго нещастливца? — Ахъ! это нещастной Генрихъ-Дельморъ, которой служилъ орудіемъ хитрымъ проискамъ Гжи. Дельморъ, той самой, которая причинила такую разстройку въ моей фамиліи. По уходѣ ея старалась я упросить отца моего, чтобъ онъ не оставилъ сего молодаго человѣка; но гнѣвъ его на мнимую его мать сдѣлалъ прозьбу мою безполезною. — Когда ты достигнешь до двантцать перваго году, и будешь госпожею своего имѣнія, то ты безъ сомнѣнія вознаградишь его за сіе? — Въ семъ состоитъ величайшее мое желаніе. Прежде нещастнаго приключенія, которое для бѣднаго Генриха было столь пагубно, всѣ хорошо принимали его. Онъ приводимъ былъ въ примѣръ какъ такой человѣкъ, которой дѣлалъ школу Пуфардову цвѣтущею, и когда былъ у моей воспитательницы балъ, то всѣ спорили въ чести танцовать съ нимъ; но онъ всегда давалъ преиму-

щество мнѣ. Естьли бы онъ былъ истинной наслѣдникъ моего дѣда, и естьли бы отецъ мой умеръ въ долгахъ (что и случилось бы, естьли бы не былъ открытъ обманъ), то Генрихъ-Дельморъ не оставилъ бы меня. — Естьлибъ ты не забыла о чувствительномъ сердцѣ опекуна твоего, то ты поговорила бы ему въ пользу сего нещастнаго. — Я заслуживаю ваши упреки; но строгость отца моего не позволила мнѣ увѣдомить васъ о его нещастїяхъ... Я досадую на это, сказала дѣвица Франклинъ своему брату; но естьли это правда, что сей молодой человѣкъ столь хорошо пишетъ, то я имѣю надобность въ Секретарѣ, и я возьму его . . . Въ сїю минуту вошелъ Пуфардо съ женою своею, и не далъ ей докончить словъ своихъ.

Тщетно Пуфардо велѣлъ кликать Генриха: нигдѣ его не нашли. Кучеръ Г. Франклина, будучи свидѣтелемъ безпокойствъ, произходившихъ при исканїи его, увѣдомилъ на-

конецъ школьнаго мастера, что онъ видѣлъ одного худо одѣтаго молодаго человѣка, пошедшаго по Лондонской дорогѣ и показавшагося ему въ великой печали. Пуфардо съ своей стороны также весьма опечалился, что не могъ насладиться тѣмъ униженїемъ, какое онъ приготовлялъ для бѣднаго сироты, не имѣвшаго подпоры; однакожъ онъ въ присутствїи Франклина скрылъ печаль свою, и по прозьбѣ его разсказалъ ему слѣдующее:

Сиръ Генрихъ-Дельморъ, говорилъ онъ ему, имѣлъ одного сына и одну дочь. Сынъ женился противъ воли своего отца, а дочь вышла за Г. Элтона, отца дѣвицы Клары. Г. Делморъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ женидьбы своей умеръ, и Сиръ Генрихъ, которой примирился уже съ нимъ, не долго послѣ его жилъ. Сдѣлавши завѣщанїе въ пользу своего внука, позволилъ матери пользоваться имѣнїемъ его до совершеннаго возраста сего внука, съ такимъ

условїемъ, что естьли онъ умретъ, не достигши еще совершенныхъ лѣтъ, то чтобъ имѣнїе отдано было Гжѣ. Элтонъ, его дочери.

Сїи причины побуждали Гжу. Дельморъ беречь своего сына, которой однакожъ умеръ въ малолѣтствѣ. Смерть его вдругъ лишила ее и имѣнїя ея и такого сына, котораго она любила. Не могши вознаградить потери его, вознамѣрилась она уберечь имѣнїе его. Сокрывши смерть своего сына, предприняла она путешествїе во Францїю, и по возвращенїи своемъ подложила на его мѣсто другаго младенца, которой и есть тотъ самой молодой человѣкъ, коего вы видѣли. Онъ привезенъ былъ ко мнѣ подъ именемъ Сира Генриха-Дельмора, и не прежде, какъ чрезъ три года, открыты были хитрые происки мнимой его матери.

Я, не зная, въ какомъ приходѣ онъ родился, держалъ его изъ милости, и одѣвалъ его въ старое свое платье; ибо я никогда не могъ пре-

одолѣть его отвращенія, чтобъ онъ носилъ мою ливрею. Самолюбіе его оскорбило меня; я старался привести его въ разумъ, но онъ противопоставлялъ мнѣ только что неумѣстную гордость. Вы были свидѣтелемъ его наглости, и я думаю, примолвилъ онъ, обратившись къ Кларѣ, что онъ не посовѣстился бы отнять у васъ имѣніе ваше, естьлибъ онъ не боялся наказанія; это негодной человѣкъ, и ему не сносить своей головы. Но Клара думала иначе. Франклинъ сдѣлалъ еще нѣкоторые вопросы, совершенно отдаленные отъ того предмета, которой привелъ его къ Пуфарду. Не смотря на предсказаніе, учиненное симъ послѣднимъ о нещастномъ концѣ, каковой со временемъ будетъ имѣть Генрихъ, Франклинъ занимался имъ такимъ образомъ, что желалъ увидѣться съ нимъ, и разпрощавшись съ педантомъ, опять заѣхалъ къ Гжѣ. Наппееръ.

ГЛАВА 2.

Банкрутство.

Для лучшаго уразумѣнія послѣдствія сей Исторіи долженъ я увѣдомить Читателей моихъ о многихъ особливыхъ обстоятельствахъ, относящихся къ достойной любви Кларѣ Элтонъ.

Когда Г. Элтонъ женился на дѣвицѣ Кларѣ Дельморъ, дочери того Шевалье, котораго почитали дѣдомъ нещастнаго Генриха, тогда онъ отправлялъ коммерцію Двенатцать тысячь фунтовъ стерлинговъ, кои жена его принесла ему въ приданое, способствовали ему къ поддержанію роскоши, въ каковой онъ любилъ жить.

Чувствительная и благодарная душа Гжи. Элтонъ не позволяла ей охуждать слабостей своего супруга; она не знала также купеческой необходимости, чтобъ самому собою смотрѣть за своими дѣлами, естьли

онъ хочетъ сдѣлать ихъ выгодными и получать отъ нихъ извѣстной прибытокъ. Она думала только о томъ, чтобъ не коснулись до капитальной суммы, предопредѣленной на вдовью ея часть, и чтобъ выдавали ей исправно деньги на ея расходы, а о прочемъ ни мало не безпокоилась.

Возставшее между Англїею и колонїями несогласїе подорвало коммерцїю Г. Элтона. Американскїе его корреспонденты, занимавшїеся тогда только что своими собственными дѣлами, не хотѣли дать ему отчета въ посланныхъ отъ него къ нимъ товарахъ, и не думая о тѣхъ нещастїяхъ, кои они ему приготовляли, воспользовались революцїею для нарушенїя своихъ обязательствъ, а онъ принужденъ былъ соблюдать тѣ обязательства, кои заключилъ онъ въ Англїи, и наконецъ не въ состоянїи будучи удовлетворить по онымъ, долженъ былъ обьявить себя банкрутомъ. Сїе печальное приключенїе сдѣлало столь сильное впечатлѣнїе

надъ Гжею. Элтонъ, что повредило ея здоровье.

Живши вмѣстѣ двенатцать лѣтъ, не прежде увидѣли они залогъ своей любви, какъ во время самаго своего нещастія. Родившаяся Клара произвела въ нещастныхъ своихъ родителяхъ минутную радость. Г. Элтонъ сдѣлалъ распоряженія съ своими заимодавцами; перевѣсъ былъ на его сторонѣ; они возъимѣли уваженіе къ его праводушію, и предложили ему поправить его коммерцію; но смерть жены его и печаль, что онъ не устоялъ въ своихъ обязательствахъ, до того его тронули, что онъ самъ угрожаемъ былъ близкою смертію.

Неспособенъ будучи смотрѣть за обширною коммерціею, отказался онъ отъ великихъ предпріятій, и принялъ мѣсто главнаго прикащика въ купеческой канторѣ Гг. Франклина, Буржеса и Левизажа. Тамъ научился онъ сносить удары нещастія, и тайно снѣдаемъ будучи горестію, что лишился жены своей и имѣнія, за-

нимался своими должностями и воспитанїемъ своей дочери, которую отдалъ въ пансїонъ къ Гжѣ. Наппер.

Какъ здоровье его нечувствительно отнимало у него силы отправлять дѣла, сопряженныя съ его мѣстомъ, то онъ и просилъ позволенїя отказаться отъ него. Но сострадательный и великодушный Франклинъ не хотѣлъ, чтобъ Г. Элтонъ подверженъ былъ новымъ хлопотамъ; онъ угадалъ побудительную причину его прозьбы, и уговорилъ его остаться въ его домѣ, въ которомъ смерть готова была лишить молодую Клару лучшаго отца. Она прїѣхала, чтобъ быть свидѣтельницею послѣдняго его издыханїя; Г. Элтонъ препоручилъ ее старанїямъ Франклина, которой принялъ ее со всею нѣжностїю друга и обѣщалъ ей свою помощь; но въ то самое время, какъ Г. Элтонъ считалъ, что онъ оставляетъ дочь свою подъ покровительствомъ честнаго Франклина, открыта была хитрость Гжи. Дельморъ, и Клара учинилась

наслѣдницею имѣнія Сира Генриха Дельмора, своего дѣда. Сіе щастливое произшествіе уменьшило печаль Г. Элтона, но не могло сохранить жизни его; онъ жилъ столько времени, что успѣлъ назначить Франклина опекуномъ Клары и ввѣрить ему имѣніе ея до совершенныхъ ея лѣтъ.

Франклинъ возложилъ воспитаніе дѣвицы Элтонъ на ту воспитательницу, къ которой отецъ ея отдалъ ее. Онъ не зналъ, что Гжа. Напперъ предпочитала забавы свои предъ всѣмъ на свѣтѣ, и ни мало не занималась должностями своего званія. Будучи хитра и пронырлива, привязывала она къ себѣ питомицъ своихъ тѣмъ, что никогда не противорѣчила имъ. Кокетство ея дочери способствовало упадку ея дома, такъ что она и не помышляла о исправленіи ее отъ того; она взяла власть надъ умомъ дѣвицы Элтонъ, которую она воспитывала съ нѣжнѣйшаго ея младенчества, и на имѣніи, по-

лученномъ Кларою въ наслѣдство, основывала блистательное щастїе. И такъ не удивительно, что она старалась удержать ее въ своей школѣ до того времени, какъ питомица ея въ состоянїи будетъ произвесть въ дѣйство ея надежду, и даже поселила въ нее страхъ ко всему тому, что не согласно было съ симъ намѣренїемъ. А отъ сего-то и произошло нехотѣнїе Кларино получить лучшее воспитанїе въ славнѣйшемъ пансїонѣ предъ пансїономъ ея воспитательницы; притомъ же возчувствованное ею дружество къ Генриху-Дельмору, воспитываемому въ сосѣдствѣ съ нею, воспрепятствовало ей также соотвѣтствовать намѣренїямъ опекуна своего. Франклинъ, приписывавшїй нехотѣнїе ея благодарности, каковою она должна была старанїямъ своей воспитательницы, одобрилъ оное, и недостатокъ въ наставленїи, получаемомъ ею въ ея пансїонѣ, вознаградилъ посторонними учителями. Естьли бы Франклинъ

навѣдался у Пуфарда о свойствѣ Гжи. Напперъ, то онъ поступилъ бы иначе. Хотя они взаимно и хвалили другъ друга, когда требовала того ихъ выгода, и по видимому жили такъ какъ добрые сосѣди; однакожъ равномѣрно ненавидѣли другъ друга. Пуфардо, помышляя всегда о средствахъ сдѣлать приращенїе къ своему имѣнїю, порочилъ нерадѣнїе Гжи. Напперъ, и тайно побуждалъ ее къ ссорамъ съ своими заимодавцами; а она съ своей стороны не въ состоянїи будучи нападать на него такимъ же оружїемъ, старалась приводить его въ презрѣнїе при всякихъ случаяхъ язвительными насмѣшками въ разсужденїи подлаго его произхожденїя. Она, будучи дочь одного священника и вдова стряпчаго, почитала себя вышшею предъ школьнымъ учителемъ, которой одолженъ былъ своимъ уваженїемъ женщинѣ, на коей онъ для выведенїя себя изъ замѣшательства женился.

ГЛАВА 3.

Генрихъ посаженъ въ тюрьму.

По возвращенiи Франклина къ Гжѣ. Напперъ сестра его и онъ изъявили ей неудовольствiе свое на поступокъ Пуфардовъ въ разсужденiи нещастнаго Генриха. Я помню, сказалъ Франклинъ Кларѣ, что родитель твой осердился на предложенiя, учиненныя ему невѣсткою его въ то самое время, когда нещастiя удручали его; онъ не могъ помыслить безъ негодованiя, что Гжа. Дельморъ хотѣла тебя взять къ себѣ для компанiи, чтобъ дать тебѣ почувствовать ту участь, которая предопредѣляется для тѣхъ, коихъ нещастiе сдѣлало зависимыми. Бѣдной твой родитель не неизвѣстенъ былъ, что богатые люди обыкновенно угнѣтаютъ недостаточныхъ, и что естьли и оказываютъ имъ помощь, то это часто бываетъ на такихъ условiяхъ, кои трогаютъ самолюбiе;

но изъ того не слѣдуетъ, чтобъ мы имѣли право мучить невинную жертву такой женщины, которую родитель твой ненавидѣлъ, и я желалъ бы отыскать сего нещастнаго молодаго человѣка, чтобъ вознаградить его за обиду, причиненную ему симъ несмысленнымъ школьнымъ учителемъ.

Содержательница пансїона, ободренная словами Франклиновыми и забывшая всякую благопристойность, дала свободное теченїе склонности своей къ злорѣчїю: она разсказала, что когда Г. Элтонъ отказался платить за содержанїе Генрихово, то сей нещастной подверженъ былъ жесточайшимъ опытамъ у такого человѣка, которой любилъ только что деньги. При семъ повѣствованїи дѣвица Элтонъ залилась слезами, и не могши болѣе скрыть своей печали, вскричала: ахъ! гдѣ-то теперь нещастной Генрихъ, не имѣющїй ни денегъ ни друзей и удручаемый толикими нещастїями? Онъ этого не

перенесетъ. Чувствительная Франклинова душа не могла долѣе выдержать сей толь трогательной для него сцены; онъ потребовалъ своихъ лошадей и поѣхалъ, пожавши руку у дѣвицы Элтонъ; онъ приказалъ своему кучеру скорѣе ѣхать въ Лондонъ, чтобы на дорогѣ не застигла его ночь и чтобъ чрезъ то не опустить Генриха. Лишь только они отъѣхали двѣ мили, какъ дѣвица Франклинъ вскричала: вотъ тотъ молодой человѣкъ, котораго мы ищемъ! Франклинъ велѣлъ остановиться и кликнулъ его.

Чадо печали, имѣя прискорбный видъ и глаза пониклые въ землю, мучимый голодомъ, почти нагой и оставленный отъ всѣхъ людей, шелъ тихими шагами къ жилищу пороковъ и добродѣтелей. Веселой нравъ Генриховъ не давалъ ему до сихъ поръ чувствовать своихъ нещастій; но въ сію минуту, непричастенъ будучи тѣмъ проступкамъ, кои могли бы обезчестить то имя, которое онъ

носилъ, увидѣлъ онъ весь ужасъ своего положенія. Жестокость Пуфардова вознесла плачевную его участь на самой верьхъ; онъ не неизвѣстенъ былъ, что наглость мужа и злость жены его дѣлали ихъ нечувствительными къ нещастіямъ другаго. И такимъ образомъ онъ не иначе думалъ о ихъ поведеніи, какъ съ презрѣніемъ, которое они заслуживали; но онъ не былъ столь же снизходителенъ къ Голкомбу: при воспоминаніи его неблагодарности чувства его кипѣли и глаза его сверькали отъ ярости.

Цѣлые три года жили они въ теснѣйшей дружбѣ; никакое желаніе, никакія забавы не были тогда пріятны, естьли они ихъ между собою не раздѣляли; они по видимому существовали только для взаимнаго своего щастія. Будучи любимъ мнимою Дельморовою матерью, получалъ онъ отъ ней тѣ же ласки, какія она оказывала своему сыну. Гулящіе дни проводили они вмѣстѣ въ ея деревнѣ,

и возвращались въ училище, будучи осыпаны ея милостями. Такого дружества, сведеннаго въ самомъ младенчествѣ, казалось ничто не могло истребить. Генрихъ такъ и думалъ; но какъ скоро важное открытїе обмана Гжи. Дельморъ изпровергло щастїе Генрихово, то неблагодарный Голкомбъ скинулъ маску, и нещастнаго своего друга оставилъ. Не доволенъ будучи тѣмъ, что давалъ ему чувствовать его нещастїе, онъ былъ столько безчеловѣченъ, что смѣялся надъ тою ролею, которую хотѣли заставить его играть. Сїя вышняя степень ругательства тронула Дельморово самолюбїе, и онъ отмстилъ за то такимъ образомъ, какъ видѣлъ то Франклинъ.

Въ ту минуту, какъ дѣвица Франклинъ увидѣла его, Генрихъ жалѣлъ о томъ, что ушелъ отъ Пуфарда, у коего онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ убѣжище; онъ припоминалъ также, что живучи въ сосѣдствѣ съ Кларою, могъ иногда говорить

съ нею, и что она всегда слушала его съ удовольствїемъ; сего-то утѣшенїя онъ лишился, и ничѣмъ не могъ вознаградить онаго.

Подойди ко мнѣ, дружочикъ, сказалъ ему Франклинъ ласковымъ голосомъ. Генрихъ тотчасъ повиновался ему. — Имѣешъ ли ты друзей въ Лондонѣ? — Слезы Генриховы доказывали, что онъ не имѣлъ ихъ. Франклинъ, пришедши въ жалость и стараясь сокрыть навернувшїяся у себя на глазахъ слезы, куда какъ эта пыль несносна! вскричалъ смущеннымъ голосомъ, протирая свои глаза: естьли тебѣ нѣгдѣ пристать, присовокупилъ онъ, то сїя карточка доставитъ тебѣ покойное мѣсто, гдѣ примутъ тебя съ удовольствїемъ. Говоря сїе, писалъ онъ карандашемъ, а между тѣмъ дѣвица Франклинъ подала ему небольшой пакетъ, который приказала ему отдать тамъ, куда братъ ея посылалъ его.

Генрихъ принялъ одною рукою карточку, а другою пакетъ, наблюдая

глубокое молчаніе; но взоры его выражали болѣе, нежели что бы онъ могъ сказать. Въ чертахъ его изображалось удивленіе и благодарность; онъ остался недвижимъ, не могши произнесть ни одного слова, и въ семъ-то положеніи смотрѣлъ онъ на отъѣздъ Франклиновой кареты, не зная, во снѣ ли съ нимъ это дѣлается, или на яву. Одинъ извощикъ, которой неоднократно кричалъ ему, чтобъ онъ посторонился, извлекъ его изъ оцѣпенѣлости.

Молодецъ! ты кажется усталъ, сказалъ ему извощикъ; не хочешь ли ты сѣсть ко мнѣ въ телѣгу? — Мнѣ нечѣмъ заплатить тебѣ, отвѣчалъ ему Генрихъ. — Я ничего отъ тебя не потребую; садись, и мы вмѣстѣ покалякаемъ. Генрихъ принялъ его предложеніе, и дорогою разсматривалъ карточку, на которой Франклинъ написалъ сіи слова: *Гжѣ. Мольтонъ въ Кольменъ-Стритѣ.* Пониже сего приписано было; *примите дружескимъ образомъ подателя*

сей записочки, и не оставьте его до тѣхъ поръ, какъ получите извѣстіе отъ Веніамина Франклина. Онъ положилъ карточку къ себѣ въ карманъ, и по томъ развернулъ пакетъ; но въ какое пришелъ онъ изумленіе, увидѣвши кошелекъ, завернутой вь бумажкѣ, на которой написано было: *для Генриха-Дельмора!* Въ семь кошелькѣ было шесть гиней, двѣ полукроны и одна золотая медаль. О небо! вскричалъ онъ, я за минуту предъ симъ отчаявался въ провидѣніи, а теперь оно пришло ко мнѣ на помощь; я думалъ, что ни одинь смертной не сжалится надъ моимъ нещастіемъ, а напротивъ того первой встрѣтившійся со мною доказываетъ мою несправедливость. Господи! прости мое согрѣшеніе.

Между тѣмъ какъ Генрихъ разсматривалъ кошелекъ, извощикъ смотрѣлъ на него. Нехотѣніе его сѣсть къ нему въ телѣгу, для того что нечѣмъ было заплатить, и бѣдной

его видъ, произвели въ немъ мысль, что онъ укралъ кошелекъ. Куда ты пойдешь, прїѣхавши въ городъ? спросилъ онъ у него. — Въ Кольменъ-Стритъ, отвѣчалъ ему Генрихъ. Послѣ сего извощикъ замолчалъ и началъ размышлять о томъ награжденїи, которое онъ получитъ, естьли выдастъ вора. Кажется мнѣ, говорилъ онъ самъ въ себѣ, что этотъ человѣкъ походитъ на шишимору. . . . Право такъ: это разбойникъ! . . . . Почему знать! можетъ быть онъ и убилъ кого нибудь . : . онъ не показываетъ въ себѣ ничего добраго . . . сей случай можетъ мнѣ поблагопрїятствовать . . . но естьли онъ только что шишимора! Однакожъ совѣсть моя не позволяетъ мнѣ укрыть его; я на удачу остановлюсь у новой тюрьмы, а тамъ судьи пусть дѣлаютъ, что хотятъ.

Совѣстной извощикъ торговалъ запрещенными товарами, и подъ видомъ продажи живности, коей онъ былъ хозяинъ, служилъ одному дворя-

нину, которой имѣлъ прибѣжище къ обману для поддержанія той пышности, въ какой онъ жилъ. Онъ не однократно уже попадался въ руки таможеннымъ приставамъ, и получилъ отвращеніе отъ сего ремесла, которое, не обогащая его, доставляло ему исправные палочные удары, но отъ котораго онъ не смѣлъ отказаться, опасаясь, чтобъ дворянинъ не уморилъ его съ голоду.

Когда онъ подъѣхалъ къ тюрьмѣ, то просилъ Генриха подержать лошадь за узду; ибо ему должно, сказалъ онъ ему, поговорить съ однимъ своимъ пріятелемъ. Генрихъ, не подозрѣвая причины сей прозьбы, соскочилъ съ телѣги и сталъ подлѣ лошади, взялъ ее за узду, началъ размышлять о будущемъ своемъ щастіи, и не примѣтилъ отсутствія извощикова. Наконецъ онъ возвратился въ провожаніи одного малорослаго человѣка, которой грубымъ голосомъ приказывалъ Генриху итти за собою. Изумленъ будучи гордостію, съ ка-

кою онъ ему говорилъ, не хотѣлъ онъ повиноваться, и спросилъ у извощика о причинѣ такого поступка. Ты тотчасъ объ этомъ узнаешь, отвѣчалъ ему извощикъ. Генрихъ, не смѣя противиться приказанiямъ карлы, пошелъ за нимъ, и перешелъ черезъ дворъ, ведшiй къ одному дому, имѣвшему худую наружность. Тутъ схватили его четыре человѣка и начали караулить, между тѣмъ какъ извощикъ и другiе люди вошли въ комнату, смежную съ тою, въ которой онъ имѣлъ приказанiе остаться.

Въ той комнатѣ, въ которую вошелъ извощикъ, былъ большой каминъ, на которомъ одна старуха жарила на вертелѣ часть говядины, а подалѣе видѣнъ былъ старикъ, сидѣвшiй за столомъ, на коемъ поставлена была тарелка съ поджаренымъ хлѣбомъ и коровьимъ масломъ. Сей старикъ имѣлъ глаза быстрые и пронзительные, лице угреватое, голосъ хрипливой; ему прислуживала одна молодая женщина, которая

утирала ему ротъ при каждомъ съѣденномъ имъ кускѣ хлѣба, и на которую онъ умильно посматривалъ. Въ заплату за ея услужливость пощолкивалъ онъ ее по рукамъ и потрепывалъ по румянымъ ея щекамъ: таковъ-то былъ судья, опредѣленный для отправленія правосудія.

Какъ скоро доложили ему, что пойманъ разбойникъ, то онъ принялъ важной видъ и по томъ вскричалъ: не ты ли это, Г. Бонна, доставляешь намъ сію поживку? Я этому весьма радъ; это такое дѣло, которое принесетъ тебѣ сорокъ гиней. Не этотъ ли воръ? продолжалъ онъ, показывая на извощика; у него самой плутовской видъ; я вижу уже висѣлицу, написанную у него на лбу.

Извощикъ, удивленный таковымъ привѣтствіемъ, потеръ себѣ ту часть лица, которая привела судью въ заблужденіе. Бонна увѣдомилъ тогда судью, что это не воръ, а извощикъ, доносившій на одного молодаго человѣка, котораго онъ нашелъ

на пути своемъ. Судья началъ извиняться, и приказалъ ввести Генриха; но Бонна намекнулъ ему, что не худо бы было прежде допросить свидѣтелей. — Ты дѣльно говоришь, отвѣчалъ ему судья; по томъ оборотившись къ извощику, спросилъ у него: правда ли это, что воръ остановилъ тебя на дорогѣ, извѣстной подъ именемъ *большой дороги*, и что жизнь твоя подвержена была опасности? — Боже меня избави, отвѣчалъ ему извощикъ, чтобъ я сказалъ это! Я задержалъ сего молодаго человѣка только по простымъ подозрѣніямъ . . . — Прекрасно! по подозрѣніямъ. Какъ тебя зовутъ? — Ральфомъ. — Изрядно! и такъ ты говоришь, Г. Ральфъ, что ты нашелъ въ карманахъ молодаго человѣка заряженные пистолеты . . . — Совсѣмъ не то, Г. Судья; я видѣлъ у него только что кошелекъ съ золотомъ . . . — Не льзя лучше, прекрасно, весьма хорошо . . . Гдѣ же этотъ кошелекъ? посмотримъ, я его сберегу. Бѣги,

Бонна, пусть введутъ ко мнѣ вора! Бонна сдѣлалъ ему нѣкоторыя противорѣчія. Бѣги скоряе, продолжалъ судья, пусть представятъ его ко мнѣ; опасно оставлять этотъ кошелекъ въ воровскихъ рукахъ Гдѣ мой писарь? Поди, Бетти, позови Тобія. Бетти кричала изо всѣхъ своихъ силъ, но Тоби не являлся. Старуха съ другой стороны кричала: естьли я выду изъ горницы, то жаркое мое сгоритъ. Судья повторялъ: оставить кошелекъ въ воровскихъ рукахъ! Сїе смѣшенїе голосовъ производило весьма смѣшной крикъ.

Наконецъ вошелъ Тоби; это былъ по сосѣдству жившїй сапожникъ, которому поручена была важная должность приказнаго служителя. Когда Тоби занялъ мѣсто по сторону судьи, то бѣдной Генрихъ былъ введенъ, а судья, увидя колодника, сказалъ собранїю: этотъ-то воръ! черты его мнѣ знакомы. Бездѣльникъ! гдѣ то золото, которое ты укралъ? — Я не укралъ, отвѣчалъ ему Генрихъ

съ надежнымъ видомъ. — Изрядно, возразилъ судья; что ты сдѣлалъ съ кошелькомъ и золотомъ, которое ты занялъ? — Я не понимаю васъ, сказалъ ему Генрихъ. — Обыщите его, но поберегитесь его пистолетовъ. Пиши, писарь, что онъ былъ вооруженъ . . . Совсѣмъ нѣтъ, возразилъ Бонна; у него нѣтъ оружія, а только этотъ кошелекъ. Тѣмъ лучше, подайте мнѣ его, и отведите его въ тюрьму, возразилъ судья, протягивая руку для принятія кошелька; но Бонна, которому хотѣлось быть участникомъ въ добычѣ отъ колодника, снова началъ совѣтовать, прежде приступленія къ заключенію въ тюрьму, поразспросить свидѣтелей. Судья, не смѣя тому противиться, спросилъ у извощика, видѣлъ ли онъ чинимое воровство? Я ничего не видалъ, отвѣчалъ ему извощикъ, а только возъимѣлъ подозрѣніе на отказъ, которой учинилъ сначала молодой человѣкъ сѣсть ко мнѣ въ телѣгу по недостатку денегъ; по томъ,

какъ онъ сѣлъ, я увидѣлъ у него кошелекъ, и... Прекрасно, прекрасно! это на тоже походитъ, вскричалъ судья; ты имѣешь подозрѣніе, и... и... и... ты понимаешь, что я хочу сказать. Бонна, увидя судью въ замѣшательствѣ, попросилъ у него позволенія истолковать дѣло. Сей молодой человѣкъ, сказалъ онъ Ральфу, не остановилъ ли кареты въ ту минуту, какъ ты подъѣхалъ? — Это правда. — И страхъ быть узнану подвергалъ его опасности быть задавлену твоею телѣгою, естьлибъ ты не кричалъ ему, чтобъ онъ посторонился? — Да... — Это видимое дѣло, возразилъ судья; преступленіе ясно. Послѣ сего онъ подписалъ приказъ о заключеніи въ тюрьму, почему Генрихъ и отведенъ былъ туда, чтобъ на другой день вытерпѣть другой допросъ.

Сіе дѣло произошло съ такою скоростію, что не дало Генриху времени и помыслить о томъ. Какъ же скоро онъ остался одинъ, то и

занялся онымъ, и сначала подумалъ, что причиною сему была злоба вѣроломнаго школьнаго учителя, хотѣвшаго отмстить ему за то, что онъ ушелъ отъ него; но когда онъ вспомнилъ о подаркѣ, полученномъ имъ отъ дѣвицы Франклинъ, и о жилищѣ, назначенномъ ему отъ ея брата, то онъ отбросилъ свои догадки. Отягченъ будучи печалїю, заснулъ онъ на пукѣ соломы съ большимъ спокойствїемъ, нежели каковое обыкновенно чувствуютъ спящїе на пуховикѣ. Онъ не ощущалъ въ себѣ угрызѣнїя совѣсти, производимаго преступленїемъ.

ГЛАВА 4.

Освобожденїе Генрихово.

Какъ скоро Г. Франклинъ возвратился въ Эмстинфрейерсъ, гдѣ онъ жилъ, то и отписалъ къ Гжѣ. Мольтонъ для предувѣдомленїя ее о при-

ходѣ молодаго незнакомца. Онъ вложилъ въ письмо банковой билетъ, съ приказанiемъ искупить все для него нужное, и послѣ привезть его къ нему. На другой день Гжа. Мольтонъ увѣдомила его, что она и въ глаза не видала того, о комъ онъ ей говорилъ. Удивленъ будучи его нерадѣнiемъ, возьимѣлъ онъ объ немъ не очень хорошее мнѣнiе, и представилъ себѣ, что Дельморъ, доволенъ будучи данными ему деньгами, не искалъ другой помощи. Сiя мысль опечаливала его; онъ употребилъ нѣкоторую часть ночи на размышленiе, какимъ бы образомъ поставить Генриха на хорошую ногу. Надежда привязать къ себѣ молодаго человѣка съ хорошими качествами и сдѣлать его Секретаремъ сестры своей, прiятнымъ образомъ занимала его.

Мы уже увѣдомили Читателя, что дѣвица Франклинъ предавалась въ обученiе древней Исторiи, и покровительствовала литтературу. Фамилiя ея вела свое начало отъ

того же поколѣнія, отъ котораго происходилъ Оливіеръ Кромвель. Гордясь тѣмъ, что была въ свойствѣ съ симъ знаменитымъ хищникомъ, писала она Англинскую Исторію такимъ штилемъ, въ которомъ видны были всѣ тѣ начала, коимъ она удивлялась въ своемъ родственникѣ; однимъ словомъ сказать, сія книга сочиняема была въ намѣреніи пріобрѣсти себѣ похвалу, унизивши начала монархическаго правленія. Великое число матеріаловъ, коими ссужали сочинительницу непрерывныя ея примѣчанія о государственныхъ чинахъ, задерживало публикованіемъ такой Исторіи, успѣхъ которой казался ей извѣстнымъ. Для скорѣйшаго приведенія оной къ концу дѣвица Франклинъ рѣшилась принять Секретаря, которой помогъ бы ей въ такомъ трудѣ, матерія коего каждую минуту открывала ей новые источники къ размышленіямъ.

Сидя съ своимъ братомъ за завтракомъ, жаловалась она на препоны,

каковыя причиняло сочиненію ея равнодушіе молодаго человѣка, отъ котораго она ожидала столь великихъ услугъ. Догадки ея и замѣчанія, дѣланныя ею о семъ предметѣ, не дошли еще до половины перваго періода ея рѣчи, какъ подали ей письмо на ея и вмѣстѣ на братнино имя, въ случаѣ, естьли бы кто нибудь изъ нихъ былъ въ отсутствіи. Оно содержало въ себѣ слѣдующее:

Государь мой!
или
Государыня моя!

„Одинъ плутъ, уже съ давняго „времени загрубѣлый въ преступле-„ніяхъ, стоитъ теперь предо мною „для выслушанія себѣ приговору. Его „обвиняютъ, что онъ на большой „дорогѣ укралъ кошелекъ, завернутой „въ бумагѣ на ваше имя. Прошу васъ „притти въ судъ для обличенія „преступника, коего злодѣянія за-„служиваютъ, чтобъ съ нимъ было „поступлено по всей строгости

„законовъ. Во ожиданіи остаюсь вашъ
„покорнѣйшій слуга

Самуилъ Спунеръ, одинъ изъ
мирныхъ судей Графства
Суррейскаго.„

Письмо выпало у ней изъ рукъ; она поблѣднѣла и вскричала: о Боже мой! деньги, данныя мною нещастному Генриху, причинили ему смерть; безъ сомнѣнія умертвили его. Г. Франклинъ поднялъ письмо, прочелъ его, и смѣшавши слезы свои съ слезами сестры своей, полетѣлъ въ Фалкенкуртъ, гдѣ собрались судьи. У дверей залы стоялъ народъ, почему Франклинъ съ великимъ трудомъ могъ продраться въ залу. Мнимой убійца, обложенной цѣпями, стоялъ уже предъ судьями и ожидалъ себѣ приговору. Другіе преступники прислонились, такъ какъ и онъ, къ столбу, но въ поступкахъ ихъ не было того спокойствія, каковое видно было въ поступкахъ Генриховыхъ. Когда Спунеръ усмотрѣлъ Г. Франклина, то и кликнулъ

его, и указывая на Генриха, увѣдомилъ его, что это тотъ молодой человѣкъ, которой обокралъ его третьяго дня на большой Истшинской дорогѣ. При семъ обвиненіи Франклинъ обратился къ Генриху и спросилъ у него, по какому случаю попался онъ въ сіе мѣсто? Генрихъ, не могши вспомнить говорившаго съ нимъ почтеннаго человѣка, и не замѣтившій его въ то время, когда онъ видѣлъ Франклина у Клары, отвѣчалъ ему: ежели бѣдность есть преступленіе, то я виновнѣйшій изъ всѣхъ людей; но спросите у стоящаго подлѣ меня, за какую вину сковали меня цѣпями. Генрихъ указывалъ на Бонну, которой разсказалъ Франклину, что виноватой остановилъ карету, въ которой сидѣла какая-то госпожа, у коей онъ укралъ кошелекъ.

После сего Франклинъ подошелъ къ судьямъ, чтобъ дать имъ знать о невинности Генриховой; но Спунеръ, хотѣвшій отличить себя ско-

ростію своею въ отправленіи правосудія, велѣлъ подвести Генриха, и сказалъ ему суровымъ голосомъ: Ну, мошенникъ! признаешься ли ты теперь, какимъ образомъ учинилъ ты воровство, въ коемъ тебя обвиняютъ? Другой судья, достойнѣйшій занимаемаго имъ мѣста и противнаго съ горячимъ Спунеромъ свойства, спросилъ колодника ласковѣйшимъ тономъ. какъ тебя зовутъ, другъ мой? Я и самъ не знаю, отвѣчалъ ему Генрихъ... — Это мошенникъ, возразилъ Спунеръ, которой думаетъ обмануть скромною наружностію; онъ уже многократно являлся въ семъ судѣ подъ дватцатью подложными именами; но теперь не избѣжитъ ожидающей его участи; онъ рожденъ на мученіе... — Я это слишкомъ уже знаю! вскричалъ Генрихъ, проливая слезы. Сердце Франклиново тѣмъ было тронуто. Не могши болѣе противиться ощущаемой имъ жалости, видя его предметомъ заблужденія

судей, взялъ Генриха за руку, велѣлъ снять съ него оковы, и обнаружилъ его невинность къ великому изумленію судей, къ сожалѣнію Бонны и извощика, котораго онъ обвинилъ въ торговлѣ запрещенными товарами; почему тотчасъ схватили телѣгу и лошадей, и посадили его въ тюрьму, въ коей употреблявшій его въ свои услуги дворянинъ далъ ему просидѣть многіе мѣсяцы, не въ состояніи будучи доставить ему способовъ къ выходу изъ оной.

По томъ Франклинъ отвелъ Генриха къ Гжѣ. Мольтонъ, гдѣ доставилъ ему всевозможную помощь, и пригласилъ его на другой день къ себѣ завтракать. Оттуда поѣхалъ онъ отдать отчетъ сестрѣ своей во всемъ произшедшемъ въ судѣ, и оба возблагодарили Провидѣніе за доставленіе имъ случая воспрепятствовать невинности быть жертвою неправосудія.

Генрихъ на другой день поутру въ десять часовъ пришелъ къ своимъ благодѣтелямъ, увидѣвши коихъ, тотчасъ бросился къ ногамъ ихъ. Естьлибъ онъ не находился въ семъ униженномъ положенiи, то они не узнали бы его. Радость и благодарность сдѣлали его безгласнымъ; глаза его имѣли блескъ, въ которомъ можно было видѣть прiятную томность; простое и со вкусомъ сдѣланное платье возвышало прiятность его стана, а правильность мужественныхъ и прелестныхъ чертъ его лица большую получала красу отъ прекрасныхъ его волосъ, кудри коихъ небрежно лежали по плечамъ его.

Франклинъ и сестра его смотрѣли на него съ симъ удовольствiемъ, каковое производитъ воззрѣнiе на предметъ, ласкающiй чувствамъ; они въ молчанiи вкушали неизъяснимую радость, что извлекли изъ убожества столь отличнаго молодаго человѣка, и взирали на дѣло свое

съ довольнымъ видомъ. Какая разность отъ сихъ гордыхъ людей, коихъ благодѣянія оскорбляютъ самолюбіе! Они охуждаютъ неблагодарность и требуютъ такой дани, на которую добродѣтельной человѣкъ не можетъ согласиться, не сдѣлавшись презрительнымъ предъ собственными своими глазами. Франклинъ и сестра его не такимъ образомъ поступили: они сказали только Генриху, что они обязаны Кларѣ Элтонъ за то, что видятъ его у себя; и не говоря ему о прошедшемъ, старались сдѣлать настоящее его положеніе пріятнымъ.

ГЛАВА 5.

Странныя свойства.

Веніаминъ Франклинъ и сестра его хотя и имѣли каждой въ своемъ свойствѣ нѣкоторыя странности, однакожъ въ великодушныхъ своихъ намѣреніяхъ въ пользу Генриха были согласны.

Исторія ихъ жизни не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго; они проводили большую часть дней своихъ въ тишинѣ и удовольствіи, каковое производятъ добродѣтельныя дѣйствія. Изъ девятнатцати человѣкъ дѣтей остались въ живыхъ только Франклинъ съ своею сестрою. Отецъ ихъ, богатой банкиръ, принятъ былъ въ торговлю однимъ Квакеромъ, по имени Буржесомъ, которой, не имѣя дѣтей, уступилъ свои права племяннику, между тѣмъ какъ старой Франклинъ оставилъ коммерцію въ пользу своего сына.

Порядокъ, царствовавшій въ дѣлахъ новыхъ товарищей въ торговлѣ, утвердилъ ихъ кредитъ и увеличилъ богатство; и какъ оба они не имѣли наслѣдниковъ, то приняли къ себѣ въ товарищи Антонія Левизажа, перваго своего прикащика, котораго они уволили отъ внесенія капитальной суммы, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ смотрѣлъ за ихъ дѣлами.

Антоній Левизажъ жилъ въ городѣ, гдѣ были присудственныя мѣста. Франклинъ имѣлъ свой домъ въ Сент-Джемсъ-Скверѣ, неподалеку отъ дворца; а Буржесъ, любившій уединеніе, основалъ свое жилище въ Клафамѣ, ближайшемъ отъ Лондона селѣ. Лѣтомъ Франклинъ уѣзжалъ въ Девонскую провинцію, въ Этерское свое помѣстье, гдѣ предавался сладкому удовольствію изливать благодѣянія на своихъ подчиненныхъ.

Дѣвица Франклинъ, лишившись родителей своихъ почти при самомъ рожденіи, всѣмъ своимъ щастіемъ обязана была великодушію своего брата, которой для назиранія за воспитаніемъ сестры своей отрекся отъ женидьбы. Когда она пришла въ совершенной возрастъ, то онъ возъимѣлъ было намѣреніе жениться; но привыкши жить въ холостомъ состояніи, отбросилъ сію мысль.

Франклинъ, будучи скроменъ изъ недовѣрчивости къ собственному сво-

ему достоинству, никогда не смѣлъ подать своего совѣта, а уступалъ мнѣніямъ другаго; онъ покорялъ даже и волю свою волѣ сестры своей, къ которой онъ имѣлъ совершенную довѣренность; но когда кто просилъ его о покровительствѣ, или когда дѣло шло о вспоможеніи нещастнымъ, тогда онъ совѣтовался уже только съ своимъ сердцемъ, желая лучше подвергнуться ихъ неблагодарности, нежели *отважиться* увеличить ихъ нещастіе оскорбительнымъ отказомъ.

Опасеніе, что онъ не по надлежащему исполнилъ должности, наложенныя имъ на самаго себя въ разсужденіи сестры своей, принудило его ввѣрить воспитаніе ея приходскому Этерскому Пастору, по имени Ортодоксу, которой обучилъ дѣвицу Франклинъ по Гречески, по Латынѣ и по Еврейски, истолковалъ ей классическихъ авторовъ, и научилъ ее быть такимъ же педантомъ, какъ и онъ. Для побужденія ученицы своей пользоваться его уро-

ками, осыпалъ онъ ее похвалами, надѣясь чрезъ то произвесть выгодное мнѣнїе о собственномъ своемъ достоинствѣ, и блистать дарованїями своей питомицы.

Между тѣмъ какъ онъ научалъ ее нравиться мущинамъ обширностїю своихъ познанїй, научалъ ее также презирать тѣхъ женщинъ, кои не уважили бы великихъ ея качествъ. Молодая дѣвица, которой было тогда отъ роду осьмнатцать лѣтъ, для питанїя своей гордости не имѣла нужды въ урокахъ своего учителя. Имѣя уже выгодное мнѣнїе о великости природныхъ своихъ дарованїй, воображала она, что просвѣщенїе ея возвышало ее превыше своего пола.

Отъ сего произошли гордые ея поступки съ Пасторовою женою, которая умерла съ досады отъ того сорока лѣтъ отъ роду. Пасторъ, тотчасъ возчувствовавъ, что ученїе не вознаграждало его за прїятности брака, отослалъ питомицу свою въ

Лондонъ, и женился на Доротеѣ Редишъ, своей служанкѣ.

Доротея была дородна, такъ какъ обыкновенно бываютъ поселянки въ девятнатцать лѣтъ. Она полюбилась Пастору еще за долго до его вдовства. Недѣлю спустя послѣ смерти своей жены, женился онъ на ней тайнымъ образомъ, но чрезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы позволилъ ей публично носить на себѣ почтенное титло законной супруги.

Дѣвица Франклинъ, по возвращеніи своемъ въ Лондонъ, продолжала упражняться въ тѣхъ наукахъ, кои преподалъ ей Пасторъ. Возгордившись своими дарованіями, сдѣлалась она бичемъ женщинъ и ужасомъ мущинъ. Не смотря на знатное приданое, которое давалъ за нею братъ ея, и даже на привлекательную ея наружность, никто не смѣлъ предложить ей руки своей, и сія дѣвица принуждена была остаться дѣвицею по причинѣ страха, производимаго блистательными ея способностями.

Будучи великою почитательницею республиканскаго правленія, предприняла она писать Англинскую Исторію по правиламъ демократическимъ; она убѣждена была къ тому Пасторовыми совѣтами; но высокой штиль, какимъ было писано сіе сочиненіе, дѣлалъ его темнымъ и пространнымъ. Хотя она и ограничила его нѣкоторымъ извѣстнымъ числомъ Томовъ; однакожъ разные анекдоты, выписываемые изъ другихъ авт[illegible]ъ, и ученыя Ортодоксовы ноты, столь много увеличили оное, что она отчаялась увидѣть конецъ его.

Дѣвица Франклинъ занималась симъ превосходнымъ произведеніемъ новѣйшей литтературы по большей части въ деревнѣ; собесѣдованіе съ Пасторомъ и свобода совѣтоваться съ нимъ ободряли ее къ продолженію такого предпріятія, которое должно было поставить ее наровнѣ съ Туцидидомъ и Тацитомъ.

Этерская долина, на которой построенъ былъ замокъ Этеръ, на-

селена была жителями, не имѣвшими нуждъ; будучи щастливы и спокойны въ посредственномъ своемъ состоянiи, не знали они тѣхъ пороковъ, кои влечетъ за собою богатство, и получали пропитанiе отъ обработыванiя полей своихъ. Сiе прiятное мѣсто сходствовало съ простыми нравами добродушнаго Франклина, которой былъ отецъ своихъ подчиненныхъ и утѣшитель нещастныхъ.

Франклинъ, снизходителенъ будучи къ слабостямъ другаго, уступалъ иногда и самъ прiятнымъ впечатлѣнiямъ любви; горничныя служанки сестры его не укрылись отъ его вниманiя; но какъ скоро дѣвица Франклинъ примѣтила это, то онъ избавилъ ихъ отъ ея выговоровъ, и доставилъ имъ выгодныя замужства.

Между болѣе имъ отличаемыми была Гжа. Гудсонъ, Эперская тракторщица. Хотя ей было уже и тритцать восемь лѣтъ, однакожъ она имѣла еще совершенную власть надъ умомъ его. Франклинъ восприи-

нималъ отъ купели Матвѣя, старшаго ея сына; и хотя не позволено было Гжѣ. Гудсонъ показываться въ замкѣ, однакожъ дѣвица Франклинъ приняла крестника своего брата въ число своихъ служителей.

Когда Франклинъ распорядилъ дѣла свои въ Лондонѣ, то и поѣхалъ съ Генрихомъ и сестрою своею въ Этерское свое помѣстье, куда Дельморъ везенъ былъ въ качествѣ Секретаря дѣвицы Франклинъ. По прибытіи своемъ нашли они на дворѣ замка Пастора Ортодокса, жену его и двухъ дочерей, кои ожидали ихъ для поздравленія съ пріѣздомъ. Симъ усердіемъ Пасторъ старался угодить ученой своей питомицѣ, которая обняла его, взглянула мимоходомъ на дѣвицъ Ортодоксъ, и кивнула головою женѣ Пасторовой.

Добродушной Франклинъ вознаградилъ холодность сестры своей двумя поцѣлуями, данными имъ каждой дамѣ; просилъ ихъ обнять

Дельмора, и по томъ взявши Пасторову руку, вступилъ съ нимъ въ разговоръ, такъ что Ортодоксъ и забылъ, что насталъ обѣденной часъ. Однакожъ сѣли за столъ, и Пасторъ при хорошемъ кушаньѣ забылъ и Грековъ и Римлянъ. По выходѣ изъ за стола пошелъ онъ за дѣвицею Франклинъ въ кабинетъ ея; Гжа. Ортодоксъ и Франклинъ заснули у камина; а Генрихъ разговаривалъ съ Пасторовыми дочерьми, кои нашли болѣе удовольствія въ разговорѣ съ нимъ, нежели во всемъ томъ, что они слыхали отъ отца своего о классическихъ авторахъ.

Анна и Лавинія Ортодоксъ уже приняли намѣреніе понравиться Генриху; прелести Лавиніины обѣщали ей болѣе успѣха, нежели сестрѣ ея, коея надежды были не столь основательны. Лавинія превосходила ее еще тѣмъ стараніемъ, каковое она прилагала о украшеніи ума своего чтеніемъ романовъ; сіе-то чтеніе научило ее знать, что чувствитель-

ное сердце изображалось въ прїятности взглядовъ, кои у Генриха были нѣжны, и онъ, по Лавинїиной наукѣ, не могъ долгое время противиться томнымъ взорамъ пригоженькой дѣвушки, красота коея должна была сдѣлать, какъ говорила она сама себѣ, живое впечатлѣнїе надъ его сердцемъ.

Въ самомъ дѣлѣ Дельморъ почелъ бы ее достойною своихъ искательствъ, естьлибъ не зналъ дѣвицы Элтонъ; но обѣ сестры неизвѣстны были о склонности его къ Кларѣ, и думая, что нашли въ Дельморѣ совершенства романическаго героя, просили его ходить почаще къ нимъ въ домъ, и въ ласкательныхъ словахъ изъявили ему свою нетерпѣливость, съ каковою онѣ будутъ ожидать его къ себѣ; и показывали уже ему способы дѣлать имъ частые визиты безъ вѣдома Пастора, какъ приходъ Ортодоксовъ съ дѣвицею Франклинъ въ залу прервалъ ихъ разговоръ.

ГЛАВА 6.

Портретъ.

Генрихъ до сего времени не оказалъ еще вниманія къ Ортодоксу; но теперь разсмотрѣвши его попристальнѣе, почувствовалъ, что видъ его возбуждалъ въ немъ нѣкоторой страхъ, котораго не ощущалъ онъ въ присутствіи Франклина. Пасторское достоинство и надменность души богатаго человѣка изображены были въ гордой Ортодоксовой осанкѣ. Станъ его былъ около пяти футовъ, въ вышину и столько же въ окружности. Крутой, круглой и свѣтящійся его лобъ украшенъ былъ русымъ разпудреннымъ парикомъ. Сѣдыя и густыя брови препятствовали нѣсколько сверканію маленькихъ черныхъ и свѣтлыхъ его глазъ; но большой утиной носъ, вдавшійся между толстыхъ его щекъ, давалъ имъ иногда свободу показывать себя тѣмъ, съ кѣмъ онъ говорилъ. Зубы его, не уподоблявшіеся

жемчугу, закрываемы были двумя толстыми губами, а отвислой подбородокъ покоился на широкой его груди. Кафтанъ желѣзнаго цвѣту, а нижнее платье и камзолъ изъ чернаго бархату, составляли обыкновенное его одѣянїе, и на каждомъ пальцѣ носилъ онъ похоронные перстни и кольцы (*).

Почтенный Пасторъ, будучи тщеславенъ и высокомѣренъ, скрывалъ подъ важною осанкою подлость своего рожденїя; однакожъ всѣ знали, что онъ былъ сынъ одного лакея, принадлежавшаго Франклинову отцу; что онъ воспитанъ былъ въ приходской школѣ, и для того только вступилъ въ духовное званїе, чтобъ занять Этерское Пасторское мѣсто, отданное ему съ тѣмъ условїемъ, чтобъ онъ всякое воскресенье говорилъ проповѣди. Пастору

(*) Когда въ Англїи кто нибудь умираетъ, то сродники даютъ друзьямъ умершаго кольцы, на коихъ вырѣзаны лѣта его и день смерти.

весьма хотѣлось избавиться отъ сихъ хлопотъ, но Франклинъ никакъ не хотѣлъ согласиться на сїе.

Однакожъ не таковъ онъ былъ при другихъ двухъ должностяхъ, кои отправлялъ онъ только что въ отсутствїе Франклина. Этерской Пасторь былъ также судьею и посредникомъ въ спорахъ, возстававшихъ между крестьянами. Какъ должности сїи были болѣе трудны, нежели сколько выгодны, то Ортодоксъ и не старался объ отправленїи оныхъ надлежащимъ образомъ.

Наконецъ для освобожденїя себя отъ оныхъ имѣлъ онъ прибѣжище даже къ хитрости: онъ отдалъ сбираемую съ крестьянъ десятину на откупъ, и внушилъ Франклину, что онъ не могъ быть судьею въ тѣхъ тяжбахъ, кои непрестанно имѣли прихожане его съ откупщикомъ.

Будучи нечувствителенъ къ нещастїямъ другаго, скупъ, суровъ и самохвалъ, во всякомъ дѣлѣ смотрѣлъ онъ только что на свои вы-

годы, и для того только ходилъ къ дѣвицѣ Франклинъ, чтобъ имѣть вѣрное мѣсто за столомъ ея брата; ибо онъ былъ жаденъ безъ разборчивости; завидовалъ достоинствамъ тѣхъ, коихъ онъ ласкалъ; былъ обманчивъ, хитръ и недовѣрчивъ; однимъ словомъ, имѣлъ многїе пороки, и почти ни одной добродѣтели. Естьли онъ и оказывалъ дѣвицѣ Франклинъ уваженїе, которое заслуживали ея дарованїя, то это для того, что онъ взиралъ на нее какъ на свое творенїе.

Пасторъ, не теряя своей важности, почиталъ окружавшихъ его за столько же рабовъ, преданныхъ его капризамъ. Будучи суровой мужъ и самовластной отецъ, причинялъ печаль женѣ своей и дочерямъ, кои не смѣли противорѣчить ему ни въ малѣйшихъ его склонностяхъ; по тому же самому повелительному духу приписывалъ онъ ихъ покорность тому почтенїю, каковое онѣ имѣли къ рѣдкимъ его превосходнымъ дарованїямъ.

Странной Пасторовъ нравъ приводилъ въ отчаяніе жену его и дѣтей. Какъ скоро онъ отлучался изъ дому, то дѣвицы вознаграждали себя за то пирушками, на которыя Гжа. Ортодоксъ приглашала своихъ сосѣдокъ и нѣкоторыхъ молодыхъ людей, кои развращенными своими нравами приводили въ безславіе дочерей ея; тутъ веселились на щетъ Пастора и презирали ту, которая подавала поселянамъ столь худой примѣръ.

Для сего-то Гжа. Ортодоксъ обрадовалась пріѣзду Франклинову; сіе было надежнымъ средствомъ избавиться отъ такого мужа, сообщества съ коимъ всѣ убѣгали по причинѣ его педантства. Пасторъ имѣлъ также свои причины радоваться сему пріѣзду, а Франклинъ и сестра его имѣли свои побужденія предпочитать деревенскую жизнь предъ городскою: Франклинъ вкушалъ здѣсь въ тишинѣ пріятность спокойной жизни, а сестра его безъ помѣшательства могла предаваться же-

ланію своему прославить имя свое въ потомствѣ; Пасторъ же находилъ за хорошимъ столомъ въ замкѣ удобность удовольствовать аппетитъ свой безъ траты своихъ денегъ.

Подагра сдѣлала Пастора хромымъ, и онъ съ трудомъ могъ ходить, выключая то время, когда имѣлъ честь сотовариществовать дѣвицѣ Франклинъ въ ея прогулкахъ; тогда онъ притворялся, что можетъ ходить свободно, опасаясь, чтобъ она не примѣтила его слабости.

Сказано уже выше сего, что онъ вошелъ съ нею въ залу, въ которой находился Генрихъ и дѣвицы Ортодоксъ Стараяся принять на себя важную осанку, наткнулся онъ на кресла, сдѣлалъ странную ужимку, и взявши руку ученой своей питомицы, подвелъ ее съ важнымъ видомъ къ софѣ, и сѣлъ подлѣ нее; потомъ бросилъ презрительной взглядъ на Генриха, исторію котораго разсказала уже ему дѣвица Франклинъ.

Сїя довѣренность, также и то, что она назначала Дельмора къ Секретарской должности, раздражили Пастора противъ него; съ сихъ поръ возымѣлъ онъ къ Генриху совсѣмъ другїя чувствованїя: онъ почиталъ его за обманщика, употреблявшаго во зло добродушїе дѣвицы Франклинъ и легковѣрность ея брата. Все сдѣлалось ему подозрительно въ Генрихѣ: достойная любви веселость его, острые замыслы и скромной видъ казались ему тогда доказательствами невѣжества, оскорбительной дружественности и притворства; однимъ словомъ, онъ взиралъ на него какъ на щастливаго наглеца, котораго не льзя скоро выжить изъ дому.

Привыкши быть оракуломъ своей ученицы, не могъ онъ безъ трепета подумать о намѣренїи ея принять къ себѣ въ товарищество другаго, кромѣ его. Позволить побродягѣ переписывать превосходное свое сочиненїе было по его мнѣнїю крайнее безчестїе; единая мысль о томъ приводила его въ

гнѣвъ; онъ дрожалъ, перемѣнялъ мѣсто, опять тутъ же садился, и продолжалъ смотрѣть на Генриха съ раздраженнымъ видомъ. Ни похвалы, дѣланныя дѣвицею Франклинъ учиненнымъ имъ изысканіямъ въ древнихъ и новѣйшихъ авторахъ для украшенія ея Исторіи, ни ласкательные ея отзывы о удивительномъ его просвѣщеніи не могли успокоить его; онъ слушалъ съ задумчивостію и не удостоилъ ее отвѣта.

Однакожъ опасаясь, чтобъ Франклинъ не осердился на его уныніе, принужденъ былъ скрыть свою досаду, и вдругъ принявши на себя довольной видъ, изъявилъ удовольствіе свое, что дѣвица Франклинъ хотѣла испытать дарованія молодаго человѣка, которому, какъ говорилъ онъ, надѣялся онъ показать способъ пріобрѣсти такія свѣденія, кои учинятъ его достойнымъ назначаемаго ему мѣста. Послѣ сего заговорили о другихъ дѣлахъ, а Франклинъ продолжалъ разговаривать съ Генрихомъ.

Почтенный Пасторъ, принявши участіе въ разговорѣ Франклина съ Дельморомъ, осмѣлился послѣ сего сообщить ученицѣ своей нѣкоторыя разсужденія свои о томъ намѣреніи, которое она ему сообщила: я ласкаюсь, сударыня, сказалъ онъ ей тихимъ голосомъ, что чувствительность вашего сердца не распоряжала учиненнымъ вами выборомъ сего молодаго Секретаря. Прежде нежели ввѣрите вы ему малѣйшее дѣло, надобно вамъ поостеречься; вы должны быть совершенно увѣрены въ свѣденіяхъ его и дарованіяхъ, а безъ сего глупой перепищикъ можетъ обезславить наше имя. Подумайте, сударыня, что когда сочиненіе будетъ разсматриваемо Университетами, то критики, знающіе уже, что въ семъ знаменитомъ предпріятіи помогаю вамъ *я*, взвалятъ на *меня* тѣ недостатки или неисправности въ штилѣ, кои найдутъ они въ сочиненіи; но всего болѣе, сударыня, безпокоитъ меня то, что вы, *жемчужина жен-*

щинъ, та, которой я далъ почтенное титло *наперсницы знанїй, покровительницы свободныхъ наукъ* и *феномена мудрости*, будете участницею моего позора.

Ученая дѣвица Франклинъ, удивившись, что она ввергалась въ такую опасность, не знала, что отвѣчать: она никогда не думала, что переписщикъ долженъ одаренъ быть превосходными дарованїями для отправленїя должностей такого мѣста, которое давалось безъ разбору всякому, лишь бы только кто имѣлъ хорошїй почеркъ. Однакожъ Пуфардо увѣрялъ ее, что Дельморъ свѣдущъ былъ въ классическихъ авторахъ; но Пуфардо не былъ хорошїй судья, а прїятности молодаго Генриха столько говорили въ его пользу, что она не смѣла положиться на собственное свое сужденїе.

Но любовь къ славѣ одержала верьхъ надъ всѣми другими побужденїями. Генрихъ достоинъ любви, говорила сама себѣ дѣвица Фран-

клинъ, однакожъ я сочинительница такой книги, которая предастъ имя мое потомству. Сочиняемая мною Исторія сравнитъ меня съ безсмертнымъ Гамденомъ, и будущія столѣтія придутъ въ изумленіе, что женщина осмѣлилась итти по слѣдамъ его. Чѣмъ болѣе размышляла она о выгодахъ, кои она пріобрѣтетъ великими своими трудами, то тѣмъ болѣе соглашалась со мнѣніями хитраго Пастора, которой, примѣтя производимое имъ надъ умомъ ея впечатлѣніе, продолжалъ увеличивать безпокойства ея; она слушала его въ молчаніи, краснѣла и блѣднѣла, и наконецъ открылась ему, что она стыдится своего неблагоразумія, и что не прежде поручитъ Генриху Секретарскую должность, какъ когда онъ выдержитъ строжайшій экзаменъ. Естьли дарованія его не будутъ соотвѣтствовать принятому мною о немъ мнѣнію, примолвила она, или естьли вы найдете его неспособнымъ занять то мѣсто, къ

которому я его назначала, то я не дамъ ему переписать ни одной странички моей Исторіи.

Пасторъ тотчасъ вознамѣрился экзаменовать Дельмора; онъ сѣлъ противъ него, и началъ спрашивать такимъ тономъ, которой устрашилъ его, а суровые взгляды Пасторовы привели его еще въ большее замѣшательство. Тщетно Генрихъ перемѣнялъ мѣсто, чтобъ отдалиться отъ такого человѣка, котораго ужимки приводили его въ страхъ; вопрошатель преслѣдовалъ его во всѣхъ углахъ комнаты. Разсердившись на дерзость хотѣвшаго лишить его довѣренности, схватилъ онъ Генриха за кафтанную пуговицу, прижалъ его къ окну, и началъ съ нимъ говорить и по Гречески, и по Латыни, и по Еврейски, такъ что не далъ ему времени и отвѣчать себѣ. Возгордясь своею побѣдою, далъ ему напослѣдокъ отдохнуть, и подошедши къ дѣвицѣ Франклинъ, сдѣлалъ ей такой знакъ головою, которой заключалъ въ себѣ осужденіе и нещастіе мнимаго Секретаря.

Ортодоксъ, желая причинить ему новую досаду, принялъ предложенїе Франклиново поиграть въ *вистъ*. Я буду играть съ Дельморомъ, сказалъ ему Франклинъ, а вы съ моею сестрою. Пасторъ, не смотря на все свое вниманїе, проигралъ всѣ *роберты*; дѣвица Франклинъ шумѣла, Ортодоксъ бѣсился; онъ ужиналъ мало, пилъ много, и съ разгоряченною отъ вина головою пришелъ домой весьма невеселъ.

По приходѣ его Гжа. Ортодоксъ подала ему туфли, и помогала ему раздѣваться. До сихъ поръ наблюдалъ онъ молчанїе; но бросившись въ большїя свои креслы, пробормоталъ нѣсколько односложныхъ словъ; дражайшая его супруга сняла съ него парикъ, положила бережненько на столъ, надѣла на него спальной колпакъ и разула. Обѣ Пасторовы дочери, привыкшїя къ симъ супружественнымъ сценамъ, между тѣмъ какъ мать ихъ ходила около любезнаго ихъ батюшки, разговари-

вали между собою о Дельморѣ. Дѣвица Ортодоксъ, любимица Пасторова, то есть та, которая не столь часто ощущала на себѣ дѣйствіе грубаго его свойства, спросила у Лавиніи, что она думала о молодомь гостѣ. Видя же, что она не отвѣчала ей, продолжала: что касается до меня, то я нахожу, что онъ нравится при первомъ взглядѣ, но у него черты лица слишкомъ нѣжны; я предпочитаю видъ такого мущины, котораго мужественныя черты приводятъ въ трепетъ обижающихъ его любовницу. Но Лавинія была другаго мнѣнія.

Лавинія, младшая дочь Пасторова, любима была своею матерью, которая, судя по составленному ею для себя щастію о томъ, до какого могла достигнуть дочь ея, имѣла великія намѣренія о ея замужствѣ. Притомъ же Лавинія была пригожа, и воспитана въ Бристольскомъ училищѣ, гдѣ обучена была танцовать, играть на инструментахъ и

пріятнымъ искусствамъ. По ея мнѣнію одинъ только Лордъ достоинъ былъ руки ея. Чтеніе романовъ, въ которомъ Лавинія упражнялась въ то время, какъ мать ея занималась работою, не оставило въ ней сомнѣнія, чтобъ Англинскіе господа, по примѣру романическихъ героевъ, не стали спорить между собою въ чести взять ее себѣ въ супружество. Не смотря на сіи химеры и мысли о щастіи, обольщавшія мать и дочь, дѣвица Лавинія разполагалась учинить умѣреннѣйшее завоеваніе. Размысливши о томъ, что говорила ей сестра ея о молодомъ гостѣ, согласилась она, что никогда не видывала такого мущины, которой былъ бы способнѣе нравиться. Гжа. Ортодоксъ, переставши на минуту заниматься труднымъ укладываніемъ своего супруга, вмѣшалась въ разговоръ; она нашла Дельмора весьма пригожимъ кавалеромъ, и хвалила его ноги, чѣмъ и возбудила въ Пасторѣ ревнивость: молчи, дурища!

закричалъ онъ ей, бросивши въ нее туфлемъ своимъ въ голову; это нищій, побродяга, не заслуживающій тѣхъ милостей, которыя ему оказываютъ. Анна взглянула на свою сестру и язвительно улыбнулась; Лавинія потупила глаза; а жена Пасторова, вспомнивши, что она никогда не противорѣчила своему мужу, одобрила его ругательства, и дрожа отъ страха, подала ему туфель его, которой выдернулъ онъ у ней изъ рукъ.

Видя, что онъ не утишался, ты дѣльно говоришь, милой мой, сказала она ему; но мы никогда бы не подумали, чтобъ сей молодой человѣкъ былъ негодяй; но понеже ты увѣряешь, то мы и должны тому вѣрить. — Тому вѣрить! вскричалъ Пасторъ; развѣ его только разбору люди осмѣлятся думать иначе. Всѣ онѣ сдѣлали знакъ одобренія, и гнѣвъ Пасторовъ утишился.

Отославши дѣтей своихъ, легъ онъ спать. Воспоминанїе о томъ разговорѣ, какой онъ имѣлъ съ дѣвицею Франклинъ, не давало ему заснуть; бѣдная жена его терпѣливо сносила все то, что онъ ни говорилъ ей о семъ дѣлѣ. Когда же онъ изчерпалъ сїю матерїю, то началъ разговаривать съ нею о той чести, какую онъ оказалъ ей, женившись на ней, и заставлялъ ее высоко цѣнить то щастїе, каковое она имѣла, понравившись человѣку рѣдкаго ума и глубокаго знанїя. Хотя бы онъ бранилъ ее, или удостоивалъ оказывать ей снизхожденїе, поступая съ нею поласковѣе, но она соображалась со всѣми его склонностями и предавалась судьбѣ своей безъ роптанїя.

Съ другой стороны обѣ сестры, не любившїя другъ друга, проводили весьма неспокойную ночь. Анна, подозрѣвая, что Лавинїя занималась Дельморомъ, нарочно говорила объ немъ невыгодно; Лавинїя же, стараясь досадить самолюбїю сестры своей,

дѣлала весьма пышную похвалу виду, стану, осанкѣ и уму Генрихову; одна бѣсилась, что не имѣла преимущества; а другая тщеславилась, что сдѣлала завоеванїе; наконецъ за эпиграммами послѣдовалъ гнѣвъ. Анна, не могши долѣе сносить язвительныхъ шутокъ сестры своей, начала плакать и упрекать ее въ ея проступкахъ. Я отомщу, говорила она ей; батюшка мой увѣдомленъ будетъ о твоемъ поведенїи; онъ отъ меня одной узнаетъ о ночныхъ твоихъ прогулкахъ и сходбищахъ, которыя ты имѣешь въ саду съ Г. Филмеромъ; тогда видно будетъ, что сїя красота, которою ты столько тщеславишься, нравится только десятинному сборщику. Лавинїя, не думая, чтобъ сестра ея столь хорошо знала о ея приключенїяхъ, наблюдала угрюмое молчанїе; но вдругъ вооружась таковою же неустрашимостїю, приписывала угрозы ея зависти и ревнивости; по томъ съ стремительностїю вставши, вышла

изъ комнаты съ бодрымъ видомъ, произнесши нѣсколько обидныхъ словъ въ разсужденіи поведенія сестры своей.

Глава 7.

Экзаменъ.

На другой день пріѣзда своего въ замокъ Франклинъ и Дельморъ ходили вмѣстѣ въ паркъ, и возвратились въ то самое время, какъ поданъ былъ завтракъ.

Дѣвица Франклинъ дожидалась ихъ, имѣя задумчивой видъ. Братъ ея, привыкши видѣть ее веселою, выговаривалъ ей за то, и спросилъ у ней причину таковой перемѣны; но нечаянной приходъ Пасторовъ помѣшалъ ей изъясниться. Франклинъ, оставя ихъ вмѣстѣ, по окончаніи завтрака вышелъ.

Приговоръ, произнесенной Пасторомъ, показался дѣвицѣ Франклинъ слишкомъ опрометчивымъ, и пону-

дилъ ее дать ему знать, чтобъ онъ началъ новой экзаменъ. Выгодное предубѣжденіе къ Генриху извиняло тѣ недостатки, которые находилъ въ немъ Ортодоксъ; а надежда, что онъ поступитъ съ нимъ съ большимъ снизхожденіемъ, вдохнула въ нее желаніе доставить имъ другое свиданіе. Какъ скоро она увидѣла приближеніе роковой минуты, то почувствовала въ своемъ сердцѣ трепетаніе, боясь, что онъ не будетъ соотвѣтствовать ея чаянію, и что ей должно будетъ отстать отъ своего намѣренія трудиться съ Генрихомъ, которой съ своей стороны не могши преодолѣть великой своей боязливости, поблѣднѣлъ, когда узналъ о томъ испытаніи, которому онъ долженъ былъ подвергнуться. Не смотря на то, что онъ твердо надѣялся на себя, усмотрѣлъ онъ, что онъ нелюбъ былъ Пастору. Зная силу Ортодоксову надъ умомъ дѣвицы Франклинъ, тѣмъ болѣе страшился сужденія его, чѣмъ болѣе опасался, чтобъ увидя

его неспособность, не подвергли его новымъ нещастіямъ.

Когда наступило время экзамена, то Пасторъ занялъ свое мѣсто насупротивъ Генриха, и устремилъ на него гордой взоръ. Генрихъ, приведенный въ замѣшательство, и не зная, какъ ему должно поступить, пришелъ въ такую робость, что несповобенъ былъ произнесть ни одного слова, и какъ не могъ онъ вспомнить отвѣта на учиненной ему Пасторомъ одинъ вопросъ, которой не былъ изъ самыхъ ученыхъ, то судья произнесъ приговоръ свой важнымъ видомъ, и обьявилъ его недостойнымъ той знаменитой должности, къ которой назначала его покровительница его.

Хотя и не было уже отзыву къ сужденію сего ученаго Пастора, однакожъ желаніе составить щастіе почитаемаго ею молодаго человѣка понудило дѣвицу Франклинъ говорить въ его пользу съ братомъ своимъ. Ортодоксъ не находитъ въ Дельморѣ столько дарованій, гово-

рила она ему, чтобъ переписывать мою Исторію. — Тѣмъ лучше, возразилъ ей Франклинъ; я опредѣлю его въ Лондонской банкъ. — Нѣтъ, а лучше послать его для окончанія наукъ своихъ въ Оксфордъ; Пасторъ уже не молодъ, и вы по смерти его можете опредѣлить Дельмора на его мѣсто. — Что это тебѣ вздумалось! вскричалъ Франклинъ изумившись. Не уже ли ты думаешь, что молодой человѣкъ, неспособной быть твоимъ Секретаремъ, въ состояніи будетъ отправлять такую должность? — А для чегожъ не такъ? отвѣчала она ему съ сердцемъ. Я понимаю, что онъ никогда не будетъ имѣть качествъ Ортодоксовыхъ, но нынѣшнему духовному человѣку потребно не великое просвѣщеніе. Хотя онъ и не знаетъ классическихъ авторовъ, но приходской Пасторъ можетъ быть полезенъ своимъ прихожанамъ, естьли онъ будетъ толковать имъ Евангеліе. И такъ, братецъ, прошу васъ сдѣлать то, что я вамъ совѣтую,

и утвердить за Дельморомъ Ортодоксово мѣсто, какъ скоро онъ вступитъ въ духовное званіе.

Франклинъ, коего мысли никогда не согласовались изъ угожденія мыслямъ сестры его, не сталъ болѣе противорѣчить ея намѣреніямъ. Однакожъ онъ имѣлъ нѣкоторыя сомнѣнія, кои трудно ему было преодолѣть. Хотя онъ имѣлъ сіе духовное мѣсто въ своемъ распоряженіи, но по его мнѣнію не имѣлъ онъ права ввести въ духовное состояніе такого молодаго человѣка, расположенія коего могли быть противны священническимъ должностямъ, и кои хотя бы и не сдѣлали его нещастнымъ, но должны бы были учинить обиду тому званію, въ которое онъ вступитъ. Онъ сообщилъ сестрѣ своей размышленія свои въ разсужденіи сего предмета. Число священниковъ, коихъ нравы наносятъ безчестіе великому характеру служителя алтарей, уже довольно

велико, сказала она ему, хотябъ мы и не старались умножить оное.

Послѣ сего разговора захотѣлъ онъ самъ собою испытать Дельморовы дарованія. Онъ судилъ объ нихъ гораздо лучше Пастора; но не имѣя такой же глубины просвѣщенія, не могъ онъ рѣшить, по какимъ причинамъ ученой Ортодоксъ обвинялъ его въ невѣжествѣ. Правда, что сей экзаменъ произходилъ весьма различнымъ образомъ. Генрихъ, ободренный кротостію, съ каковою спрашивалъ его Франклинъ, отвѣтствовалъ ему удовлетворительнѣйшимъ образомъ. Франклинъ не сомнѣвался уже тогда, что онъ заслуживалъ похвалы, приписываемыя свѣденію его Пуфардомъ. Генрихъ столько обезпечилъ своего благодѣтеля, что сей послѣдній безъ опасенія увѣдомилъ его о намѣреніи дѣвицы Франклинъ опредѣлить его въ духовное званіе.

Молодость Генрихова могла положить препону сему намѣренію, и

Франклинъ ожидалъ уже, что онъ учинитъ ему сіе противоположеніе; но нещастія, претерпѣнныя уже Генрихомъ, и страхъ, чтобъ не претерпѣть другихъ, понудили его принять предложеніе ѣхать въ Оксфордъ, чтобъ по томъ быть сообразну съ волею своихъ благодѣтелей. Дѣвица Франклинъ была на самомъ верьху радости; она видѣла, что совѣты ея одобряются тѣмъ, коего щастіе сдѣлалось для ней собственнымъ ея щастіемъ. Не хотя разстаться съ молодымъ человѣкомъ, присутствіе коего становилось для ней со дня на день нужнѣйшимъ, была она такого мнѣнія, чтобъ Дельморъ уѣхалъ въ Университетъ въ тотъ самой день, въ которой возвратится она въ Лондонъ. Пасторъ, доволенъ будучи симъ распоряженіемъ, въ которомъ онъ не видѣлъ болѣе опасности для своихъ выгодъ, одобрилъ оное, и какъ нечего уже было ему бояться соперника въ ученыхъ его упражненіяхъ, то онъ и перемѣнилъ по-

ступки свои съ Генрихомъ, и удостоилъ обращаться съ нимъ съ большимъ снизхожденіемъ.

Но Франклинъ болѣе всѣхъ ощущалъ удовольствіе, имѣя Генриха въ своемъ домѣ; онъ допущалъ его въ свои прогулки, и каждой день открывалъ въ немъ новыя качества; онъ по примѣру его былъ благороденъ, человѣколюбивъ и великодушенъ. Благодѣянія, коими онъ осыпалъ его, служили Генриху средствомъ къ облегченію бѣдности убогихъ. Никогда не видано было двухъ особъ, столь готовыхъ къ обязанію: они составляли одинаковыя намѣренія, имѣли одинаковыя мысли о благотвореніи, и хотя несвѣдущи были въ такихъ проступкахъ, кои влекутъ за собою угрызеніе совѣсти, однакожъ снизходительны были къ слабостямъ другаго.

Пасторъ и дочери его часто сопровождали добродушнаго Франклина и друга его въ прогулкахъ ихъ. Несмотря на запрещеніе, учиненное

Ортодоксомъ младшей своей дочери, испытывать силу своихъ прелестей надъ сердцемъ Генриховымъ, она продолжала приманивать его. Генрихъ былъ въ такихъ лѣтахъ, когда страсти начинаютъ оказывать владычество свое надъ разумомъ. Лавинія имѣла тысячу привлекательностей, чтобъ нравиться; Генрихъ былъ чувствителенъ; привычка видѣть ее, и видѣть только что ее, сдѣлала надъ нимъ нѣкоторое впечатлѣніе, которое иногда называютъ любовію. Анна произвела бы тоже самое чувствованіе въ душѣ молодаго человѣка, которой старался только нравиться, не предпринимая другихъ намѣреній; но сестра ея была достойнѣе любви, и живость ея болѣе согласовалась съ веселымъ Генриховымъ свойствомъ. Голосъ Лавиніинъ болѣе трогалъ его чувства, и глаза ея говорили краснорѣчивѣйшимъ языкомъ. Все прельщало его въ Лавиніи, изключая того, когда она, опасаясь, чтобъ онъ не отдалъ преимущества

Аннѣ, говорила съ нимъ объ этомъ не слишкомъ нѣжнымъ образомъ. Но не смотря на сей недостатокъ, Генрихъ утѣшался ревнивостїю двухъ сестеръ.

Естьлибъ Лавинїино сердце было столь же непорочно, какъ и Генрихово, то союзъ ихъ не имѣлъ бы досадныхъ слѣдствїй: любовникъ ея не зналъ еще развращенности нравовъ, но Лавинїя познакомилась уже съ порокомъ, и старалася только объ удовлетворенїи страстямъ своимъ. Естьлибъ сестра ея не ревновала, то она не положила бы предѣловъ своему неблагоразумїю.

Но Лавинїя не одна такая женщина была въ Этерѣ, которая желала покорить сердце Генрихово. Ученая, несравненная дѣвица Франклинъ, которая до сего времени чувствительна была только къ прелестямъ Греческихъ и Латинскихъ героевъ, возчувствовала къ нему тѣмъ сильнѣйшую страсть, что оная была первая въ семъ родѣ, каковую когда

либо вдыхали въ нее. Прïятность разговоровъ его успокоивала ее отъ ученыхъ ея трудовъ; прогулка съ Генрихомъ становилась со дня на день полезнѣе для ея здоровья; словомъ сказать, привлекательной его видъ и веселой нравъ вскорѣ учинили сильнѣйшее впечатлѣнïе надъ такимъ сердцемъ, въ коемъ уроки Пастора Ортодокса царствовали безъ раздѣла. Нечувствительно ученыя ея упражненiя стали ей наскучивать; она не находила болѣе тѣхъ же прïятностей въ наставленïяхъ своего учителя, и бѣгала своего кабинета для сотовариществованïя брату своему и Генриху въ ихъ утренныхъ прохаживанïяхъ. По мѣрѣ, какъ приближалось время Генрихова отъѣзда, сила Ортодоксова и Оливïера Кромвеля умалялась; бытописательница забыла о той славѣ, которой она столь долгое время искала, и думала только объ удовольствïи быть любимою прекраснѣйшимъ въ Англïи мущиною.

Ортодоксъ, коего умъ становился проницательнымъ, когда требовала того его польза, съ прискорбіемъ увидѣлъ, что кредитъ его упадаетъ; но онъ надѣялся опять воспріять властъ свою, когда освободится отъ столь опаснаго соперника.

Любовь Франклинова и сестры его къ Дельмору не укрылась отъ Гжи. Ортодоксь и Лавиніи. Обѣ увѣрены будучи, что Франклинъ составитъ любимцу своему хорошее щастіе, и что между другими подарками откажетъ ему помѣстье и замокъ Этерской, отбросили намѣреніе сродниться съ Лордомъ, и Лавинія согласилась выпти за него за мужъ.

Гжа. Ортодоксъ не имѣла такихъ причинъ, какія имѣлъ мужъ ея, къ убѣганію компаніи Дельморовой; а напротивъ того она просила его ходить къ ней всякой разъ, какъ только можно ему будетъ выходить изъ замка. Сіе обыкновенно происходило или во время Пасторова сна, или

когда онъ находился въ кабинетѣ дѣвицы Франклинъ, которая, не хотя съ нимъ поссориться, сносила скучные его ученые уроки. И такимъ образомъ неблагоразумїе матери, ослѣпленной любовїю своею къ неблагоразумнѣйшей еще дочери, доставляло молодому Генриху случаи имѣть съ Лавинїею свиданїя. Но почтительныя чувствованїя, каковыя имѣлъ Генрихъ къ предмету своей страсти, не попускали ему употребить во зло той довѣренности, которую, казалось, имѣли къ честности его.

Какъ день отъѣзда Генрихова назначенъ былъ въ концѣ Сентября, то Франклинъ предложилъ сестрѣ своей отправиться въ сей самой день въ Лондонъ, чтобъ не подвержену быть, говорилъ онъ, скукѣ, которую онъ почувствуетъ во время его отсутствїя. Дѣвица Франклинъ съ своей стороны имѣла одинаковое побужденїе къ подтвержденїю предложенїя своего брата. Однакожъ стараясь

сокрыть отъ него впечатлѣніе, учиненное Генрихомъ надъ умомъ ея, сначала воспротивилась тому, но потомъ согласилась, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ Дельморъ проводилъ ихъ въ Лондонъ, а оттуда чтобъ Франклинъ отвезъ его въ Оксфордъ. Учинивши сіи распоряженія, они поѣхали, и вскорѣ послѣ того Генрихъ препорученъ былъ Франклиномъ стараніямъ Г. Атерая, члена Христова училища, которой, не имѣя причинъ унижать его дарованія, нашелъ ихъ въ немъ много въ разсужденіи молодаго человѣка, имѣющаго отъ роду осьмнатцать лѣтъ.

ГЛАВА 8.

Разсудительной выборъ друзей шестнатцатилѣтнею дѣвицею.

Дружество Франклиново къ Дельмору увеличивалось, по мѣрѣ, какъ онъ распознавалъ его. Желая по окончаніи наукъ его составить ему щастіе, рѣшился онъ оставить ком-

мерцію и жить въ Этерскомъ помѣстьѣ. Въ слѣдствіе сего поѣхалъ онъ въ Клафамъ, гдѣ жилъ Г. Буржесъ, одинъ изъ его товарищей, и сообщилъ ему свои мысли. Честной Квакеръ имѣлъ одинаковое намѣреніе по причинѣ худаго здоровья жены своей, единственно его занимавшей.

Успѣхъ въ ихъ предпріятіяхъ знатно разпространилъ ихъ коммерцію. Чтобъ прервать товарищество, то надобно было пересмотрѣть щеты, узнать всѣ заимодательства, и увѣдомить корреспондентовъ о принимаемомъ ими намѣреніи, что не прежде можно было исполнить, какъ по истеченіи года. Однакожъ они дали знать о семъ дѣлѣ Левизажу, третьему товарищу въ ихъ торговлѣ.

Сего извѣстія онъ нетерпѣливо ожидалъ. Въ теченіе семнатцати лѣтъ, въ кои Левизажъ управлялъ симъ домомъ, собралъ онъ знатное имѣніе и могъ жить съ пышностію; но онъ далѣе простиралъ свои виды. Не смотря на низость его свойства,

честной Франклинъ, нашедши въ немъ наклонность къ трудамъ, открылъ ему путь къ щастію. Воспитанъ будучи въ богадѣленной школѣ, потомъ принятъ въ домъ отца Франклинова въ качествѣ жокея, послѣ того помѣщенъ между коммисіонерами, потомъ опредѣленъ прикащикомъ, напослѣдокъ принятъ онъ былъ въ товарищи сыномъ своего господина. Такія выгоды должны бы были навсегда привязать его къ своему благодѣтелю; но Левизажъ тотчасъ забылъ то низкое состояніе, изъ котораго онъ извлекъ его; ибо какъ въ сіе время на него одного возложены были коммерческія дѣла, то и вообразилъ, что также ему одному и должно пользоваться всею отъ того прибылью.

Не смотря на желаніе свое принудить Франклина и Буржеса уступить ему свои доли, не смѣлъ онъ воспротивиться новымъ учиненнымъ ими распоряженіямъ, чтобъ продолжать коммерцію подъ именами дру-

гихъ товарищей. Буржесъ согласил-ся уступить свое мѣсто племяннику; а какъ Франклинъ не хотѣлъ еще объявить, кого онъ опредѣлитъ на свое мѣсто, то и было положено, чтобъ другое товарищество не прежде воспослѣдовало, какъ по окончанїи стараго договора, чего должно было ждать еще три года; почему Левизажъ и скрылъ свое неудовольствїе, въ той надеждѣ, что какїе нибудь непредвидѣнные случаи разстроять ихъ предначинанїя; притомъ же онъ зналъ благородную душу своихъ благодѣтелей, и безкорыстїе ихъ могло со временемъ одобрить тѣ противорѣчїя, кои онъ учинитъ въ томъ, чтобъ имѣть новыхъ товарищей.

Какъ дѣла Франклиновы не требовали болѣе присутствїя его въ Лондонѣ, то онъ поѣхалъ съ сестрою своею къ Бристольскимъ и Башскимъ водамъ, гдѣ она поправила свое здоровье, которое склонность ея къ Генриху нѣсколько поразстроила; и какъ въ сїе время была уже глубо-

кая осень, то они и не поѣхали въ Этеръ, а возвратились для проведенія зимы въ Лондонъ.

Франклинъ не забылъ друга своего Дельмора; онъ дѣлалъ многія поѣздки въ Оксфордъ для свиданія съ нимъ, и возвращался оттуда всегда довольнѣе успѣхами его въ ученіи и во всѣхъ Академическихъ упражненіяхъ. Дѣвица Элтонъ раздѣляла любовь его къ Генриху; и хотя дѣвицѣ Франклинъ не нравились уже забавы столичнаго города, однакожъ она призвала къ себѣ достойную любви Клару и пріятельницу ея дѣвицу Напперъ, и возила ихъ иногда въ театръ и въ гости.

Дѣвица Элтонъ, чрезъ нѣсколько недѣль пребыванія своего въ домѣ Франклиновомъ, вошла однимъ утромъ въ кабинетъ своего опекуна для испрошенія у него денегъ. Я прошу васъ возъимѣть жалость, говорила она ему, къ достойнѣйшей и нещастнѣйшей женщинѣ; Гжа. Напперъ находится въ замѣшательствѣ; она должна двѣсти

фунтовъ стерлинговъ за пожилое; хозяинъ ея грозитъ ей захватить ея мебели. Естьли вы соизволите по милости своей ссудить ее сею суммою, то я дамъ вамъ росписку, которая въ томъ отвѣчать будетъ, и я, пришедши въ совершенной возрастъ, заплачу по ней.

Франклинъ, удивившись Кларину предложенію, отвѣчалъ ей: поостерегись, милая моя, и будь поосмотрительнѣе, а иначе ты будешь жертвою лукавыхъ людей, кои доброе твое сердце употребятъ во зло, когда увидятъ, что ты не отличаешь великодушія, путеводимаго благоразуміемъ, отъ того, которое управляемо бываетъ глупостію, слабостію или хвастовствомъ. Однакожъ я надѣюсь, что ты никогда не будешь поступать по толь презрительнымъ побужденіямъ, и что одно только благотвореніе всегда управлять будетъ твоими дѣйствіями. По томъ спросилъ онъ у ней, по скольку Гжа. Напперъ платитъ за свою квартиру?

Клара отвѣчала ему, что она не знаетъ объ этомъ. Чтобъ задолжать такою суммою, то надобно ей быть должной уже давно, возразилъ ей опекунъ ея; но Клара противопоставляла ему только свои слезы. Франклинъ, смягчившись и самъ таковымъ доказательствомъ чувствительности, сдѣлалъ ей многїе вопросы о положенїи дѣлъ Гжи Наппер, и спросилъ у ней, увѣрена ли она, что одно только нещастїе привело ее въ сїе состоянїе. Я отвѣчаю вамъ въ этомъ, вскричала Клара; естьли вы откажете ей въ семъ одолженїи, то она принуждена будетъ выѣхать изъ дому и придетъ въ разоренїе; да и что же съ нею воспослѣдуетъ, когда она не будетъ уже имѣть способовъ къ доставленїю себѣ пропитанїя? Тронутъ будучи состраданїемъ къ воспитательницѣ находящейся у него подъ опекою дѣвушки, обѣщалъ онъ дать ей денегъ отъ ея имени, но имянно запретилъ ей вмѣшиваться въ такїя

дѣла безъ его совѣта, не желая, чтобъ она въ лѣта ея отнимала у него удовольствіе обязывать друзей ея. Сія предосторожность была нужна для воспрепятствованія Кларѣ входить въ другія дѣла сего роду при такой воспитательницѣ, которая по видимому имѣла надъ умомъ ея великую власть.

Клара, находясь на верьху своихъ желаній, тотчасъ поѣхала для увѣдомленія Гжи. Напперъ о успѣхѣ своей прозьбы, и возвратилась съ нею и Жемимою въ кабинетъ Франклиновъ, чтобъ поблагодарить его. Мать и дочь бросились къ ногамъ его, давали ему пышное титло утѣшителя нещастныхъ, и для засвидѣтельствованія ему своей благодарности ничего не опустили. Изъ выраженій ихъ, кои онѣ употребляли для доказанія Франклину своей радости, усмотрѣлъ онъ, что три тысячи фунтовъ стерлинговъ Кларина доходу имѣли большую силу, нежели дружество, и что онѣ основывали

на оныхъ большую часть своего щастія; почему онъ, желая прервать столь опасную связь, увѣдомилъ Гжу. Напперъ, что онъ увезетъ дѣвицу Элтонъ въ деревню; но хитрая воспитательница столь искусно вспомоществовала Клариным доводамъ для освобожденія себя отъ того, что Франклинъ согласился, чтобъ она пріѣхала въ Этеръ лѣтомъ. Но Клара не прежде рѣшилась разстаться на нѣкоторое время съ Гжею. Напперъ, которую она нѣжно любила, какъ когда Франклинъ сказалъ ей, что она увидится тамъ съ Генрихомъ-Дельморомъ.

Незнающіе сердца Франклинова стали бы порочить его слабость. Какъ скоро онъ примѣтилъ, что состоящая у него подъ опекунствомъ дѣвица находится въ опасности у такой воспитательницы, коея поведеніе онъ охуждалъ, то не долженъ ли онъ былъ, для взятія ее изъ ея дому, употребить права свои надъ нею? Другіе опекуны не усо-

мнились бы, но Франклинъ боялся оскорбить такую женщину, которая служила дѣвицѣ Элтонъ вмѣсто матери; притомъ же онъ всегда жертвовалъ собственнымъ своимъ удовольствїемъ, чтобъ только составить щастїе другаго: слабость, естьли это есть слабость, рѣдко нынѣ находимая.

ГЛАВА 9.

Удивительная въ разсужденїи поселянъ роскошь.

Прежде нежели я буду продолжать сїе интересное сочиненїе, надобно мнѣ увѣдомить Читателей моихъ о положенїи Этерскаго селенїя. Замокъ, приходская церковь и священической домъ занимали великое пространство, лежащее на полдень; по одну сторону построены были домы Доктора Грегорїя и Аптекарской, а по другую стряпчаго Довнеса, Франклинова управителя, и тракширъ,

называемый *Козья голова*, въ которой Франклинъ выдалъ замужъ Гжу. Гудсонѣ, бывшую прежде горничную служанку сестры своей; посрединѣ села стояли многїе домы, занимаемые земледѣльцами и художниками. Мущины забавлялись вечеромъ въ трактирѣ, а женщины собирались въ посидѣлки къ своимъ сосѣдкамъ; одни входили иногда въ долгъ по причинѣ многаго питья, а другїя пересужали своихъ прїятельницъ. Хотя такое поведенїе и не было примѣрно, однакожъ не было въ Этерѣ порочныхъ людей.

Таково было положенїе села и жителей его при послѣдней въ оное поѣздкѣ Франклиновой; но во время пребыванїя его въ Лондонѣ, въ Батѣ и въ Бристолѣ, многїя новизны имѣли влїянїе на нравы поселянъ.

Когда миръ возстановилъ порядокъ и спокойствїе въ островѣ Британскомъ, то воины, набранные въ Ландмилицкїе полки, возвратились въ свои домы. Отягчены будучи вой-

ною, которую они производили подъ палатками лагеря, назначеннаго служить увеселенiемъ Лондонскихъ госпожъ, принесли они оттуда не славные знаки ранъ своихъ, но развращенiе нравовъ и всѣ пороки, коихъ они доселѣ не знали. Вмѣсто скромности, простоты и другихъ добродѣтелей, спутницъ невинности, они столь хорошо подражали своимъ начальникамъ, что сдѣлались совершенно смѣшными.

Въ семь числѣ отличался сынъ одного откупщика, по имени Маршъ, которой чрезъ деньги досталъ себѣ Капитанской чинъ въ провинцiальной Ландмилицiи. Сынъ стряпчаго Довнеса могъ добиться только до Поручичьяго чина, а Вельсь, племянникъ Гжи. Гудсонъ, по причинѣ скупости своей тетки, занималъ скромное мѣсто Прапорщика. Возвращенiе сихъ троихъ Офицеровъ предшествуемо было двумя сержантами и пятью солдатами, кои жили, такъ какъ и они, въ селѣ и въ окружностяхъ

Этерскихъ. Каждой изъ сихъ героевъ возвращался къ своимъ сродникамъ въ намѣренiи научить ихъ вѣжливости и узнать нужды.

Намѣренiя Офицеровъ были обширнѣе намѣренiй низшихъ ихъ товарищей; они приняли на себя всѣ капризы, всѣ прихоти знатныхъ людей; но не имѣя способности удовлетворить имъ, рѣшились достигнуть до того помощiю происковъ. Они были весьма смѣлы, и мундиръ ихъ приводилъ въ страхъ ребятъ и тревожилъ стариковъ, у коихъ были дочери невѣсты. Франклинъ былъ въ Лондонѣ, а Докторъ Грегори столько любилъ хорошiй свой домъ, что не могъ отважиться замарать полъ, принимая къ себѣ такихъ людей, кои не имѣли средства быть больными. Старой Довнесъ былъ такой скупецъ, коего страсть къ деньгамъ равнялась съ страстiю его къ молодой своей ключницѣ. И такъ для произведенiя въ дѣйство того намѣренiя, съ какимъ три Офицера воз-

вратились въ свое селеніе, не оставалось имъ другой надежды, кромѣ Пасторова дому.

Въ семъ-то домѣ нашли бы они то, чего искали: у Ортодокса водились денежки, дочери его были пригожи, а жена Пасторова любила веселости. Величайшая трудность состояла въ томъ, чтобь найти благовидную причину войти въ домъ. Положившись во всемъ на случай, въ первое по своемъ пріѣздѣ воскресенье пошли они въ церковь, одѣвшись въ свой мундиръ, причесавшись по воински, обувшись по петиметрски, и тотчасъ привлекли на себя взоры поселянъ. Пасторъ Ортодоксъ обыкновенно во время проповѣди спалъ, ибо никогда самъ не сказывалъ проповѣдей въ отсутствіе Франклиново. Троимъ воинамъ весьма хотѣлось дать себя замѣтить Пастору; но Ландмилицкіе Офицеры, а еще болѣе отставные, не были столь важныя лица, чтобь могли удостоиться Ортодоксова вниманія; но жена его

и дочери были поснизходительнѣе; онѣ бросили на нихъ нѣсколько одобрительныхъ взглядовъ, и за поклоны, учиненные имъ отъ Офицеровъ при входѣ въ церковь, отплатили своими поклонами.

При концѣ службы Пасторъ проснулся, принялъ на себя важной видъ, къ которому онъ прїучивалъ себя, положилъ на грудь огромной свой подбородокъ, уткнулъ глаза въ землю, и не трогаясь головою, чтобъ не испортить своего парика, вышелъ изъ церкви среди ставшихъ въ два ряда прихожанъ, на которыхъ онъ не удостоилъ и взглянуть, и прошелъ чрезъ кладбище, послѣдуемъ будучи великорослымъ, сухощавымъ и блѣднымъ человѣкомъ, которой составлялъ забавной контрастъ съ тучнымъ приходскимъ Пасторомъ; черное платье, покрывавшее сухопарое его тѣло, чулки, башмаки и не причесанные волосы доказывали величайшую бѣдность. Когда онъ проводилъ Ортодокса до воротъ его дому,

то сдѣлалъ ему почтительной поклонъ, котораго Пасторъ по видимому не примѣтилъ, и съ печальнымъ видомъ удалился. Гжа. Ортодоксъ и дочери ея тотчасъ пошли за гордымъ Пасторомъ, и стали вмѣстѣ съ нимъ у оконъ въ залѣ для принятія поклоновъ отъ прихожанъ, кои нарочно шли мимо, чтобъ посмотрѣть на нихъ.

Не смотря на важной Пасторовъ видъ, молодые воины не оробѣли: дочери его не были столь степенны, сколько отецъ ихъ былъ педантъ. Капитанъ и Порутчикъ уже уязвлены были стрѣлами, выскакивавшими изъ ихъ прекрасныхъ глазъ, и отвѣтствовали на то *выстрѣломъ*, состоящимъ изъ *вздоховъ*, кои сдѣлали въ сердцѣ ихъ *проломъ*. Такимъ образомъ тотчасъ начали они держать совѣтъ въ главной комнатѣ въ трактирѣ; Гжа. Гудсонъ присутствовала при конференціяхъ; она не забыла, что Прапорщикъ Вельсъ былъ ея племянникъ, и что Капитанъ и

Порутчикъ не расплатились еще съ долгомъ, въ которой они вошли прежде отъѣзда своего въ армïю. Хотѣлось бы намъ, говорили они ей, имѣть входъ въ Пасторовъ домъ, и понравиться любезнымъ его дочерямъ. — Положитесь на мою ревность услужить вамъ, отвѣчала она имъ; Г. Ортодоксъ богатъ. . . Мы не богатства его ищемъ! вскричалъ Капитанъ. Что намъ въ деньгахъ? Мы не имѣемъ въ нихъ нужды. — И я также думаю, какъ вы, возразила она ему; но кто не имѣетъ денегъ, тотъ представляетъ изъ себя неловкую фигуру. Будете ли вы, государи мои, нынѣ обѣдать? Я этотъ столь присовокуплю къ тому щету, по которому вы забыли мнѣ заплатить. — А до какой суммы онъ простирается? спросилъ у ней Порутчикъ. — Бездѣлица! хотѣлось бы мнѣ, чтобъ вы должны были мнѣ стами гинеями. . . Но обратимся къ трактованной нами теперь матерïи; я не могу скрыть отъ васъ, что трудно будетъ вве-

сти васъ къ Г. Ортодоксу, которой весьма строго смотритъ за поведенїемъ дочерей своихъ. . . И такъ вы совершенно хотите заплатить мнѣ сполна по сему малому щету? . . . Дѣвицы Ортодоксъ достойны любви, и я скажу вамъ, что не отъ меня будетъ зависѣть, естьли вамъ не удастся судить о томъ самимъ собою. . . Однакожъ согласимся ли мы теперь въ той малости, которою вы мнѣ должны? — Я заплачу вамъ все и еще сто гиней, коими я буду вамъ долженъ, когда я женюсь на дѣвицѣ Ортодоксъ, возразилъ ей Капитанъ. Но трактирщица осердилась на учиненную чувствительности ея обиду: вы забываетесь, Г. Маршъ, сказала она ему съ важнымъ видомъ; не уже ли вы считаете меня за способную продать вамъ свои услуги? Я сдѣлаю то изъ дружества, чего не предприняла бы я за всѣ деньги Лондонскаго банка, и я, благодаря Бога, не однократно уже подавала нѣкоторые опыты, что

у меня не корыстолюбивая душа. Не смотря на обиду, какую вы мнѣ дѣлаете, говоря со мною такимъ образомъ, я постараюсь вамъ доставить входъ въ Пасторовъ домъ безъ всякаго другаго условія. — Поспѣшность, съ каковою она исправила свою коммисію, ясно доказала, что обѣщаніе Капитаново произвело удачное дѣйствіе.

Отсутствіе дѣвицы Франклинъ разстроивало веселыя компаніи Гжи. Ортодоксъ. Супругъ ея, коему не съ кѣмъ было бесѣдовать, кромѣ какъ съ женою своею и дочерьми, провождалъ утреннее время въ ученыхъ упражненіяхъ, а остатокъ дня въ ѣдѣ, питьѣ и брани; въ девять часовъ вечера онъ ложился спать, и спалъ до самаго утра.

Гжа. Ортодоксъ употребляла время сна своего мужа на забавы и на пріемъ друзей своихъ. Прапорщикъ Вельсъ уже допущенъ былъ въ ея общество, ибо она ни въ чемъ не могла отказать доброй своей сосѣдкѣ,

любезной Гжѣ. Гудсонъ. Въ самомъ дѣлѣ весьма бы неучтиво было принимать тетку, и не оказать такого же снизхожденія племяннику. Но сей племянникъ не обѣщалъ ста гиней, и Гжа. Гудсонъ не хотѣла потерять ихъ чрезъ привязанность къ своему семейству; почему Капитанъ и Порутчикъ вскорѣ попали въ число тѣхъ друзей, коихъ жена Пасторова угощала безъ вѣдома грознаго своего супруга.

Между тѣмъ временемъ, какъ въ Пасторовомъ домѣ расточаемы были деньги сребролюбиваго Ортодокса, въ Этерской долинѣ произошли удивительныя перемѣны. Когда Офицеры старались научить дѣвицъ Ортодоксъ ухваткамъ большаго свѣта, то въ то же время два сержанта и пятеро солдатъ учили жить другихъ жителей. Они толковали женамъ, сестрамъ и сродницамъ своихъ сосѣдей обыкновеніе просвѣщенныхъ народовъ, и дѣлали во нравахъ ихъ реформу; визиты, игра и дру-

гія забавы занимали то время, которое прежде сего употребляемо было на домостроительство; входили въ долги, безчестили дѣвицъ, и для разогнанія скуки учредили балъ, которому дали названіе ассамблеи и которой произходилъ въ трактирѣ *Козьей головы*, куда въ одинъ день въ недѣлѣ сходились откупщиковы дочери, провожаемыя своими любовниками; а тѣ, кои ихъ не имѣли, прибѣгали туда въ надеждѣ найти ихъ; тамъ-то одна передъ другою хвастались розовыми своими лентами, выбойчатыми юбками и вышитыми кисейными кофтами; туда-то также неблагоразумная Гжа. Ортодоксъ водила дочерей своихъ, ни мало не думая о тѣхъ опасностяхъ, коимъ она ихъ подвергала.

Но не-безъ труда-то доставляла она имъ сію забаву. Пасторъ, ложась спать, бралъ къ себѣ въ спальню ключи отъ воротъ. Въ то время, какъ жена его укладывала его на постелю, дочери ея наряжались, и

выходили по томъ съ своею матерью въ окно столовой залы. Сіи снаряды занимали у нихъ нѣкоторое время, и принуждали ихъ приходить на балъ почти въ ту самую минуту, какъ онъ оканчивался; однакожъ прогулка при свѣтѣ луны вознаграждала ихъ нѣсколько за ихъ принужденіе, и какъ Гжа. Ортодоксъ была участницею, то и позволяла троимъ ратникамъ сотовариществовать дочерямъ своимъ въ сихъ ночныхъ собраніяхъ.

Двѣ сестры, почитая себя щасливыми, что онѣ любимы, чувствовали, что щастіе не есть призракъ; и какъ онѣ довольны были силою своихъ прелестей и равномѣрно искательствомъ страстныхъ любовниковъ, то имъ и не оставалось уже ничего желать. Чѣмъ болѣе помѣшательствъ въ разсужденіи Дельмора, тѣмъ болѣе соперничества; но онѣ были сопряжены нуждою обманывать бдѣніе отца своего, и стараніями поддерживать мать свою въ заблужденіи.

Капитанъ Маршъ достоинъ былъ любви; кромѣ оборотливости своего разума, умѣлъ онъ кстати приводить нѣжныя сцены между *Ромеомъ* и *Юлїеттою*; притомъ же съ прїятностїю танцовалъ, и говорилъ употребительными при Дворѣ фразами; разстройство въ его имѣнїи доказывало презрѣнїе, какое онъ имѣлъ къ богатству, и сколько онъ воспользовался примѣромъ своихъ командировъ. Правда, что онъ имѣлъ тогда намѣренїе освободить Ортодокса отъ золота, запертаго имъ въ сундукахъ своихъ, но это для того, какъ говорилъ онъ, чтобъ заплатить двумъ сестрамъ своимъ пять тысячь фунтовъ стерлинговъ, коими онъ долженъ былъ имъ со времени смерти отца своего. Безъ сего долгу, присовокупилъ онъ, не принялъ бы я намѣренїя увезти дѣвицу Ортодоксъ, и попросилъ бы ее у стараго Пастора въ супружество себѣ съ опасностїю получить отказъ. Льстивой Маршъ искалъ тогда только случая

занять денегъ для произведенія въ дѣйство своего намѣренія.

По симъ причинамъ Капитанъ не могъ избавиться, чтобъ не возъимѣть сильной страсти къ Аннѣ Ортодоксъ. Съ сего времени онъ легко уговорилъ бы ее слѣдовать за собою въ Шотландію, гдѣ производятся браки безъ согласія родителей; но разстройка въ доходахъ его полагала тому препону.

Порутчикъ Довнесъ, сынъ Франклинова управителя, привыкъ жить на щетъ Маршевъ. Какъ отецъ не почелъ за благо давать ему на его содержаніе, то молодой Довнесъ обучился искуству сбирать контрибуцію съ кошелька друзей своихъ; игра и заклады доставляли ему также великія выгоды. По пріѣздѣ своемъ въ Этеръ принятъ онъ былъ въ домъ отца своего съ тѣмъ условіемъ, что онъ не будетъ ему въ тягость, и не станетъ стараться понравиться Гжѣ. Бетти, его ключницѣ.

Хотя положенie молодаго Довнеса было бы и лучше, естьлибъ онъ получилъ Лавинiину руку; но онъ волочился за нею, не имѣя намѣренiя жениться на ней. Бракъ былъ такой союзъ, которой не согласовался съ его правилами, а обольщенie ея казалось ему ласкательнѣйшимъ торжествомъ. Чтенie чувствительныхъ романовъ прiуготовило уже пораженie Лавинiи. Сердце ея столько тронуто было ими, что не могло противиться долгое время нападенiямъ проворнаго любовника. Со времени Генрихова отъѣзда глаза ея старались найти плѣняющiй предметъ, которой долженъ былъ спосшѣшествовать ея благополучiю, и которой, по примѣру романическихъ героевъ, умиралъ бы у ногъ ея отъ любви. Изъ сего чтенiя узнала она *теорiю* любви; Филмеръ началъ возбуждать ея страсти; Генрихъ воспламенилъ ея сердце; но честь показать на *практикѣ* тѣ приключенiя, о коихъ она узнала

отъ романическихъ героевъ, предоставлена была Поручику Довнесу.

ГЛАВА 10.

Новыя открытія.

Хорошее годовое время привлекло Франклина и сестру его въ Этерской замокъ. Они по обыкновенію приняты тамъ были Пасторомъ и его фамиліею. Тѣ же изъявленія удовольствія, тѣ же доказательства любви, тѣ же увѣренія въ почтеніи оказаны были съ той и другой стороны, и каждой радовался сему щастливому возвращенію: Франклинъ для того, что любилъ спокойствіе; сестра его по причинѣ своей Исторіи, которую хотѣлось ей докончить; Пасторъ для того, что будетъ имѣть хорошій столъ, не траття своихъ денегъ; а Гжа. Ортодоксъ и дочери ея по той причинѣ, что онѣ не будутъ уже чувствовать скуки отъ присутствія *Аргуса*, кото-

рой заставлялъ ихъ принуждать себя, и препятствовалъ имъ угощать любовниковъ своихъ. Какъ скоро Пасторъ засѣлъ въ ученомъ кабинетѣ своей ученицы, то дѣвицы Ортодоксъ начали принимать открытымъ образомъ Капитана и Порутчика, кои провожали ихъ во всѣ домы, куда онѣ ходили пить чай. Довольны будучи тѣмъ, что превышали сосѣдокъ своихъ платьемъ, и могли хвастаться хорошею Пасторовою столовою посудою, посвящали онѣ утро на наряды, а вечеръ на празд네ства, на которыхъ потягивали доброе Ортодоксово винцо. Въ угодность Гжи. Гудсонь и для соблюденія ея покровительства надобно было и обоимъ Офицерамъ давать въ свою очередь столы въ ея трактирѣ, къ коимъ допускаемы были только короткіе знакомцы Пасторова семейства.

Не смотря на безпокойство, каковое имѣла жена Ортодоксова, чтобъ не увѣдомили мужа ея о про-

изходившемъ въ его домѣ, не смѣла она отказаться отъ тѣхъ издержекъ, каковыхъ стоили сіи веселыя компаніи, ниже привесть въ порядокъ поведеніе дочерей своихъ. Будучи неблагоразумна изъ слабости, готовила она имъ долговременное раскаяніе.

Между симъ временемъ Дельморъ пріѣхалъ къ своимъ покровителямъ въ Этеръ черезъ два мѣсяца послѣ пріѣзду ихъ въ замокъ. Награжденіе, полученное имъ въ Университетѣ, доказало Ортодоксу, что дарованія его не достойны презрѣнія; словомъ сказать, онъ возвратился осыпанный похвалами и удовлетворительными свидѣтельствами объ отличныхъ успѣхахъ его въ ученіи.

Удивительныя перемѣны, произшедшія въ Этерской долинѣ во время его отсутствія, ничто были въ сравненіи съ тѣми, каковыя произвело въ Генрихѣ пребываніе его въ Университетѣ. Хотя прошло не болѣе полугода, какъ видѣлся съ нимъ

Франклинъ, однакожъ онъ нашелъ его столько перемѣнившимся въ его пользу, что едва узналъ его. Добродушной Франклинъ, сжавши его въ своихъ объятіяхъ, побѣжалъ увѣдомить сестру свою о пріѣздѣ Генриховомъ. Радость изображалась въ его взорахъ; слезы омочали глаза его, а удовольствіе, видя старанія свои столь хорошо вознаграждаемыми, блистало во всѣхъ чертахъ его. Поди, говорилъ онъ ей, взявши ее за руку, прими того молодаго человѣка, коего Небо послало намъ въ даръ для увѣнчанія всѣхъ своихъ благодѣяній; ты увидишь такого молодца, которой со временемъ будетъ служить украшеніемъ въ обществѣ. Такимъ образомъ говорилъ Франклинъ, ведя сестру свою въ залу. Генрихъ какъ скоро увидѣлъ ее, то бросился къ ногамъ ея и вскричалъ: ахъ, сударыня! какимъ образомъ могу я заплатить за все то, чѣмъ я одолженъ вашимъ милостямъ? Естьли бы вы могли читать въ моемъ сердцѣ, то

вы увидѣли бы, что благодарность начертала тамъ воспоминанїе объ ономъ неизгладимыми буквами. Чѣмъ болѣе прїобрѣтаю я опытности, тѣмъ болѣе чувствую цѣну оказываемаго вами мнѣ покровительства. Такъ, сударыня, я одолженъ существованїемъ своимъ вашему соболѣзнованїю, вашему человѣколюбїю . . . Слезы не дали ему болѣе говорить; дѣвица Франклинъ также плакала; но сдѣлавши усилїе, чтобъ скрыть свою чувствительность, сказала ему: любезной мой Генрихъ! не ты, а мы должны благодарить тебѣ за удовольствїе, тобою намъ доставляемое. Щастїе наше состоитъ въ томъ, чтобъ видѣть тебя благополучнымъ; возвращайся послѣ каждаго своего отсутствїя столь же достойнымъ любви и столь же добродѣтельнымъ, то намъ нечего будетъ желать болѣе. По томъ она обняла его и согласилась въ той выгодной перемѣнѣ, каковую она нашла въ лицѣ и во всемъ его видѣ: при-

знанїе, которое Пасторъ имѣлъ снизхожденїе одобрить.

Дельморъ, увидя Пастора въ такомъ духѣ, осмѣлился спросить у него о состоянїи жены его и дочерей, твердо положивши навѣдаться о томъ самолично, естьли будетъ имѣть случай ускользнуть послѣ обѣда. Но онъ обманулся въ своемъ чаянїи: Франклинъ не ложился спать, а сестра его не выходила изъ залы. Удовольствїе разговаривать съ Генрихомъ одержало верьхъ надъ удовольствїемъ трудиться надъ Исторїею, и самой Пасторъ, не боясь уже, чтобъ онъ въ семъ важномъ предпрїятїи смѣненъ былъ Дельморомъ, вмѣшался въ разговоръ.

Генрихъ не былъ уже, такъ какъ прежде, тотъ молодой человѣкъ, котораго спрашивали для приведенїя его въ замѣшательство, но ученой собесѣдникъ, коего мнѣнїя были принимаемы. Дѣвица Франклинъ не преставала удивляться, что Генрихъ при толь плѣняющемъ видѣ и съ

столь достойными почтенія качествами имѣлъ такой умъ. Правда, что Дельморъ имѣлъ удивительную память, и зналъ по Гречески и по Латыни столь же совершенно, какъ природной свой языкъ; но качества его возвысило предъ глазами дѣвицы Франклинъ то краснорѣчіе, съ каковымъ говорилъ онъ о древнихъ авторахъ, и то глубокое свѣденіе, каковое имѣлъ онъ о ихъ сочиненіяхъ. Естьли сія минута была минутою торжества Дельморова, то была также минутою и пораженія благодѣтельницы его.

Разговоръ сего дня произвелъ въ сердцѣ и умѣ дѣвицы Франклинъ великую перемѣну. Будущее время представляло ей трогательныя удовольствія, кои она могла вкушать только съ юнымъ своимъ другомъ. Тщетно старалась она отдалить обольстительныя мысли: онѣ опять производимы были чертами Генриховыми. Будучи въ отсутствіи, опять желала увидѣться съ нимъ; а когда

была подлѣ него, то безпокойство, чтобъ не разлучиться съ нимъ, едва попускало ей наслаждаться удовольствїемъ, что она находится съ нимъ; и даже сонъ убѣгалъ рѣсницъ ея; она повсюду видѣла Генриха, и прїятной его голосъ никогда не выходилъ изъ ея мыслей. Однимъ словомъ, любовь вступила въ права свои съ обыкновеннымъ своимъ владычествомъ, и цѣломудренная, ученая и патрїотическая дѣвица Франклинъ, имѣвшая сорокъ пять лѣтъ отъ роду, возчувствовала наконецъ сильную страсть къ молодому дватцатилѣтнему человѣку.

О женщины, женщины! не уже ли надобно перу моему открыть ваши слабости? Мое ли дѣло повѣствовать, сколько и разумнѣйшая изъ насъ слаба, когда любовь порабощаетъ разсудокъ? Никакой чувствительной романъ, никакое любовное приключенїе, никакое страстное повѣствованїе, никакой старательной любовникъ не могъ покорить ни

сердца ни ума ученой дѣвицы Франклинъ, вооруженной *Еврейскимъ*, укрѣпленной *Греческимъ*, охраняемой со всѣхъ сторонъ *Латинскимъ* языками, окруженной славою древняго героизма, возвышенной мудрыми примѣрами превыше заблужденій легковѣрія и слабостей человѣческихъ, и нечувствительной къ прелестямъ любви . . . Но къ чему служитъ философія женщинамъ? Просвѣщеніе не есть щитъ, могущій предохранить отъ пламенныхъ стрѣлъ любви.

Ортодоксъ не зналъ еще о сумятицѣ, производимой божкомъ симъ въ сердцѣ его ученицы Тщетно поощрялъ онъ ее довершитъ сочиненіе свое; ни Исторія, ни слава, каковой она отъ ней ожидала, ни классическіе авторы не могли принудитъ ее слушать его; они теряли свой кредитъ, такъ какъ и почтенный Ортодоксъ. Библіотека сдѣлалась пустою, а конференціи становились рѣже, по мѣрѣ, какъ страсть къ Дельмору брала свою силу; нако-

нецъ бѣдной Пасторъ, желая соблюсти мѣсто свое за столомъ Франклиновымъ, покорился общему жребію древнихъ своихъ Греческихъ и Латинскихъ друзей, такъ что не смѣлъ и роптать на то.

Дружество оказывало кротчайшую власть надъ сердцемъ Франклиновымъ. Не имѣя одинаковыхъ съ сестрою своею причинъ принуждать свои чувствованія, каждой день подавалъ онъ новые оныхъ опыты, и осыпалъ Генриха благодѣяніями. Часто замѣчалъ онъ, что сестра его предпочитала разговаривать съ Дельморомъ; но онъ не подозрѣвалъ побудительной причины сего предпочтенія. Притомъ же онъ самъ находилъ столько пріятности въ Генриховыхъ разговорахъ, что ему казалось весьма естественнымъ, когда и другіе думали, такъ какъ онъ. Однимъ днемъ, разговаривая съ нею объ этомъ, сказалъ онъ ей: я вижу, что удобно можно отбросить скуку, произходящую отъ сочиненія политической

книги, чтобъ только вкушать удовольствіе отъ Генриховыхъ разговоровъ. Дѣвица Франклинъ вздохнула, и ушла отъ него, не сдѣлавши ему никакого отвѣта.

Женѣ и дочерямъ Ортодоксовымъ позволено было по воскресеньямъ обѣдать въ замкѣ; почему семейство сіе и пришло къ Франклину въ то время, какъ надобно было садиться за столъ. Отмѣнное убранство дѣвицъ Ортодоксъ не миновало критики дѣвицы Франклинъ, которая нашла также, что онѣ не имѣли уже робости въ своихъ поступкахъ, и что церемоніальной видъ, каковой онѣ на себя принимали, не приличенъ былъ ихъ званію. Учтивости, вмѣшиваемыя ими въ малѣйшія слова, дѣлали ихъ еще болѣе смѣшными, и Дельморъ не нашелъ, чтобъ перемѣна сія къ нимъ пристала.

Лавинія была не столько полна, и не имѣла уже той дородности, которая придавала ей столько пріятностей. Казалось, что нѣкото-

рое смущенїе препятствовало ей съ удовольствїемъ видѣться съ Генрихомъ. Хотя она и притворялась быть веселою, однакожъ глаза ея изобличали ее въ томъ; не видно уже было въ нихъ сей прїятной томности, но унынїе, произходящее отъ глубокой задумчивости. Правда, что Генрихъ, выѣзжая изъ Этера, клялся ей вѣчною любовїю, и она не получала отъ него писемъ, не смотря на данное имъ обѣщанїе писать къ ней каждую почту; но осьмнатцатимѣсячное отсутствїе изгладило Лавинїю изъ его памяти, и естьли онъ на минуту и занимался ею, то единственно для припамятыванїя себѣ такого предмета, которой ласкалъ его чувствамъ, не трогая его сердца. Онъ выѣхалъ изъ Этера и возвратился туда, не имѣя къ ней другихъ чувствованїй, кромѣ дружества.

Унынїе, въ каковомъ онъ теперь ее видѣлъ, произвело въ немъ мысль, что молчанїе его весьма опечалило ее, и что не скоро можно ему за-

гладить свой проступокъ. Онъ вспомнилъ тогда о нѣжныхъ словахъ, каковыя она ему говаривала; почему надѣясь, что она искренно его любитъ, удвоилъ старанїе свое для полученїя отъ ней себѣ прощенїя. Лавинїя слушала его съ радостїю, которая по видимому смѣшана была съ печалїю. Лице ея оживилось, румянецъ покрылъ на малое время прекрасныя ея щеки; но минуту спустя, на мѣсто розъ показалась блѣдность; потупя глаза свои въ землю, впала она опять въ слабость, изъ коей казалось ничто не могло извлечь ее.

Генрихъ, не зная причины, которая по видимому столь сильно трогала Лавинїю, просилъ ее увѣдомить его о томъ, признался ей въ своемъ проступкѣ, снова умолялъ ее забыть его небрежность, и обѣщалъ ей ничего не пощадить для заглажденїя вины своей. Глаза Лавинїины опять приняли обыкновенной свой блескъ; надежда, каковую по-

давало ей сїе обѣщанїе, воспрепятствовала ей говорить; она покраснѣла, и невольная слеза омочила прекрасныя ея рѣсницы. Генрихъ, не сомнѣваясь болѣе, чтобъ онъ не отгадалъ источника ея печали, и думая, что онъ становился нужнымъ для ея спокойствїя, нашелъ новыя прелести въ той, красотѣ коей не могъ онъ довольно надивиться. Взоры Лавинїины увѣряли его въ прощенїи ея; они согласились увидѣться безъ свидѣтелей, и лишь только успѣли назначить часъ и мѣсто свиданїя, какъ вошла Анна Ортодоксъ, которая на нѣсколько времени выходила.

Я весьма рада, увидя васъ въ Этерѣ, сказала Генриху Анна, садясь подлѣ Лавинїи. Отсутствїе ваше, продолжала она, причинило бы сестрѣ моей смерть, естьлибъ другой любовникъ не утѣшилъ ее въ томъ. — Ахъ, Боже мой! какъ можешь ты, сестрица, говорить такимъ образомъ? вскричала Лавинїя покраснѣвши. Генрихъ, думая, что

это краска цѣломудрія, нашелъ Лавинію прекраснѣйшею прежняго, а сестру ея гораздо дурнѣйшею, и оставя ихъ вмѣстѣ, пошелъ къ Франклину играть въ вистъ.

Ортодоксъ уже спокойно спалъ подлѣ своей жены, а Франклинъ вошелъ въ свои покои, гдѣ онъ размышлялъ о средствахъ доставить покровительствуемому имъ человѣку хорошія выгоды, какъ Генрихъ сошелъ по потайной лѣстницѣ для свиданія съ своею любовницею. Подошедши къ Пасторову дому, увидѣлъ онъ зажженную свѣчу на томъ окнѣ, чрезъ которое Лавинія многократно выходила изъ покоевъ, и которое служило тогда къ принятію Генриха въ отсутствіе Порутчика. Одно нужное дѣло требовало присутствія Порутчикова въ Лондонѣ; онъ уѣхалъ съ такою поспѣшностію, что и не простился съ Лавиніею.

Какъ скоро увидѣла она у себя Генриха, то и не помышляла уже о семъ вѣроломномъ любовникѣ, и бо-

жилась Дельмору, что ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ не можетъ заставить ее нарушить вѣрность, которою она ему клялась. Онъ-то одинъ, по ея словамъ, былъ посредникомъ ея участи, и однакожъ онъ имѣлъ жестокость забыть ее. Чтобъ болѣе увѣрить его, то къ упрекамъ симъ присоединила она нѣсколько слезъ. Генрихъ тронутъ былъ ими, старался утѣшить ее, осмѣлился сорвать съ розовыхъ ея губъ поцѣлуй, съ нѣжностїю прижалъ ее къ своему сердцу... Но покроемъ завѣсою остатокъ сей сцены... Высокомѣрный мущина! какая твоя гордость, какое твое мнимое превосходство, благоразумїе, сила ума и безстрашїе? Къ чему служатъ сїи права и сїи совершенства, которыя ты осмѣливаешься присвоивать себѣ для возвышенїя себя превыше предразсудковъ, когда одна простая женщина, слабѣйшая изъ всѣхъ, умѣетъ отмстить благоразумнѣйшему изъ васъ за первую свою обиду? женщина, которая,

преодолѣвши угрызѣнія совѣсти, послѣдующія за обольщеніемъ, умѣетъ обмануть хитрѣйшаго изъ твоего полу. Бѣдной Дельморъ, предавшись всей своей нѣжности, не умѣлъ защитить себя отъ сѣтей; онъ вкушалъ превосходное удовольствіе въ обьятіяхъ плѣняющей Лавиніи, и забылъ, что за сими обворожающими минутами послѣдуетъ величайшее раскаяніе. Въ самое то мгновеніе ока, какъ первые лучи дня вразумили его, что пора уже возвратиться въ замокъ, почувствовалъ онъ цѣну добродѣтели. Онъ оставилъ свою любовницу съ сердцемъ, угнѣтеннымъ болѣзненными чувствованіями, и вошелъ въ свою комнату съ печальнымъ видомъ.

Тщетно Генрихъ старался забыть проступокъ свой въ пріятностяхъ сна: воспоминаніе о преступленіи своемъ не дало ему сомкнуть глазъ; ничто не могло извинить его поступка. Не по заблужденію проступился онъ, и также не по опро-

мстчивости: онъ имѣлъ время подумать объ учиненномъ имъ поступкѣ. Лавинія любила его, а онъ употребилъ довѣренность ея во зло, чтобъ сдѣлать ее нещастною. Множество другихъ размышленій разливали горесть на тѣ законопреступныя удовольствія, кои вкушалъ онъ въ ея объятіяхъ. Бракъ былъ единственнымъ остававшимся ему средствомъ къ извиненію своего неблагоразумія; но неразрѣшимыя узы съ Лавиніею казались ему весьма тяжкими оковами: онъ не могъ подумать о томъ безъ трепета.

Честь повелѣваетъ мнѣ, вскричалъ онъ, загладить обиду, причиненную мною обожаемой мною женщинѣ; я не могу и не долженъ оставлять ее. . . Однакожъ естьлибъ было средство избавиться отъ сего... Увы! коликими мученіями послѣдуема будетъ одна минута изступленія! какъ могу я взглянуть на достойнаго, на добродѣтельнаго покровителя моего? Ахъ, Лавинія! сколь

жестокое наказанie составляетъ красота твоя! Да благоугодно будетъ Небу простить меня за помраченie блеска твоей невинности! — Волненie души его повредило его здоровье, и жестокая головная боль воспрепятствовала ему быть при завтракѣ.

Онъ боленъ! вскричалъ Франклинъ, съ поспѣшностiю вскочивши съ своего стула и побѣжавши въ Генрихову комнату. — Боже избави насъ отъ того! возразила дѣвица Франклинъ, послѣдуя за своимъ братомъ и окрокинувши столъ, на которомъ поставленъ былъ чайной приборъ.

Генрихъ, стыдясь тѣхъ заботъ, каковыя были оказываемы о немъ, увѣрилъ благодѣтелей своихъ, что ему приключился легкой только припадокъ, и хотѣлъ было встать; но они увидѣли, что у него глаза и лице разгорѣлись; а дѣвица Франклинъ думала уже, что у него горячка, и что не можно было съ довольною скоростiю пособить его болѣзни.

Послали за Докторомъ Грегоріемъ. Припадокъ какой нибудь милой особы, или какого нибудь любимаго животнаго, производитъ въ семействѣ такое же дѣйствіе, какъ и заразительная болѣзнь: каждой старается подражать тому виду, какой принимаетъ на себя хозяинъ или хозяйка. Франклинъ и сестра его казались безпокоющимися, почему и всѣ люди ихъ тотчасъ взяли на себя печальной видъ; одни говорили, что это сильное разслабленіе желудка; другіе думали, что это простуда, оспа, корь; словомъ сказать, прошли весь каталогъ болѣзней.

Докторъ Грегори, посмотрѣвши на больнаго, не могъ, какъ говорилъ онъ, увѣрить положительнымъ образомъ, чѣмъ онъ боленъ; но во ожиданіи, какъ онъ будетъ имѣть случай узнать объ ономъ, велѣлъ наблюдать діэту, предписываемую Докторомъ *Ластомъ*.

Въ обѣденной часъ, прежде нежели слабительное могло подѣйство-

вать, по той причинѣ, что оно не было еще принято, Генрихъ вошелъ въ столовую залу. Удовольствіе Франклиново и сестры его, увидя, что Генрихъ не имѣлъ припадковъ той болѣзни, коею Докторъ угрожалъ его, обнаружилось радостію ихъ, что онъ находится въ добромъ здоровьѣ. Дѣвица Франклинъ непремѣнно хотѣла сотоварищестововать ему въ прогулкѣ, боясь, что онъ не побережетъ себя, естьли не будетъ имѣть при себѣ надсмотрщиковъ.

Возвращаясь въ замокъ, проходили они мимо дому Ортодоксова, которой просилъ ихъ войти къ себѣ Франклинъ отговорился отъ того тѣмъ, что онъ нѣсколько усталъ; дѣвица Франклинъ почла за благо возвратиться скорѣе въ замокъ, опасаясь, чтобъ вечерняя роса не обезпокоила Генриха, которой весьма радъ былъ, избавившись отъ того; ибо онъ, увидѣвши Лавинію въ при-

сутствіи толикихъ свидѣтелей, пришелъ бы въ замѣшательство.

На другой день послѣ того, какъ Дельморъ учинилъ проступокъ, стоившій ему столь великаго раскаянія, хотѣлось ему узнать отъ Ортодокса о состояніи Лавиніи; но онъ не смѣлъ произнести ея имени. Дѣвица Франклинъ не занималась Пасторовымъ семействомъ, а еще менѣе здоровьемъ дочерей его. Однакожъ Франклинъ по случаю заговорилъ объ нихъ: здоровы ли онѣ нынѣ? спросилъ онъ Ортодокса. Лавинія больна, отвѣчалъ ему Пасторъ; мать ея боится, чтобъ она не умерла сухоткою. Съ нѣкотораго времени не имѣетъ она аппетиту, и весьма жалуется на свой желудокъ. Велите принять ей рвотное, сказала ему дѣвица Франклинъ. Она уже принимала его, отвѣчалъ Пасторъ, но оно не производитъ никакого дѣйствія. — Пусть она ранѣе ложится спать, присовокупилъ Франклинъ. —

Въ десять часовъ она уже на постелѣ, возразилъ Пасторъ. — Вы такъ думаете; но . . . Франклинъ не сказалъ о томъ болѣе ни слова; Генрихъ покраснѣлъ, и вышелъ, чтобь скрыть свое смущенiе. Праведное Небо! преступленiе мое извѣстно! вскричалъ онъ; неблагоразумiе мое уже обезчестило бѣдную дѣвушку. Какое понятiе долженъ имѣть благодѣтелъ мой о такомъ человѣкѣ, коего безчестной поступокъ столь мало согласенъ съ тѣмъ выгоднымъ мнѣнiемъ, которое онъ имѣлъ о его благоразумiи? . . . Сколько прелестей имѣетъ добродѣтель! Доколѣ я слѣдовалъ ея правиламъ, дотолѣ я былъ щастливъ и спокоенъ; но порокъ сдѣлалъ меня нещастнымъ. — Остатокъ дня провелъ онъ въ сокрушенiи о своемъ проступкѣ.

ГЛАВА 11.

Любовныя цыдулочки.

Когда Дельморъ переходилъ чрезъ галлерею, ведшую къ его комнатѣ, то подошла къ нему одна старая служанка, поклонилась и подала слѣдующее письмецо:

„Дражайшій мой Генрихъ! съ „послѣдняго нашего свиданія я ни на „минуту не была здорова. Матушка „моя весьма безпокоится; приди и „повергнись въ мои объятія. Не за„медли притти ко мнѣ симъ вече„ромъ; я ожидаю сей щастливой „минуты съ величайшею нетерпѣли„востію. Время будетъ течь весьма „медленно до того часа, которой „долженъ привести ко мнѣ моего „любовника. Прости; не обмани въ „соотвѣтствованіи моимъ желані„ямъ.„

Генрихъ удивился тому жару, съ какимъ молодая дѣвица убѣжлала его подвергнуть ее новымъ опасно-

стям. Неопытность заставила его извинить такую страсть, которую почиталъ онъ столько сильною, что не можно было привесть ее въ границы, предписываемыя благопристойностію. Однакожъ угрызеніе совѣсти снова начало мучить его душу, и принудило его рѣшиться прервать знакомство съ Лавиніею. Какимъ образомъ и въ какихъ словахъ могъ онъ дать ей знать о великости того преступленія, которому онъ научилъ ее? Какимъ языкомъ сказать ей, что онъ въ награду за ея къ нему любовь похитилъ у ней драгоцѣннѣйшее украшеніе ея полу? Естьли бы онъ умолчалъ, то каждой день дѣлалъ бы онъ ее виновнѣйшею; а естьли бы сказалъ, то онъ былъ почти увѣренъ, что составитъ ей нещастіе. Наконецъ рѣшился онъ писать къ ней; но открывши коробочку, въ коей стояла чернильница и песочница, нашелъ въ ней другое письмо, печать коего представляла сердце, пронзен-

ное стрѣлою. Какое было его смущенiе и изумленiе, читая сiи строки!

„Съ прискорбiемъ примѣчено, что „вы имѣете уваженiе къ молодой „вертопрашкѣ, приходящей иногда „въ замокъ. Какъ сiя дѣвка недостой-„на старанiй молодаго человѣка ва-„шихъ достоинствъ. то и увѣдомляю „васъ, чтобъ вы были поосторожнѣе; „притомъ же вы имѣете право искать „важнѣйшихъ завоеванiй. Естьли вы „благоразумны, и естьли благодар-„ность не есть для васъ бремя, то „предлагается вамъ достойнѣйшее „сердце съ знатнымъ имѣнiемъ. Будь-„те умны и воспользуйтесь симъ „открытiемъ, которое можетъ про-„изойти только что отъ прiятель-„ницы, старающейся сдѣлать васъ „щастливымъ, предлагая вамъ сред-„ства быть таковымъ честнѣйшими „путями.„

Не великая потребна была проницательность, чтобъ отгадать сочинительницу сего письмеца. Хотя

и приложено было старанїе о перемѣнѣ почерка, однакожь Генрихъ столь хорошо зналъ руку дѣвицы Франклинъ, что не могъ не узнать, что она его писала. Изумленїе его, узнавши, что покровительница его способна была сдѣлать таковой поступокъ, заставило его на нѣсколько времени забыть положенїе Лавинїи. Не сонъ ли это? вскричалъ онъ. Возможно ли этому статься, что дѣвица Франклинъ такъ думаетъ, какъ пишетъ? Ахъ! безъ сомнѣнїя хочется ей узнать, не заставили ли меня милости ея, коихъ она меня удостоиваетъ, забыть то состоянїе, изъ коего она меня извлекла.

Генрихъ имѣлъ къ дѣвицѣ Франклинъ любовь и почтенїе сына къ своей матери. Добродѣтели ея и дарованїя заставляли его почитать ее превыше смертныхъ; для изъявленїя ей благодарности своей пожертвовалъ бы онъ ей жизнїю своею, но не чувствовалъ къ ней ни малѣйшей склонности. Онъ снова прочиталъ

письмецо, держимое имъ въ рукахъ своихъ, и наконецъ съ печалію усмотрѣлъ, что она столь вразумительно изъяснялась въ немъ, что не льзя было подумать, чтобъ ей хотѣлось только поставить сѣти его тщеславію. Какъ скоро представилъ онъ ее себѣ подъ смѣшнымъ видомъ покоренной любовію женщины, то почтенныя ея качества затмились, и онъ увидѣлъ въ ней не что уже другое, какъ только отвратительной предметъ.

Размысливши обо всемъ случившемся съ нимъ, какое мое положеніе! вскричалъ онъ; сія женщина, которую почиталъ я изъятою отъ всѣхъ слабостей, коея строгая добродѣтель не прощала заблужденій юношества, и которая взирала на нихъ жалостнымъ окомъ, не уже ли можетъ унизиться до меня? . . . Нѣтъ, я не могу тому повѣрить! Это сѣти; осторожность моя и скромность докажутъ ей, что я такъ думаю. Потомъ вспомнивши разговоры, кои онъ

имѣлъ съ дѣвицею Франклинъ, снова началъ ласкаться, что она хочетъ на щетъ его повеселиться.

По наступленіи обѣденнаго часа Генрихъ вошелъ въ столовую, совершенно будучи увѣренъ, что онъ отгадалъ намѣреніе своей благодѣтельницы. Минуту спустя, пришла туда же дѣвица Франклинъ, одѣтая такимъ образомъ, которой показывалъ, что она имѣетъ какіе нибудь виды. Щеголеватой ея нарядъ тѣмъ большее имѣлъ право на изумленіе Генрихово и Франклиново, что сестра его съ самаго своего юношества довольствовалась украшеніями разума, и даже нерадѣла о возвышеніи своихъ прелестей какою нибудь мѣлочною опрятностію. Никогда не занималась она выборомъ матеріи на платье и чепца; предавшись совершенно ученію, предоставляла она сіи старанія, кои не почитала достойными своего вниманія, на волю горничной своей служанки. Лишь бы только она одѣта была покойно, а

прочее зависѣло уже отъ употребленія, каковое могла изъ того сдѣлать ея служанка, которая вкусъ своей барышни учреждала по своему вкусу.

Хотя природа одарила дѣвицу Франклинъ довольно сильными для покоренія сердецъ прелестями, однакожъ въ юношествѣ своемъ не знала она цѣны ихъ, и никогда не хотѣла воспользоваться ими. Испанской табакъ потемнилъ нѣсколько бѣлизну ея пальцовъ и испортилъ расположеніе ея носу; она нерадѣла о ногтяхъ своихъ и зубахъ; но изъ желанія понравиться тотчасъ приняла она особенное стараніе о своихъ прелестяхъ, и Гертруда, горничная ея служанка, получила приказаніе быть впредь внимательнѣе къ выбору цвѣта лентъ ея. Въ сей самой день велѣла она ей надѣть на нее лучшій чепчикъ; а тотъ, которой она обыкновенно носила, отвергнутъ былъ съ презрѣніемъ, для того что не былъ модной. Словомъ сказать, дѣвица Франклинъ сдѣлала въ нарядѣ

своемъ совершенную перемѣну, и вошла въ столовую, помолодѣвши цѣлымъ десяткомъ лѣтъ.

Франклинъ и Пасторъ, удивившись, видя ее совсѣмъ не таковою, какъ на канунѣ, смотрѣли на нее въ молчанïи; но она не оказала къ тому ни малаго вниманïя, бросила нѣжной взглядъ на Генриха, и сѣла за столъ съ живостïю пятнатцатилѣтней дѣвушки. — Какой дьяволъ овладѣлъ моею сестрою? говорилъ про себя Франклинъ. — Царство мудрости кончилось, думалъ Пасторъ. — Ахъ! говорилъ самъ въ себѣ Дельморъ, это не шутка.

Удовольственной видъ, веселость и живость госпожи дому были новыми причинами къ удивленïю. Ученая дѣвица Франклинъ, отворявшая уста свои только для приведенïя въ свидѣтельство нѣкоторыхъ Латинскихъ мѣстъ, или для учиненïя критическихъ замѣчанïй, говорила только о пустякахъ. — Я знаю, что сестра моя трезва, думалъ Франклинъ. —

Голова у ней вскружилась, говорилъ про себя Ортодоксъ. — Генрихъ вздыхалъ, и не смѣлъ взглянуть на нее. При концѣ стола подано было Франклину письмо съ почты. Онъ нетерпѣливо желая знать о томъ, о чемъ писали къ нему изъ Лондона, просилъ позволенія прочесть его, между тѣмъ какъ сестра его продолжала шутить надъ задумчивымъ Ортодоксовымъ видомъ; примѣтивши же впечатлѣніе, производимое надъ Франклиномъ чтенïемъ письма сего, забыла легкомысленной свой тонъ, и спросила о причинѣ его безпокойства. Вотъ что ко мнѣ пишутъ, сказалъ онъ ей; я имѣю причину безпокоиться.

Государь мой!

„Долгъ мой обязываетъ меня „увѣдомить васъ, что въ собранïи „заимодавцевъ Миллеровыхъ и Кларковыхъ видѣлъ я вексель на имя „Гг. Іосифа и Джемса Солïера, подписанной Гжею. Напперъ, а надписанной дѣвицею Кларою Элтонъ,

„суммою въ восемдесять девять фун-
„товъ стерлинговъ. Известенъ будучи
„о деньгахъ, даванныхъ вами дѣвицѣ
„Элтонъ во время пребыванїя вашего
„въ Лондонѣ, постарался я основа-
„тельно узнать о семъ дѣлѣ, и
„наконецъ извѣстился, что не въ
„одной сей суммѣ подъ опекою у
„васъ состоящая дѣвица сдѣлалась
„поручительницею по Гжѣ. Напперъ.
„Жена моя пообстоятельнѣе навѣ-
„далась о касающемся до содержа-
„тельницы сего пансїона, и я съ
„прискорбїемъ долженъ вамъ сказать,
„что дѣвица Элтонъ подвергается у
„ней великимъ опасностямъ. Жена
„моя и Бетси свидѣтельствуютъ
„вамъ свое почтенїе, и просятъ васъ
„засвидѣтельствовать оное дѣвицѣ
„Франклинъ. Впрочемъ имѣю честь
„пребыть какъ ея, такъ и вашимъ
„нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугою

Антонїй Левизажъ.„

Я сей же часъ ѣду къ ней! вскри-
чалъ Франклинъ. — Но прежде сего
подумаемъ, что надобно предпри-

нять, возразила сестра его. — Не надобно терять времени, сказалъ Франклинъ, и приказалъ сыскать для себя почтовыхъ лошадей. Дельморъ предложилъ было ему, чтобъ онъ взялъ его съ собою, но дѣвица Франклинъ воспротивилась сему, и Франклинъ поѣхалъ одинъ.

И такъ осталось въ Этерскомъ замкѣ *тріо*, составленное изъ ученой женщины, влюбленной въ молодаго человѣка; изъ гордаго, сварливаго и завистливаго Пастора, которой никого не любилъ въ свѣтѣ, кромѣ себя, и изъ молодаго человѣка, которой не имѣлъ честолюбія заслужить ихъ довѣренность.

Однакожъ сей Ортодоксъ, коего педантство столь часто наскучивало Генриху, сдѣлался тогда для него нужнымъ собесѣдникомъ, чтобъ не быть наединѣ съ дѣвицею Франклинъ. Когда сильная страсть заставляетъ разумъ молчать, тогда женщины забываютъ, что стыдливость есть лучшее ихъ украшеніе. Желаніе сдѣ-

лать Дельмора чувствительнымъ увеличило то посмѣшище, каковому дѣвица Франклинъ уже подвергла себя, объявя ему чрезъ письмо чувствованія свои къ нему; но ненаблюдаемая ею осторожность, чтобъ онъ не ошибся въ ея чувствованіяхъ, сдѣлала ее несносною для него. Чѣмъ болѣе старалась она быть съ нимъ, тѣмъ менѣе онъ желалъ дѣлать ей компанію; все въ ней сдѣлалось для него предметами отвращенія; голосъ ея, взгляды, поступки, оказываемое ею къ нему уваженіе, и явное преимущество, каковое она отдавала его мнѣніямъ, споря съ Пасторомъ, составляли столько же поводовъ къ неудовольствію. Естьли онъ по случаю дотрогивался до руки ея, то чувствовалъ противность, походившую на омерзѣніе. Каждой вечеръ провожалъ онъ Ортодокса до самыхъ воротъ замка, и просилъ его приходить на другой день поранѣе. Никогда не приходилъ онъ къ завтраку, прежде нежели

Пасторовъ голосъ возвѣщалъ ему, что онъ могъ отважиться войти. Словомъ сказать, онъ употреблялъ столько же предосторожностей для убѣганія дѣвицы Франклинъ, сколько она принимала ихъ для свиданія съ нимъ.

Въ сіе же самое время другія причины принуждали Дельмора не исполнять желанія Лавиніина, видѣться съ нимъ безъ свидѣтелей. Не смотря на получаемыя имъ отъ ней любовныя цыдулочки, не склонялся онъ на ея прозьбы. Въ одно воскресенье встрѣтились было они въ замкѣ, но онъ убѣжалъ случая говорить съ нею наединѣ. Доволенъ будучи, что столь хорошо слѣдовалъ предписанному имъ самому себѣ поведенію, не боялся уже онъ силы ея прелестей, и въ слѣдующій четвертокъ (назначенный для угощенія Пасторовой фамиліи) разговаривалъ онъ съ нею вольнѣе; но скоро усмотрѣлъ, что онъ слишкомъ много мечталъ о своемъ благоразуміи. Лавинія была прекрасна: Генрихъ

сдѣлалъ сравненіе между взорами, бросаемыми на него съ одной стороны девятнатцатилѣтнею, а съ другой сорока-пятилѣтнею дѣвицею, и забылъ о рѣшимости своей не покаряться болѣе любви. Онъ согласился на другое свиданіе, въ надеждѣ заставить ее одобрить причины его къ прерванію съ нею знакомства; но Лавинія имѣла другія причины воспротивиться тому, и употребила ту власть, каковую имѣютъ женщины надъ умомъ мущинъ, когда неопытность дѣлаетъ ихъ невольниками ихъ. Вмѣсто прерванія знакомства Генрихъ просилъ у ней прощенія, получилъ оное, свиданія сдѣлались чаще, и веселіе одержало верьхъ надъ благоразуміемъ.

Между симъ временемъ Франклинъ возвратился въ Этеръ, не произведши въ дѣйство того намѣренія, которое заставило его выѣхать изъ онаго. Не удивляйтесь, видя меня безъ дѣвицы Элтонъ, сказалъ онъ сестрѣ своей; я не могъ изтор-

гнуть ее изъ объятiй ея воспитательницы. По прiѣздѣ моемъ въ Истшинъ на всѣхъ лицахъ напечатлѣна была радость, коей мѣсто заступила живѣйшая печаль, когда я увѣдомилъ Гжу. Напперъ о причинѣ моего прiѣзда. Бѣдная женщина испустила ужасной крикъ, дочь ея упала въ обморокъ, а Клара бросилась къ ногамъ моимъ, и просила меня не причинять смерти добрымъ ея друзьямъ. Отчаянiе ихъ столько тронуло меня, что я не сказалъ даже и о векселѣ, и согласился оставить Клару еще на годъ при ея воспитательницѣ. Признаюсь, что разсудокъ и благоразумiе осуждаютъ меня. — Ежели только по прошествiи года будете вы имѣть довольно силы для исполненiя того, что вы должны бы были сдѣлать теперь, отвѣчала ему дѣвица Франклинъ, то я ни въ чемъ не буду васъ упрекать. — Я отвѣчаю вамъ въ этомъ, сказалъ онъ ей, и потомъ взявши свою палку и шляпу, пошелъ прогуливаться, и по

дорогѣ зашелъ въ трактиръ къ Гжѣ. Гудсонъ, которая была соблазнительною сельскою вѣстовщицею.

По недостатку въ Этерскихъ окружностяхъ пріятной компаніи сдѣлалась для Франклина нужною компанія съ Гжею. Гудсонъ. Притомъ же старинные нравы, отличавшіе господина замка, и высокой умъ дѣвицы Франклинъ не сообразны были съ нынѣшними обыкновеніями. Въ семъ замкѣ царствовали еще гостепріимство, откровенность и чивость древнихъ Британцовъ; тамъ исполняемы были всѣ добродѣтели практически, а пороки изгоняемы.

Хотя Дельморъ имѣлъ разныя причины обрадоваться возвращенію Франклинову, однакожъ та, что онъ избавится отъ преслѣдованій дѣвицы Франклинъ, одержала надъ всѣми другими верьхъ; прогулки его съ братомъ ея освобождали его отъ собесѣдованія съ такою женщиною, которая со дня на день становилась ему ненавистнѣе. Между тѣмъ какъ обѣга-

ли они вмѣстѣ прїятныя мѣста въ паркѣ и въ окружностяхъ замка, дѣвица Франклинъ заботилась о возвышенїи прелестей своихъ посредствомъ отмѣннаго наряда, и нерадѣла объ окончанїи своей Исторїи, которая занимала уже ее только что въ скучныя ея минуты.

ГЛАВА 12.

Новое приключенїе.

Дельморъ, желая разогнать печаль свою, что былъ неблагодаренъ къ своей благодѣтельницѣ и виноватъ предъ Лавинїею въ такомъ проступкѣ, въ коемъ не могъ исправиться, вышелъ однимъ утромъ одинъ, и прогуливаясь по случаю въ окружностяхъ села, напалъ на тропинку, которая привела его къ темному перелѣску, составленному изъ старыхъ дубовъ, коихъ широкїя сучья помрачали свѣтлость дня. Примѣтивши на краю перелѣска

развалины одного зданія, служивша-го прежде сего пребываніемъ Салисбурскимъ Епископамъ, и обитаемаго теперь унылыми ночными птицами, направилъ туда шаги свои. Крики ихъ и слѣды нѣсколькихъ аркъ, разсѣянныхъ между древесными пнями, вдыхали въ крестьянъ ужасъ, и заставляли ихъ думать, что мѣсто сіе посѣщаемо было печальными Епископскими тѣнями.

Генрихъ не боялся мертвецовъ. Занимаясь прискорбною мыслію, что вдохнулъ такую страсть, коей не могъ удовлетворить, оплакивалъ онъ свое нещастіе, какъ вдругъ лай маленькой собачки извлекъ его изъ задумчивости. Два мальчика смѣшали крикъ свой съ собачьимъ и побѣжали въ густоту лѣса, смежнаго съ одною худою хижиною. Генрихъ кликнулъ ихъ, и ободривши спросилъ ихъ: куда вы бѣжите? А вонъ туда, къ моему папинькѣ, отвѣчалъ ему старшій, показывая на хижину. Онъ пошелъ за ними, и

увидѣлъ у дверей стоявшаго того же самаго человѣка, которой провожалъ Ортодокса изъ церкви. Онъ поклонился Дельмору съ почтенiемъ, и просилъ его войти въ хижину. Генрихъ, любопытствуя узнать, кто бы такой жилъ въ семъ мѣстѣ, коего всѣ бѣгали, согласился на его прозьбу, и вошедши увидѣлъ сидящую на худыхъ креслахъ молодую женщину, коея блѣдность обезображала черты лица ея, и которая готова была увеличить бѣдность свою рожденiемъ другаго младенца. Она держала у себя на колѣняхъ старшаго своего сына, которой казалось приближался къ послѣднему часу своей жизни. Горячка воспламенила лице его, и дѣлала его нечувствительнымъ къ старанiямъ своей матери. Увидя входящаго Дельмора, бросилъ онъ на нее томной взглядъ; мать покраснѣла, силилась встать, но слабость ея воспрепятствовала ей въ томъ, и принудила ее опять сѣсть въ креслы, въ коихъ она оста-

лась недвижимою. Слезы ея, текшія ручьями, омочали лице умирающаго ея сына, и раздирали сердце супруга ея. Не печалься, сказалъ онъ ей; Небо сжалится надъ любезнымъ нашимъ сыномъ: вотъ другія дѣти, которыхъ сей господинъ по милости своей сохранилъ отъ опасности, коей они подвергались, играя въ сосѣднемъ лѣсу. По томъ обратясь къ Дельмору, поблагодарилъ его въ учтивыхъ выраженїяхъ; послѣ же сего подошелъ къ женѣ своей, охватилъ ее позади ея рукою, и отеръ ея слезы, закрывши другою своею рукою собственныя свои слезы, текшія изъ глазъ его.

Генрихъ наблюдалъ глубокое молчанїе; онъ не могъ понять, какимъ образомъ нещастное сїе семейство укрылось отъ проницательной любви къ ближнему благодѣтеля его. Сей человѣкъ, говорилъ онъ самъ въ себѣ, кажется благородной крови, и учтивость его доказываетъ, что онъ хорошо воспитанъ. Ахъ, Боже мой!

Г. Франклинъ не знаетъ, что въ двухъ миляхъ отъ его замка живетъ такое семейство, коего плачевное состоянїе заслуживаетъ его состраданїе. Я хочу соблюсти для него то верьховное удовольствїе, чтобь бѣдныхъ сихъ людей привесть въ лучшее состоянїе, и я заведу его сюда. Потомъ устремивши на женщину умильной взоръ, вынулъ свой кошелекъ, положилъ его къ ней на колѣни, вышелъ, и спѣшилъ увѣдомить Франклина о видѣнномъ имъ.

Тотъ, коего бѣдность тронула чувствительную Генрихову душу, былъ Викарїй, которой въ отсутствїе Франклиново освобождалъ Ортодокса отъ должностей, сопряженныхъ съ его мѣстомъ, приносившимъ ему четыре ста фунтовъ стерлинговъ годоваго доходу. Правда, онъ жертвовалъ изъ числа ихъ тритцатью на содержанїе Викарїя, и позволивши ему жить въ избѣ, стоявшей не подалеку отъ приходской церкви, укоротилъ четырью милями

путь его, которой должно бы было ему предпринимать два раза въ день. Сія милость была тѣмъ достойнѣе замѣчанія, что Ортодоксъ имѣлъ непреодолимое отвращеніе къ бѣднымъ. Мстительной его нравъ и грубые поступки съ тѣми, коихъ онъ до сего времени употреблялъ къ вышеупомянутой должности, заставили бы его самаго заниматься священническими должностями, естьлибъ онъ не нашелъ нещастнаго Кадогана, которой былъ весьма радъ такому мѣсту, отъ коего другіе отказывались по причинѣ грубостей Пастора, оказывавшаго надъ ними безпредѣльную власть. Никогда не имѣлъ онъ покорнѣйшаго Викарія; страхъ лишиться его понудилъ Ортодокса наблюдать его здоровье, и согласиться дать ему дурную избу безъ вѣдома Франклина, которой никогда не прогуливался въ семъ глухомъ мѣстѣ.

Читатель безъ сомнѣнія удивится, какимъ образомъ Франклинъ

не зналъ о Викарїевомъ положенїи, будучи такой человѣкъ, коего главное упражненїе въ деревнѣ состояло въ томъ, чтобъ навѣдываться о всемъ произходившемъ въ селѣ. Презрѣнїе, каковое имѣли крестьяне къ Ортодоксу, упадало и на Викарїя, о коемъ они не старались судить по собственному его достоинству. Притомъ же возвышенныя Кадогановы чувствованїя препятствовали ему увѣдомить ихъ о своихъ нуждахъ, и заставляли убѣгать сообщества съ людьми, не знавшими цѣнить его; онъ отправлялъ свою должность, и по томъ свободное время посвящалъ на подкрѣпленїе своего семейства, коего бѣдность облегчалъ онъ обработыванїемъ небольшаго сада. Прибавимъ еще къ сему, что онъ прїѣхалъ въ Этеръ въ отсутствїе Франклина, которой не видалъ его служащаго; для того что Ортодоксъ не смѣлъ не отправлять священнической должности, когда Франклинъ жилъ въ замкѣ.

Генрихъ, возвращаясь изъ Викаріева дома въ замокъ, шелъ мимо трактира, и увидѣлъ Франклина, сидѣвшаго противъ воротъ онаго подъ старымъ дубомъ и разговаривавшаго съ своими сосѣдями; тамъ-то разсказывали ему анекдоты о молодыхъ дѣвушкахъ, увѣдомляли о любовныхъ ихъ дѣлахъ, и извѣщали о приключеніяхъ дѣвицъ Ортодоксъ съ Ландмилицкими Офицерами. Генрихъ, не желая помѣшать ему, продолжалъ свой путь, и отложилъ до другаго случая поговорить съ нимъ о Викаріѣ. Жалостное состояніе, въ каковомъ онъ видѣлъ его, напомнило ему и о своемъ состояніи, изъ коего извлекли его благодѣянія Франклиновы, и увеличило безпокойство его о той смѣшной страсти, каковую онъ произвелъ въ сердцѣ дѣвицы Франклинъ.

Дельморъ, отягченной печалію, которую приключалъ ему страхъ, чтобъ страсть сія не превратилась въ ненависть, заперся въ своей ком-

натѣ и предался печальнымъ мыслямъ, изъ коихъ та, чтобъ соединить судьбу свою съ судьбою такой женщины, коей не могъ бы онъ любить, приводила его въ трепеть. Какъ! вскричалъ онъ, мнѣ жениться на такой, коея лѣта внушаютъ въ меня почтенїе, должное только матери! продать ей свою вольность и вѣрность для обладанїя ея имѣнїемъ! Нѣтъ, нѣтъ! душа моя презираетъ такую подлость; я предпочту всѣ нещастїя предъ тѣмъ стыдомъ, чтобъ поступать противъ моей склонности. Но Франклинъ не осердится ли за отказъ, за которой сестра его никогда не проститъ меня? — Сей страхъ сдѣлалъ надъ нимъ столь сильное впечатлѣнїе, что воспрепятствовалъ ему заниматься Викарїемъ. Съ другой стороны союзъ его съ Лавинїею возбудилъ въ немъ угрызѣнїя совѣсти; онъ хотѣлъ прервать его, но не имѣлъ къ тому смѣлости, опасаясь опечалить ее. Ахъ! вскричалъ онъ, естьли бы Небо

послало ко мнѣ друга, то я ввѣрилъ бы ему безпокойства мои, и признался бы ему въ неблагоразумныхъ поступкахъ моего юношества. Франклинъ не въ такихъ лѣтахъ, чтобъ сдѣлать ему довѣренность, которая оскорбила бы его добродѣтель. Я знаю его снизхожденіе; но какими глазами будетъ онъ взирать на слѣдствія союза моего съ Лавиніею? Безъ сомнѣнія не можетъ онъ извинить поведенія моего съ тою, коея невинность долженъ я былъ почитать, и вмѣстѣ съ таковымъ признаніемъ послѣдуетъ мое нещастіе. Ахъ! естьлибъ я могъ ввѣриться другому другу! . . . Желанія его были услышаны; Матвѣй Гудсонъ вошелъ къ нему съ докладомъ, что Г. Кадоганъ хочетъ съ нимъ видѣться.

Матвѣй былъ сынъ содержательницы трактира *Козьей головы*. Во время пріѣзда Дельморова въ Этерской замокъ Франклинъ приказалъ ему быть въ услугахъ у Генриха.

Матвѣй возчувствовалъ къ молодому своему господину безпредѣльную любовь, и искалъ всѣхъ случаевъ говорить объ немъ съ своею матерью, которая въ свою очередь говорила объ немъ Франклину, зная, что въ семъ состояло средство понравиться ему.

Одинъ священникъ, по имени Кадоганъ, хочетъ поговоритъ съ вами безъ свидѣтелей, сказалъ Матвѣй Дельмору. Преступленіе есть страшной непріятель истинной твердости. Имя духовнаго человѣка произвело сильное дѣйствіе надъ умомъ Дельморовымъ; онъ не зналъ другаго священника, кромѣ того, коего онъ столь часто оскорблялъ. Онъ вообразилъ, что пришли къ нему съ выговоромъ отъ Ортодокса за ночные его походы къ Лавиніи, и что онъ долженъ будетъ подвергнуться Пасторову мщенію. Что это за Г. Кадоганъ? спросилъ онъ съ трепетомъ. — Какъ это, сударь! вы не знаете своего Викарія, отвѣчалъ ему Матвѣй съ усмѣшкою. — Пропалъ я!

думалъ Генрихъ; по томъ приказалъ пустить Г. Кадогана, коего присутствіе ободрило его.

Генрихъ, изъявивши Викарію удовольствіе свое, что онъ опять его видитъ, замолчалъ, ожидая, чтобъ онъ сказалъ ему о причинѣ своего приходу.

Я принесъ къ вамъ, государь мой, тотъ кошелекъ, которой вы по великодушію своему намъ пожаловали, сказалъ ему Викарій, какъ скоро Матвѣй вышелъ изъ комнаты. Наружность обманула васъ; вы подумали, что нужда извлекала изъ моей жены слезы, текшія по томъ младенцѣ, котораго вы видѣли лежащаго у ней на колѣняхъ; онъ умираетъ . . . Простите слабости отца . . . (слезы, омочившія глаза его, не требовали оправданія.) Онъ умираетъ, продолжалъ онъ, отерши свои глаза; ничто не можетъ сохранить нашего сына; это старшій нашъ сынъ. Жена моя была бы неутѣшна и тогда, когда бы жила она и въ ве-

личайшемъ изобиліи. Посудите, сударь, каковы должны быть ея сѣтованія въ томъ низкомъ состояніи, въ какомъ вы ее видѣли . . . Простите, есть ли я оскорбляю васъ, столь мало соотвѣтствуя вашему великодушію; но я не могу принять такого благодѣянія, на которое мы не имѣемъ никакого права; позвольте мнѣ возвратить вамъ сей кошелекъ. Я удивляюсь. . . уважаю тѣ благородныя ощущенія, кои понудили васъ подать намъ сію милостыню. Подарокъ весьма знатенъ, и благодѣяніе весьма велико для постороннихъ людей, кои по большой мѣрѣ имѣютъ только что неизвѣстное право на ваши милости.

Вы обижаете меня, возразилъ ему Генрихъ, отходя отъ Викарія, которой шелъ за нимъ, говоря почтительнымъ тономъ: я не могу принять сего благодѣянія; право, сударь, не могу; не меньшее составляетъ для меня нещастіе видѣть то, что бѣдная моя наруж-

ность неправедно завладѣла подаркомъ, произходящимъ отъ столь благороднаго сердца и котораго я не долженъ принимать. . . . Нѣтъ, сударь, нѣтъ, вы меня не знаете.

Сіи послѣднія слова, произнесенныя съ надменностію такимъ человѣкомъ, коего платье и сухость показывали величайшее убожество, такое сдѣлали впечатлѣніе надъ Дельморомъ, что онъ не имѣлъ силы отвѣчать ему. Когда же онъ пришелъ въ состояніе говорить, то вскричалъ: я знаю васъ лучше, нежели вы думаете; я удивляюсь добродѣтелямъ, почитаю вашу разборчивость, но прошу васъ не возвращать мнѣ того, что я имѣлъ щастіе дать вамъ именемъ моего благодѣтеля. Естьли признаніе, которое я хочу вамъ учинить, можетъ внушить въ васъ довѣренность, въ коей вы отказываете моей молодости, то я буду весьма щастливъ. Я бѣдной сирота, одолженный существованіемъ своимъ милости Г. Фран-

клина. Ахъ, сударь! какъ могли вы укрыться отъ проницательнаго ока моего покровителя? Естьлибъ вы знали его! . . . но вы узнаете его; я представлю ему васъ сей же часъ. Послѣ сего онъ всталъ было съ поспѣшностїю, но Викарїй удержалъ его. Онъ смотрѣлъ на Генриха съ знаками удивленїя; молчанїе его, слезы, омочавшїя багровыя его щеки, взоры его и смущенїе пронзили Генрихову душу. . . Подождите немного, вскричалъ Кадоганъ. . . . не теперь. . . силъ у меня недостаетъ сказать вамъ. . . увѣдомить васъ. . . (онъ снова замолчалъ, а Дельморъ опять сталъ на свое мѣсто) силъ недостаетъ у меня изъявить вамъ, сколько я удивляюсь всѣмъ симъ добродѣтелямъ въ молодомъ человѣкѣ, а особливо въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ боготворятъ только фортуну, и въ которомъ нещастной весьма часто желаетъ опять обратиться въ ничтожность. Хотя я и бѣденъ, но никогда столь пагубная мысль не

дѣлала меня виновнымъ въ неблагодарности къ Создателю моему. Онъ далъ мнѣ хлѣбъ, котораго довольно для пропитанія моего семейства. Но въ доказательство вамъ, что отказъ мой отъ принятія вашихъ благодѣяній не происходитъ отъ излишней гордости, беру я пять гиней, чтобъ нанять для жены моей и сына прислужницу, и коихъ съ насъ довольно будетъ до того времени, какъ мнѣ надобно будетъ получить полугодичное свое жалованье. Я болѣе сего не возьму, примолвилъ онъ увѣрительнымъ голосомъ, и положилъ кошелекъ на столъ.

Генрихъ, удивленный столь благородным безкорыстіемъ, далъ ему пять гиней, кои Викарій принялъ молча, поклонился и вышелъ, не произнесши ни одного слова. Въ сіе время зазвонили къ обѣду, и Генрихъ пошелъ къ Франклину, размышляя о добродѣтеляхъ убогаго Викарія. Пасторъ Ортодоксъ вошелъ уже въ столовую. Красное лице,

дородность, визгливой и будто изъ могилы изходящїй голосъ, важной видъ и гордая осанка Ортодоксова составляли такую противообразность съ томнымъ видомъ и скромною Викарїевою поступкою, которая не укрылась отъ вниманїя Генрихова. Праведное Небо! сказалъ онъ самъ въ себѣ: сколь странно разпредѣлены твои милости! Но по нѣкоторомъ размышленїи началъ онъ думать иначе; вмѣсто ропота удивлялся онъ премудрости Верьховнаго Существа: бѣдной Кадоганъ, говорилъ онъ самъ въ себѣ, не имѣетъ такой дочери, безпутство коея наносило бы ему безчестїе! у него нѣтъ оконъ въ столовой!

Генрихъ на другой день поутру уговорилъ Франклина прогуляться въ томъ мѣстѣ, которое называли лѣсомъ *мертвецовъ*. Когда они подошли къ перелѣску, ведшему къ Кадогановой хижинѣ, то онъ сказалъ ему: я приглашаю васъ на праздникъ . . . Не съ мертвыми ли? спро-

силъ у него Франклинъ улыбаясь. — Нѣтъ, не съ мертвыми, отвѣчалъ ему Генрихъ тѣмъ же тономъ, а съ живыми, кои находятся въ ближнемъ шалашѣ. Послѣ сего подошли они къ дверямъ, Франклинъ вошелъ, а Дельморъ пошелъ въ село.

Но неизвѣстно намъ, что произошло при семъ свиданiи, и какимъ образомъ Гжа. Кадоганъ приняла Франклина, ибо мужа ея не было тогда дома. Мы знаемъ только то, что за посѣщенiемъ Франклиновымъ послѣдовала щастливая перемѣна для Викарiя и нещастнаго его семейства. Кадоганъ занялъ пристойной и покойной домъ; жена его получила служанку, а дѣти ея чулки, башмаки и платье; здоровѣйшая пища возстановила здоровье старшаго сына. Гжа. Кадоганъ щастливо родила четвертаго сына, и Франклинъ имѣлъ сладкое удовольствiе быть Ангеломъ хранителемъ добродѣтельнаго семейства.

Франклинъ по выходѣ своемъ изъ Викарїевой хижины встрѣтился въ перелѣскѣ съ Генрихомъ, ударилъ его тихонько по плечу, и по томъ подалъ ему бумажникъ, въ коемъ были банковые билеты: возьми, сказалъ ему добродушной старикъ трогательнымъ голосомъ. — Что мнѣ дѣлать съ симъ бумажникомъ? спросилъ Генрихъ. — Употреби въ пользу находящїяся въ немъ деньги, отвѣчалъ Франклинъ, пожавши у него руку. Не ходи за мною, примолвилъ онъ; мнѣ надобно быть одному. Послѣ сего онъ пошелъ, чтобъ запереться въ своей библїотекѣ, а Дельморъ возвратился въ замокъ другою дорогою.

Не смотря на странное Франклиново приказанїе Дельмору располагать бумажникомъ, понялъ онъ, что онъ предопредѣлялъ его для Викарїя, и что благодѣтель его доволенъ былъ тѣмъ праздникомъ, къ коему онъ пригласилъ его. Когда дѣло шло о вспоможенїи нещастнымъ,

тогда душа Генрихова была согласна съ Франклиновою. Такимъ образомъ ждалъ онъ окончанія обѣда съ величайшею нетерпѣливостію, чтобъ слетать къ Викарію и отдать ему бумажникъ.

Онъ засталъ мужа и жену занимающихся домашними дѣлами. Я пришелъ, сказалъ имъ Генрихъ, исполнить коммисію, возложенную на меня Г. Франклиномъ; вотъ бумажникъ . . . Мы ни въ чемъ не имѣемъ нужды, отвѣчалъ ему Кадоганъ; мы симъ утромъ по великодушію Г. Франклина осыпаны его благодѣяніями . . . Почтенной молодой человѣкъ! вскричала Гжа. Кадоганъ съ радостнымъ восторгомъ; вы доставили намъ помощь превыше нашихъ желаній. Какимъ образомъ можемъ мы возблагодарить вамъ за все то, что вы для насъ сдѣлали! . . . Умилительныя слезы текли ручьями; Кадоганъ смотрѣлъ на жену свою, на дѣтей и по томъ на Генриха съ такимъ видомъ, которой изображалъ

радость довольнаго сердца, и которой казалось говорилъ Дельмору: *Настоящее наше благополучіе есть твое дѣло.* Генрихъ, не могши выдержать сей сцены, производившей надъ нимъ живѣйшее впечатлѣніе, и желая скрыть слезы, текшія по лицу его, вышелъ, не сказавши ни слова. Сей человѣкъ, говорилъ онъ самъ въ себѣ, лучше меня заслуживаетъ заступить Ортодоксово мѣсто; такимъ-то Пасторамъ должно препоручить толкованіе Евангелія; примѣръ ихъ заставитъ любить правила онаго.

Въ сихъ-то размышленіяхъ о добродѣтеляхъ Викаріевыхъ очутился онъ передъ домомъ Пасторовымъ, не имѣвши намѣренія итти мимо его. Лавинія стояла у того же самаго окна, въ которое онъ столько разъ входилъ ночью для свиданія съ нею; глаза ихъ встрѣтились; онъ поклонился ей и продолжалъ итти. Бѣдная Лавинія! вскричалъ онъ, уже прошла недѣля, какъ я не старался

соотвѣтствовать твоимъ желанiямъ! . . . Нѣтъ, я чувствую себя недостойнымъ вступить въ такое состоянiе, въ которомъ душа должна быть столь же чиста, какъ и освѣщающiй насъ день . . . Какъ осмѣлиться мнѣ жить въ томъ домѣ, которой я осквернилъ развратительнымъ преступленiемъ? . . . Кадоганъ долженъ быть Этерскимъ Пасторомъ по смерти Ортодоксовой; сiя должность болѣе прилична ему, нежели мнѣ.

Однакожъ онъ обернулся, чтобъ посмотрѣть на Лавинiю, и увидѣлъ, что она смотрѣла въ слѣдъ за нимъ, и по видимому была весьма тронута его удаленiемъ. Естьли я соединюсь съ нею узами брака, думалъ онъ, то могу видѣться съ нею безъ грѣха; . . . но я не могу взять за себя такую жену, которая потеряла стыдливость своего пола . . . . Кадоганъ и жена его гораздо болѣе принесутъ чести дому сему, нежели Генрихъ и Лавинiя . . . Онъ опять обо-

рошился, и примѣтилъ печаль Лавинїину. Я схожу къ ней симъ вечеромъ, повторялъ онъ многократно, но послѣ сего не буду уже болѣе ходить къ ней. — Симъ вечеромъ только, говорилъ обращающїйся грѣшникъ; но онъ не однократно еще падалъ въ сѣти, разставляемыя страстями его.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ онъ принималъ и забывалъ сїе благоразумное намѣренїе, Франклинъ прислалъ къ Генриху пакетъ; содержавшїяся въ немъ подробности утвердили его въ намѣренїи отказаться отъ духовнаго званїя. Мы сообщимъ ихъ Читателю въ слѣдующей Главѣ, не хотя, чтобъ онъ порицалъ Генриха легкомыслїемъ въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ другїя причины принудили его принять сїи мысли.

ГЛАВА 13.

Письмо Джемса Кадогана, Эгерскаго Викарія, къ Веніамину Франклину.

Милостивый Государь мой!

„Между неоцѣненными милостями, „коими осыпалъ васъ Всемогущій, не „меньшее благодѣяніе Его и то, что „Онъ даровалъ вамъ чувствительное „къ нещастіямъ другаго сердце. „Сколько наслажденій предоставило „вамъ Небо! Сколько удовольствій „соблюло оно для васъ, давая вамъ „вкушать чистѣйшую радость, бли„стающую въ глазахъ тѣхъ людей, „отъ коихъ благодѣянія ваши удали„ли бѣдность! Возстановлять спо„койствіе въ сердцахъ, угнѣтаемыхъ „болѣзнію, есть неизчерпаемый ис„точникъ благополучія для такой „души, какъ ваша. Удовольствіе „быть хвалиму отъ народа есть ма„лая выгода въ сравненіи съ тою, „которою добродѣтели ваши даютъ

„вамъ пользоваться каждую минуту.
„О достойнѣйшій человѣкъ! я не покушаюсь изобразить вамъ моей и „дѣтей моихъ благодарности: она начертана въ сердцахъ нашихъ.

„Въ тотъ день, въ которой вы „проходили мимо нашего дому; въ „тотъ благополучной день, въ которой я *раздѣлялъ* съ своимъ семействомъ обѣдъ, полученной нами по „вашей милости, примѣтилъ я въ „удовольственныхъ вашихъ взорахъ, „что вы находили награду себѣ въ „нашемъ щастіи. Такъ, милостивый государь, я видѣлъ въ глазахъ „вашихъ, омоченныхъ слезами, торжество вашей чувствительности. „Да благоугодно будетъ Небу, говорилъ я самъ въ себѣ, доставлять „ему подобныя удовольствія каждой „день въ его жизни!

„Тотъ, на котораго вы изливаете столько благодѣяній, есть „шестой сынъ Шевалье Кадогана, помѣстье коего находится въ „Шропской провинціи. Отецъ мой,

„получивши въ наслѣдство титло „одного древняго дома, наслѣдовалъ „также и имѣніе, запутанное дол„гами его предковъ. Насъ было у „него числомъ тринатцать человѣкъ, „что и воспрепятствовало отцу мо„ему дать намъ пристойное природѣ „нашей воспитаніе. Онъ всѣмъ намъ „доставилъ способы промышлять се„бѣ пропитаніе, и назначилъ мень„шему моему брату Пасторское мѣ„сто въ селѣ своемъ, но не одобрилъ „моей наклонности вступить въ ду„ховное званіе.

„Гжа. Эжертонъ, родственница „моей матери, узнавши, что отецъ „мой противился моему выбору, при„гласила меня пріѣхать въ вот„чину ея въ Соммерсетской провин„ціи, и обѣщала мнѣ одно священ„ническое мѣсто, которое было въ „ея распоряженіи. У ней-то уви„дѣлъ я дѣвицу Маршъ, жившую „при моей сродницѣ для компаніи, „и забылъ суровость отца, осердив„шагося на пребываніе мое при Гжѣ.

„Эжертонъ, коея сила была для не-
„го подозрительна.

„Покровительница моя скоропо-
„стижно умерла, и оставила меня
„безъ всякой помощи. Я оставилъ
„отеческой домъ, удалился отъ
„сродниковъ своихъ, и видя себя безъ
„друзей, возвратился въ Оксфордъ
„съ отягченнымъ печалїю сердцемъ.
„Къ большему же моему нещастїю
„любовь сдѣлала меня чувствитель-
„нымъ не столько къ красотѣ, сколь-
„ко къ хорошимъ качествамъ дѣвицы
„Маршъ, и совершенно меня покорила.

„По смерти Гжи. Эжертонъ возъ-
„имѣлъ я прибѣжище къ отцу мо-
„ему, которой прислалъ ко мнѣ не-
„большое пособїе, и совѣтовалъ мнѣ
„сыскать Викарское мѣсто, присово-
„купя къ тому, что я долженъ взять
„такую жену, которой бы имѣнїе
„освободило его отъ содержанїя меня.
„Разумъ понудилъ меня принять по-
„даваемый имъ мнѣ совѣтъ о сыска-
„нїи для меня мѣста, но любовь
„воспрепятствовала послѣдовать

„другому совѣту. Я предложилъ „руку свою Элизѣ, которая и приняла ее, не безпокоясь даже о ужасномъ будущемъ времени, предстоявшемъ предъ нами; сердце мое было довольно, но я лишился покровительства отца моего.

„Женѣ моей досталось послѣ родителей ея пять сотъ фунтовъ стерлинговъ, но она не могла получить ихъ, ибо братъ ея употребилъ ихъ на глупую расточительность. „Однакожъ онъ обѣщалъ ей привесть „дѣла свои въ порядокъ, и заплатить „ей сію сумму въ короткое время. Мы, „въ надеждѣ на обѣщаніе моего шурина, накупили мебелей, задолжали, и безпокоимы были заимодавцами. Я ѣздилъ въ Бистонъ-Гровъ, „отстоящій не подалеку отсюда, „для увѣдомленія Марша объ опасности, каковой онъ насъ подвергалъ; „я рѣшился было взять съ него половину должной имъ женѣ моей „суммы; но я узналъ, что онъ расточилъ и свое и сестрино имѣ-

„ніе, и что единственнымъ его по-
„собіемъ было жалованье, получае-
„мое имъ изъ Ландмилицкаго полку.

„Съ сею печальною вѣстію воз-
„вратился я домой, отдалъ мебели
„обратно обойщику, и перешелъ
„жить въ небольшой покоецъ, отку-
„да убожество угрожало меня вы-
„гнать; но война между Англіею и
„Америкою доставила мнѣ мѣсто на
„одномъ военномъ кораблѣ, отъѣз-
„жавшемъ въ Индію. Капитанъ, узнав-
„ши мое положеніе, принялъ меня
„на свой корабль въ качествѣ кора-
„бельнаго священника, и я имѣлъ при-
„скорбіе исторгнуться изъ объятій
„обожаемой мною жены. Элиза моя,
„уступя необходимости, поѣхала съ
„троими своими дѣтьми въ Йоркскую
„провинцію, гдѣ я отдалъ ее на хлѣ-
„бы къ одной почтенной женщинѣ,
„и взошелъ на корабль, которой
„тотчасъ отправился въ Западную
„Индію.

„Достойныя почтенія качества
„Капитана и дружество, коего онъ

„меня удостоивалъ, заставили бы „меня забыть Европу, естьлибъ я „не оставилъ тамъ бѣднаго моего „семейства. Послѣ полугодичнаго отсутствія воспользовался я предложенїемъ одного молодаго человѣка, „коего здоровье принуждало возвратиться въ Англїю, чтобъ и я съ „нимъ туда же отправился. Капитанъ „мой согласился на то; но по трехнедѣльномъ плаванїи лишился я „новаго моего покровителя, умершаго на рукахъ моихъ. Онъ отказалъ „мнѣ вещи, кои имѣлъ онъ на кораблѣ. „Сей подарокъ при бережливости „моей доставилъ бы мнѣ свободную „жизнь, когда бы одно ужасное приключенїе не лишило меня онаго, и „не сдѣлало меня бѣднѣе, нежели „каковъ я былъ предъ своимъ отъѣздомъ.

„Вы, милостивый государь, безъ „сомнѣнїя помните нещастїе, приключившееся нашему флоту въ последнїй годъ войны. Корабль, на „которомъ я находился, былъ въ чи-

„слѣ пошедшихъ ко дну. Буря, отбившая отъ насъ сопутствовавшія „намъ суда, угрожала намъ цѣлые „три дни неизбѣжною смертію, какъ „вдругъ въ самое то время, когда „море поглощало насъ вь свои пропасти, одинь купеческой корабль „принялъ меня къ себѣ на палубу. „Я сохранилъ тамъ жизнь свою, „ослабленную худымъ здоровьемъ, но „лишился всего того, что ни имѣлъ „у себя, выключая дватцати гиней, „кои были у меня въ карманѣ, и кои „тотчасъ сдѣлались добычею Испанцовъ. Одинъ Кадикской корабль овладѣлъ нашимъ кораблемъ, и отвезъ „насъ въ сей городъ; тамъ обобрали „у насъ деньги и платье, и заперли „въ тюрьму, вь коей содержались „преступники.

„Удрученъ будучи своими нещастіями, утомленъ невольнымъ „трудомъ, каковой мы принуждены „были отправлять для спасенія „корабля отъ потопленія, и разслабленъ совершенною разстройкою

„въ своемъ здоровьѣ, спокойно взи-„ралъ я на приближенiе конца моему „нещастiю; но по великодушiю одно-„го Испанскаго дворянина включили „меня въ число размѣниваемыхъ плѣн-„никовъ. Однакожъ я не чувствовалъ „цѣны своей вольности; ибо я воз-„вращался въ отечество свое бѣднѣе, „нежели каковымъ изъ него выѣхалъ.

„По прiѣздѣ моемъ въ Портсмутъ „ходилъ я къ Капитану, съ коимъ „я поѣхалъ на кораблѣ; перемѣна, „причиненная во мнѣ болѣзнiю и печа-„лiю, сдѣлала меня неузнаваемымъ, „и принудила его взять во мнѣ „участiе. Его хотѣли отправить въ „Индiю; Министръ морскихъ дѣлъ „обѣщалъ ему предоставить на его „волю выборъ чиновниковъ для себя; „онъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать съ нимъ „въ Лондонъ, гдѣ по знати своей „ласкался онъ доставить мнѣ про-„извождение.

„Не смотря на нужду, каковую „я имѣлъ въ возстановленiи силъ „моихъ успокоенiемъ себя, поѣхалъ

„я въ столицу, и пожертвовалъ щастію удовольствіемъ увидѣться съ „женою моею и дѣтьми; но я родился на мученіе. Капитанъ мой тотчасъ испыталъ, что продолжительное отсутствіе вредно при вельможахъ, и что забывается человѣкъ „съ достоинствами, когда не имѣютъ уже болѣе въ немъ нужды. Въ „министерствѣ произошла нѣкоторая перемѣна; миръ почти уже заключенъ былъ; Капитану моему не „позволено было выбирать чиновниковъ въ свою свиту, и мѣсто корабельнаго священника отдано было „другому, получавшему уже съ двухъ „духовныхъ мѣстъ знатные доходы.

„Я увидѣлъ тогда, что услуги „суть слабыя рекомендаціи, и что „милость одерживаетъ верьхъ надъ „справедливостію. Тщетно представлялъ я положеніе свое, потерю здоровья и мои нещастія; челобитныя „мои принимаемы были равнодушно, „и включаемы въ число пустыхъ бумагъ, не думая о томъ, что онѣ

„содержали въ себѣ послѣднїй вопль „отца семейства, едва не погибающаго съ голоду. Я надѣюсь, къ „чести человѣчества, что поступаютъ такимъ образомъ безъ вѣдома „Министровъ, и что должно приписывать то Секретарямъ, не имѣющимъ свободнаго времени читать „сихъ челобитенъ.

„Покровительствовавшїй мнѣ Капитанъ помогъ моему убожеству, „подаривши мнѣ десять гиней, съ „коими я и вознамѣрился добраться „въ то мѣсто, гдѣ жила нещастная „моя жена. Опасаясь, чтобы она не „опечалилась при воззрѣнїи на умирающаго мужа, вздумалъ я увѣдомить ее о моемъ состоянїи, дать „ей разумѣть о положенїи дѣлъ нашихъ, по томъ ѣхать къ ней для „окончанїя тамъ бѣдственной моей „жизни; но жестокая горячка воспрепятствовала мнѣ ѣхать, и на „двадцать три дни лишила меня „употребленїя разума. Ахъ, милостивый государь! Провидѣнїе безъ

„сомнѣнія для того сохранило мою „жизнь, чтобъ прославить милосер-„діе свое въ тѣхъ милостяхъ, коихъ „вы меня удостоиваете.

„Когда я началъ владѣть своими „чувствами, то увидѣлъ жену свою „сидѣвшую въ головахъ моей постели. „Ахъ, милостивый государь! естьли-„либъ я возвратился покрытый сла-„вою и осыпанный дарами щастїя, „то Элиза не могла бы изъявить мнѣ „большаго восхищенїя при свиданїи „со мною; радость ея изображалась „въ чертахъ ея и ласкахъ; а естьли „и оставалось въ ней болѣзненное „чувствованїе, то только одинъ ощу-„щаемый ею страхъ, чтобъ послѣ „столь продолжительнаго отсут-„ствїя не лишиться меня навсегда. „Безпокойство ея, не видя прїѣзда „моего въ назначенной въ письмѣ мо-„емъ срокъ, принудило ее ѣхать въ „Лондонъ, гдѣ нашла она меня въ „небольшомъ наемномъ покойцѣ подъ „смотрѣнїемъ хозяйки, коей я одол-„женъ своимъ спасенїемъ.

„Когда я имѣлъ столько силъ, „что могъ заниматься своими дѣла„ми, то заплатилъ за наемъ своей „квартиры и нѣкоторые другіе рас„ходы, и нашелъ себя доведеннымъ „до послѣдней своей гинеи. Скоро „принуждены мы были продать неболь„шое число уборовъ и галантерейныхъ „вещей, привезенныхъ Элизою въ „Лондонъ и нестоившихъ великой „цѣны. Сіи пособія со дня на день „истощались; я не имѣлъ надежды „получить какое нибудь духовное „мѣсто, и печаль, что я видѣлъ „жену свою и дѣтей въ убожествѣ, „не въ состояніи будучи предохра„нить ихъ отъ онаго, замедлила „моимъ выздоровленіемъ.

„Мы доведены уже были до по„слѣдняго шилинга, какъ хозяйка „наша принесла намъ газеты, въ коихъ „Пасторъ одного отдаленнаго отъ сто„лицы прихода публиковалъ, что онъ „ищетъ духовнаго человѣка себѣ въ Ви„каріи Добродушная женщина, зная „запутанныя дѣла наши, и желаніе

„жены моей возвратиться въ деревню,
„поздравила ее съ симъ щастливымъ
„случаемъ. Элиза, почитая себя уже
„на верьху щастія, соединила желанія свои съ ея желаніями, и вышла съ нею, чтобъ навѣдаться о
„той особѣ, которая дѣлала сіе
„объявленіе.

„Безпокойной видъ, каковой имѣла жена моя при своемъ возвращеніи, заставилъ меня подумать, что
„мѣсто было уже занято; но печаль
„ея происходила отъ того, что
„приходъ, въ которомъ недоставало
„Викарія, былъ мѣсто ея рожденія.
„Униженіе, возвратиться туда въ
„худомъ состояніи, трогало нѣсколько тщеславіе ея. Однакожъ надежда, что по причинѣ продолжительнаго ея отсутствія можетъ быть
„забыли ее прихожане, разогнала
„тучи, помрачавшія ея радость;
„притомъ же включенное условіе,
„чтобъ Викарію тутъ не жить, давало намъ свободу жить въ такомъ
„мѣстѣ, которое покажется намъ за
„пристойное.

„Я писалъ къ Пастору Ортодоксу, сдѣлавъ ему подробное описанїе положенїя моего и здоровья. „Онъ отвѣчалъ мнѣ, что какъ не „будетъ у него для меня трудныхъ „должностей, то возраженїя мои кажутся ему пустыми, и что онъ „проситъ меня только прїѣхать. Я „желалъ сего столько же, какъ и „онъ, но не имѣлъ къ тому способовъ. Я надѣялся получить на проѣздъ себѣ деньги отъ договаривавшагося со мною именемъ Пастора, но „онъ мнѣ отказалъ въ томъ, и я „снова принужденъ былъ бороться съ „тысячїю противностей.

„Жена моя оставила дѣтей моихъ въ Йоркширѣ, и я долженъ уже „былъ за содержанїе ихъ двенатцать „гиней. Вещи, оставленныя ею при „нихъ, не стоили и половины сей „суммы, а я не имѣлъ уже ни копѣйки. Въ семъ недоумѣнїи писалъ „я къ отцу моему, и по первой почтѣ получилъ отъ него письмо, за „которое надобно было заплатить

„шестнатцать су, а я не имѣлъ ниже двухъ. Нѣсколько уже дней питались мы самымъ худымъ чаемъ, „или лучше сказать, теплою водою, „ибо оной въ домѣ было довольно.

„Хозяйка знала, что мы были „бѣдны; но не знала той чрезмѣрной бѣдности, каковую мы терпѣли тогда съ довольнымъ видомъ. „Вы пьете весьма худой чай, сказала она намъ; но вотъ письмо, которое доставитъ вамъ для приправки его сахаръ и молоко; ибо „кажется мнѣ, что вы не употребляете ни того ни другаго, и слишкомъ экономничаете. Жена моя покраснѣла, я вздохнувши потупилъ „глаза; а хозяйка продолжала говорить намъ, показывая письмо: оно „видно радостно, ибо надобно заплатить за него шестнатцать су. „Тогда жена моя прервала молчанїе, „и просила ее смущеннымъ видомъ „заплатить за насъ сїи деньги, ибо „мы не имѣли ихъ для расплаты съ „почталїономъ.

„Отъ всего моего сердца, отвѣ-
„чала она и вышла. Отпустивши же
„почталїона, возвратилась и сказала
„намъ: что это, дѣти мои! у васъ
„нѣтъ ни копѣйки! чѣмъ же вы корми-
„тесь? Уже было три часа, и
„обѣдъ нашъ былъ на столѣ; онъ со-
„стоялъ изъ чаю и хлѣбенныхъ ко-
„рокъ, кои мы въ него обмакивали.
„Она пристально на насъ смотрѣла,
„взглянула на столовой нашъ при-
„боръ, взяла жену мою за руку и
„сказала ей: я хочу, чтобъ, пока
„вы пробудете у меня въ жильцахъ,
„не имѣли вы другаго стола, кромѣ
„моего. . . . Да, я хочу того. . . .
„не откажите мнѣ въ семъ знакѣ
„дружества, и начнемъ теперь же.
„Жена моя. . . . какъ описать вамъ
„сїю сцену! жена моя не отвѣчала
„ничего; душа ея излилась въ черты
„лица ея, на коихъ видна была благо-
„дарность. . . . Я держалъ въ ру-
„кахъ своихъ письмо, въ которомъ
„надѣялся найти способы изъявить
„ей нашу признательность; съ тре-

„потомъ разломилъ я печать. . . .
„Ахъ, милостивый государь! что я
„скажу вамъ! Это было собственное
„письмо мое, которое отецъ мой не
„удостоилъ и развернуть, и обрат-
„но прислалъ его ко мнѣ въ пакетѣ.
„Я забылъ тогда на нѣкоторое вре-
„мя сыновнiй долгъ, въ чемъ и ка-
„юсь предъ Богомъ. Увы! я не вспо-
„мнилъ тогда, что я прежде сего
„непокоренъ былъ волѣ отца моего.

„Угнѣтаемы будучи нуждою и
„приглашаемы благотворенiемъ, при-
„няли мы милостивыя предложенiя
„хозяйки нашей. По томъ вспом-
„нивши о жилищѣ моего Капитана,
„вознамѣрился я просить его о по-
„мощи; но я не долженъ былъ на-
„дѣяться на нее: онъ имѣлъ столь
„благородную и безкорыстную душу,
„что не могъ быть богатымъ.

„Не смѣя изустно увѣдомить его
„о нещастномъ моемъ состоянiи, по-
„дробно описалъ я оное въ письмѣ,
„и цѣлую недѣлю искалъ случая вру-
„чить ему оное. Однимъ днемъ тщетно

„выжидая къ тому времени, возвращался я домой съ отчаяніемъ „въ сердцѣ, какъ вдругъ увидѣлъ „я его на поворотѣ одной улицы. „Радость, почувствованная мною, „увидя его, едва не лишила было „меня благопріятной минуты подойти къ нему; я колебался, стыдъ „и слабость моего здоровья держали „меня нѣсколько времени въ нерѣшимости. Однакожъ наконецъ подошелъ я къ нему съ скромнымъ видомъ, и подалъ ему письмо свое. „Онъ положилъ его къ себѣ въ карманъ, и посмотрѣлъ на меня, но „не узналъ. Я шелъ за нимъ съ униженнымъ видомъ бѣднаго человѣка; „онъ то примѣтилъ, оборотился ко „мнѣ, и спросилъ у меня, не скорой „ли надобенъ мнѣ отвѣтъ, и не дожидаясь моего отвѣта, развернулъ „письмо, и увидя мое имя, вскричалъ: Боже мой! это ты, Кадоганъ?

„Въ сіе самое время одна прекрасная карета остановилась передъ „нами; въ ней сидѣла женщина, укра-

„шенная всѣми прелестями натуры,
„невинности и цѣломудрія. Она кликнула Капитана, и спросила у него
„съ пріятнымъ видомъ, будетъ ли онъ
„севодни къ ней обѣдать. Я не могу
„сего сдѣлать, отвѣчалъ онъ ей; я
„далъ слово быть въ другомъ мѣстѣ. —
„Отговорки въ сторону, возразила
„она ему, вырвавши у него изъ рукъ
„поданное ему отъ меня письмо. Я
„хочу видѣть, важное ли дѣло лишаетъ нас удовольствія видѣть
„васъ въ нашей компаніи. . . . Важной
„видъ вашъ не обманетъ меня; я не
„отдамъ вамъ письма вашего, пока
„вы не обѣщаетесь обѣдать со мною. —
„Прочтите его, сказалъ онъ ей; вы
„тѣмъ обяжете меня. — Пріѣдете ли
„вы? — Естьли вы удостоите прочесть письмо сіе, то я исполню
„ваше приказаніе.

„Смертная блѣдность изгладила
„розовой цвѣтъ ея лица; умильныя
„слезы помрачили блескъ прекрасныхъ ея глазъ. Ахъ, Боже мой!
„вскричала она, что мнѣ дѣлать?

„Симъ утромъ накупила я много по-
„купокъ, и у меня остался только,
„одинъ карточной кошелекъ. Капи-
„танъ! гдѣ тотъ нещастной, про-
„сящій у васъ помощи? Капитанъ
„взглянулъ на меня; госпожа броси-
„ла на меня такой взглядъ, кото-
„рой проникъ въ мою душу. Вы ни-
„какъ нездоровы, государь мой, ска-
„зала она мнѣ тротательнымъ голо-
„сомъ, опустивши въ шляпу мою
„кошелекъ, и тотчасъ уѣхала. Велико-
„душной другъ мой обѣщался быть
„въ слѣдъ за нею, и поздравлялъ
„меня съ щастливою моею встрѣчею
„съ любезнѣйшею и добродѣтельнѣй-
„шею женщиною. Щастіе твое тѣмъ
„больше, примолвилъ онъ, что я
„самъ будучи бѣденъ, не могъ бы
„быть тебѣ полезенъ. Скажи мнѣ,
„гдѣ ты живешь, и будь увѣренъ,
„что я не забуду тебя.

„Я полетѣлъ къ женѣ своей, и
„разсказалъ ей мое приключеніе.
„Мы нашли въ кошелькѣ тритцать
„девять гиней, коими мы и разпла-

„тились съ своею хозяйкою. По томъ „съѣздили мы за дѣтьми своими, и „прїѣхали въ то мѣсто, гдѣ сыскалъ „насъ благотворительной другъ вашъ.

„Простите меня, милостивый го„сударь, за продолжительность пись„ма моего, и примите желанїя благо„дарнаго сердца, въ которомъ воз„родили вы спокойствїе и щастїе. „Я имѣю честь пребыть съ чувство„ванїями почтенїя и привязанности

„Милостивый Государь мой!

„Вашъ нижайшїй, преданнѣйшїй
„и обязаннѣйшїй слуга

„Джемсъ Кадоганъ.„

ГЛАВА 14.

Предусмотрительность молодаго человѣка.

Генрихъ, прочетши письмо сїе, отбросилъ намѣренїе свое вступить въ духовнсе званїе, чтобъ быть преемникомъ

Пастору Ортодоксу. Сей бѣдной человѣкъ, говорилъ онъ самъ въ себѣ, имѣетъ большее меня право на благодѣянія покровителя моего, назначающаго мнѣ Этерское Пасторское мѣсто; для чего не отдать ему онаго Кадогану, просвѣщеніе коего и нравы сообразны съ должностями священника? Я молодъ, а у него жена и дѣти; онъ произходитъ отъ благородной фамиліи, а я можетъ быть плодъ преступленія, или сынъ наемной матери. Естьли покровитель мой оставитъ меня, то я одинъ только буду нещастливъ, вмѣсто того что отецъ семейства. . . Нѣтъ, нѣтъ; я не могу согласиться на сію несправедливость, и какъ скоро случай мнѣ позволитъ, то поговорю о томъ съ Г. Франклиномъ. Случай сей тотчасъ открылся по его желанію. Генрихъ, заставши его одного, призналcя ему, что онъ не имѣлъ склонности къ духовному званію. Я не ожидалъ было сего извѣстія, возразилъ ему Г. Франклинъ; съ кото-

раго времени склонность твоя не стала согласоваться съ скромною простотою твоихъ нравовъ и правотою твоего сердца? Открой мнѣ причину сей перемѣны. Естьли ты не хочешь быть со временемъ Епископомъ, то мы постараемся пристроить тебя къ другому мѣсту; но напередъ скажи мнѣ дѣльную причину твоего отказа. Генрихъ покраснѣлъ, и просилъ его не принуждать его прервать молчанїе; но Франклинъ настоялъ. Кажется мнѣ, что я не могу упрекнуть себя въ недостаткахъ, кои противны бы были тому состоянїю, къ коему вы меня назначаете, отвѣчалъ ему Генрихъ; сомнѣнїя о неспособности моей въ отправленїи священныхъ должностей служителя алтарей происходятъ отъ другой причины. Когда я размышляю о убожествѣ честнаго Кадогана, и о изобилїи, коимъ наслаждается Пасторъ Ортодоксъ. . . Право, сударь, я не почитаю себя достойнымъ вступить въ духовное званїе;

вы обѣщались мнѣ нѣкогда отослать меня въ Лондонъ; я чрезвычайное имѣю желанїе узнать свѣтъ.... Франклинъ прервалъ, обнявши его, и вскричалъ: я отгадываю причину твоего отказа, и одобряю сїе благородное великодушїе.

Чувствительныя души Франклина и Генриха никогда не были столь совершенно согласны, какъ когда шло дѣло о добродѣтельныхъ дѣянїяхъ. Такъ, сынъ мой, отвѣчалъ ему доброй старикъ, такъ, ты увидишь свѣтъ; но остерегайся, чтобъ не потерять въ ономъ тѣхъ достойныхъ почтенїя качествъ, кои дѣлаютъ тебя чадомъ моей нѣжности; возвратись ко мнѣ съ сердцемъ непорочнымъ, а иначе я буду сокрушаться о своемъ снизхожденїи, и вмѣсто одобренїя причинъ, понуждающихъ тебя отказаться отъ безопаснаго состоянїя, буду почитать ихъ бичами моей старости. По томъ Франклинъ сказалъ ему еще, что онъ согласился ввести его въ духов-

ное званіе только въ угодность сестрѣ своей, и что онъ съ удовольствіемъ начертаетъ другіе планы въ его пользу, о коихъ онъ въ короткое время увѣдомитъ его, не смѣя ничего предпринять въ разсужденіи сего безъ согласія сестры своей. Ты любимецъ ея, говорилъ онъ ему; имѣешь ли ты столько же власти надъ ея умомъ, сколько и надъ моимъ? Такіе знаки безпредѣльной любви сдѣлали Генриха безгласнымъ: одни только взоры его выражали чувствованія его сердца.

Франклинъ, поразмысливши, какимъ бы образомъ сообщить дѣвицѣ Франклинъ о сей перемѣнѣ въ мысляхъ Генриховыхъ, былъ такого мнѣнія, чтобъ отложить открытіе сіе до назначеннаго времени возвращенія Генрихова въ Оксфордъ. Одинъ желалъ уѣхать по причинѣ явнаго предпочтенія, оказываемаго ему дамою, а другой для того, что боялся оскорбить сестру свою, коея самолюбіе легко раздражалось. Мы

не имѣемъ теперь никакой причины увѣдомлять сестру мою о нашихъ намѣренiяхъ, говорилъ Франклинъ; когда же она будетъ считать тебя въ Оксфордѣ, то ты можешь написать къ ней изъ Лондона Латинское письмо, въ коемъ изъяснись ей о новыхъ своихъ намѣренiяхъ, и сдѣлай предъ нею нужное извиненiе, чтобъ принудить ее одобрить ихъ.

Генрихъ сообразовался съ волею покровителя своего, и съ радостiю взиралъ на конецъ того принужденiя, въ каковомъ онъ жилъ для соотвѣтствованiя чрезмѣрнымъ учтивостямъ дѣвицы Франклинъ. Когда уговаривали его посвятить себя духовному званiю, тогда онъ согласился на оное въ угодность друзей своихъ, а нынѣ отказывался отъ онаго съ позволенiя Франклинова, слѣдовательно и не въ чемъ было ему упрекать себя. Доволенъ будучи честными своими чувствованiями къ Лавинiи и тѣмъ пожертвованiемъ, каковое онъ дѣлалъ въ пользу Кадогана, спокойно

вкушалъ онъ прïятность настоящаго своего состоянïя.

Однакожъ вознамѣрился онъ увѣдомить Кадогана о тайныхъ любовныхъ дѣлахъ своихъ съ Лавинïею, и требовать отъ него совѣта, какимъ образомъ поступать ему съ дѣвицею Франклинъ. Въ слѣдствïе сего пошелъ онъ въ Викарïевъ домъ, гдѣ засталъ содержательницу главнаго сельскаго трактира. Франклинъ хвалилъ Гжу. Кадоганъ, а сïе-то и понудило Гжу. Гудсонъ искать ея знакомства. Трактирщица была любимица братнина, но она не нравилась сестрѣ, что и препятствовало ей часто ходить въ замокъ. Генрихъ-Дельморъ рѣдко посѣщалъ трактиръ ея, слѣдовательно и не увеличивалъ той важности, къ коей Гжа. Гудсонъ была ревнительна, чтобъ заставить думать поселянъ, будто бы въ замкѣ уважаютъ ее. Не смотря на сïе невзгодье, была она оракуломъ сельскимъ, имѣла отличную степень между людьми втораго раз-

бора, и знала всѣ соблазнительные анекдоты крестьянъ покровителя своего, коему она разсказывала ихъ, умалчивая однакожъ о собственныхъ своихъ дѣлахъ.

Во время приходу Генрихова къ Викарію трактирщица разсказывала нѣкоторые анекдоты такого роду, что не льзя было говорить о томъ при Генрихѣ; почему она и замолчала, и положила на губы свой палецъ въ знакъ того, чтобъ не продолжать такого разговора, въ коемъ Дельморъ игралъ главную ролю.

Генрихъ не въ меньшее пришелъ замѣшательство, какъ и Гжа. Гудсонъ. Какимъ образомъ выполнить предметъ своего посѣщенія въ присутствіи такой женщины, коея нескромности онъ боялся? Какимъ образомъ увѣдомить Кадогана о приведшемъ его къ нему дѣлѣ? Онъ пробормоталъ нѣсколько пустыхъ привѣтственныхъ словъ, и хотѣлъ было выпти, какъ удержанъ былъ отъ того нечаяннымъ приходомъ Лавиніи.

Хотя отецъ ея и не зналъ о произходящемъ въ селѣ, въ коемъ онъ былъ *нулъ*, и хотя занимался одними только Римлянами, коимъ онъ удивлялся; однакожъ извѣстенъ былъ, что Дельморъ часто ходилъ въ Викаріевъ домъ. Любовникъ Лавиніинъ не имѣлъ уже такого же желанія видѣться съ нею; съ недавняго времени пересталъ онъ ходить на назначиваемыя ею свиданія, и окно въ столовой залѣ по пустому было отворено. Какъ скоро отецъ ея сталъ поговаривать о дружбѣ, связывавшей Генриха съ Кадоганомъ и его женою, то Лавинія и вознамѣрилась доставить себѣ входъ въ домъ ихъ, чтобъ увидѣться тамъ съ своимъ любовникомъ. А чтобъ получить въ томъ лучшій успѣхъ, то уговорила мать свою пригласить Гжу. Кадоганъ къ себѣ обѣдать; но увидя прошедшаго туда Генриха, взялась сама звать ее къ себѣ. Генрихъ, увидя ее, съ трудомъ скрылъ свое смущеніе и покраснѣлъ; но когда онъ усмотрѣлъ

печаль и унынїе, изображавшїяся во взорахъ Лавинїиныхъ, то мѣсто румянаго цвѣта щекъ его заступила смертная блѣдность. Жалость, ощущенная имъ о тоскѣ ея, перемѣнилась въ нѣжнѣйшее чувствованїе, когда Лавинїя начала звать Викарїя, жену его и дѣтей, на другой день обѣдать въ домъ свой. Это значило угодить Генриху до того, что въ немъ опять возгорѣлся огонь. Кадоганъ былъ его любимецъ, и ничто въ свѣтѣ не трогало его столько, какъ то уваженїе, которое изъявляемо было тогда къ сему семейству. Какъ сердце его удалено еще было отъ подозрѣнїй, и дѣйствїя его основывались на правотѣ и искренности, то опытъ и не имѣлъ еще времени научить его искусству притворяться; почему онъ и взиралъ на Лавинїю какъ на простосердечнѣйшую и невиннѣйшую изъ ея пола, и слѣдовательно приписывалъ поступокъ ея добротѣ ея сердца. Благодушїе казалось увеличивало тогда прїят-

ность голоса, произносившаго столь ласкательныя для Кадогана слова; красота Лавиніина показалась предъ глазами его пірогательнѣйшею подъ обворожающщими чертами доброжелательства; онъ смотрѣлъ на нее съ сугубымъ удовольствіемъ, но вздыхалъ отъ сожалѣнія, что былъ причиною тѣхъ досадныхъ слѣдствій, кои влекло за собою нещастное ихъ неблагоразуміе.

Гжа. Кадоганъ не склонилась на приглашеніе Лавиніино, подъ предлогомъ, что худое ея здоровье не позволяло ей ходить по гостямъ. Лавинія, примѣтя во взорахъ Генриховыхъ, что онъ одобрялъ сей отказъ, съ большимъ жаромъ просила жену Викаріеву назначить день, въ которой она расположена будетъ склониться на приглашеніе; ибо мать ея съ нетерпѣливостію ожидаетъ того удовольствія, чтобь познакомиться съ нею покороче; она столь сильно настояла, что жена Викаріева, которую за нѣсколько дней предъ

симъ не удостоивали и взгляду, принуждена была согласиться, чтобъ жена Пасторова и объ ея дочери пришли къ ней послѣ обѣда напиться чаю.

Во время сего разговора Генрихъ примѣтилъ во взорахъ Кадогана и жены его, что они усмотрѣли въ поступкахъ Лавиніиныхъ нѣкоторое принужденіе, и что они оба невыгодное имѣли мнѣніе о добромъ ея имени. Дельморъ, виновенъ будучи въ томъ неблагоразуміи, въ которомъ онъ чувствовалъ неизъяснимыя угрызѣнія совѣсти, относилъ самъ къ себѣ сіи взоры, кои въ самомъ дѣлѣ не столько до него касались, какъ онъ думалъ; а отъ сего произошелъ страхъ его, чтобъ преждевременное открытіе критическаго Лавиніина положенія не обнаружило ихъ тайны, прежде нежели будетъ имѣть онъ время пособить тому. Дочь Пасторова, или не примѣтившая того, или слушавшаяся только желанія своего быть наединѣ съ Генри-

хомъ, просила его проводить ее къ отцу ея. Дельморъ ожидалъ заслуженныхъ имъ упрековъ; ему хотѣлось бы не склониться на ея прозьбу; но онъ не смѣлъ досадить ей.

Лавинія, старался продолжить дорогу, выбрала такую, которая лежала черезъ лѣсъ. Мѣсто было весьма благопріятно для намѣреній ея обратить къ себѣ любовника, коего ночныя посѣщенія не были уже столько часты, и который поведеніемъ своимъ доказывалъ свою къ ней холодность. Раскаяніе послѣдовало за проступкомъ Генриховымъ, но Лавинія плакала; она упрекала его въ жестокости столь трогательными выраженіями, что онъ не могъ устоять противъ того. Тщетно употреблялъ онъ разумъ, чтобы убѣдить ее въ томъ оскорбленіи, каковое она сама себѣ причиняла незаконною ихъ связью; тщетно представлялъ онъ ей необходимость свою оставить Этерской замокъ, чтобъ заняться своимъ произвожденіемъ:

она не слушала его, и противопоставляла доводамъ его слезы свои. Естьли бы онъ умѣлъ читать въ сердцѣ Лавиніином, то увидѣлъ бы, что она принимала на себя умѣренность только для того, чтобъ лучше его обмануть, и что онъ былъ игрушкою хитрой женщины, старавшейся только вовлечь его въ бездну золъ. Она бросилась къ ногамъ его, призывала на помощь жалость, честь и человѣчество, чтобъ принудить его не оставлять ее въ такое время, когда присутствіе его становилось для ней нужнѣе прежняго. Словомъ сказать, она изтребовала отъ него вѣрное слово жениться на ней до отъѣзда въ Лондонъ. Генрихъ, тронутый сокрушеніемъ любовницы, коей онъ почиталъ себя обольстителемъ, схватилъ ее въ свои обьятія, и обѣщалъ ей все то, чего она отъ него требовала; по томъ сѣли они на травѣ, подъ тѣнію одного дуба, и клялись другъ другу въ вѣчной вѣрности. Лавинія наклонила было

голову свою на грудь своего любовника, но услышанной ими шорохъ вѣтвей находившагося позади дуба кустарника помѣшалъ ихъ ласкамъ, и заставилъ ихъ обратиться къ сей сторонѣ. Какое же было ихъ удивленіе, увидя тутъ Франклина, смотрѣвшаго на нихъ съ изумленнымъ видомъ! Генрихъ не имѣлъ силы говорить. Лавинія, не въ такомъ будучи смущеніи, какъ онъ, устремила на минуту глаза свои на Франклина, и по томъ приклонила лице свое къ той же самой груди, которую она орошала своими слезами. Генрихъ не смѣлъ встать, опасаясь, чтобъ Франклинъ не узналъ Лавиніи; а Франклинъ съ своей стороны, не хотя увеличивать замѣшательства Генрихова, продолжалъ путь свой, не сказавши ни слова.

Какъ скоро онъ удалился, то Генрихъ началъ помышлять о нужныхъ средствахъ, какъ бы отдалить бурю, коею онъ почиталъ себя угрожаемымъ, и ободрить свою любов-

вицу, которую сія нещастная встрѣча должна была сильнѣе тронуть; однакожъ для утѣшенія ея не только не имѣлъ онъ нужды употреблять увѣреній, но съ изумленіемъ увидѣлъ блистающую въ глазахъ ея радость. Какъ время не позволяло ему изъявить ей свое о томъ удивленіе, то онъ замолчалъ, и занялся только тѣмъ долгомъ, которой обязывалъ его взять ее за себя. Случай, по его мнѣнію, соотвѣтствовалъ его желанію: Г. Франклинъ былъ свидѣтелемъ такого сердечнаго союза, о которомъ онъ не посмѣлъ бы сказать ему; Гжа. Гудсонъ помѣшала ему сдѣлать въ томъ довѣренность Викарію, и такимъ образомъ все служило къ пользѣ Лавиніи и къ собственному его удовольствію. Притомъ же ласкался онъ, что Франклинъ будетъ способствовать прозьбѣ его у Пастора Ортодокса, богатство коего послужило бы можетъ быть препоною женидьбѣ на дочери его; онъ надѣялся также, что

встрѣча сія освободитъ его отъ любовныхъ преслѣдованій дѣвицы Франклинъ, и что посредствомъ женидьбы своей на Лавиніи разгонитъ онъ ея страхи и возстановитъ тишину и спокойствіе въ замкѣ. Когда же мѣсто безпокойствъ заступила н - дежда, то онъ увѣдомилъ Лавинію о намѣреніи своемъ замѣшать Франклина въ свое дѣло: она слушала его съ неизъяснимою радостію, и возвратилась къ своей матери съ сердцемъ исполненнымъ удовольствія, каковое она ощущала отъ случившагося въ лѣсу приключенія.

ГЛАВА 15.

Многія любовныя объявленія.

Въ то время, какъ множество приключеній были слѣдствіемъ Генриховой прогулки, другія важнѣйшія дѣла должны были произойти по возвращеніи его въ замокъ.

Надобно припомнить, что дѣвица Франклинъ и Пасторъ Ортодоксъ тѣсно соединены были узами дружества и взаимною ихъ склонностїю къ свободнымъ наукамъ. Женидьба Пасторова на своей служанкѣ доказываетъ, что онъ имѣлъ *страсти.* Хотя удивлялся онъ Платоновой системѣ, однакожъ способенъ былъ ощущать живѣйшее чувствованїе, нежели каково есть дружество. Сїе чувствованїе открылось въ тѣхъ услужливостяхъ, каковыя онъ оказывалъ своей ученицѣ. Дѣвица Франклинъ, не имѣя привлекательности юности, имѣла еще столько прелестей, что могла нравиться и другимъ, а не одному Ортодоксу; притомъ же дѣвица Франклинъ не была лицемѣрка, и Пасторъ вооружался иногда противъ строгихъ Стоическихъ правилъ. Когда Пасторъ женился на своей служанкѣ, то дѣвица Франклинъ изъявила ему о томъ неудовольствїе свое; онъ извинялся побужденїями натуры, которая

требуетъ, чтобъ она возобновляема была посредствомъ данной ею намъ силы. Дѣвица Франклинъ успокоилась, и даже похвалила его. Естьлибъ выборъ мой упалъ на особу вашихъ достоинствъ, говорилъ онъ ей, то я безъ сомнѣнія лучше бы выполнилъ побужденія *общей* нашей *матери*; я произвелъ бы тогда чудеса достойныя меня, и свѣтъ вдвое бы выигралъ отъ тѣхъ полезныхъ изысканій, коими я непрестанно занимаюсь. Сей языкъ сообразенъ былъ съ тѣми понятіями, какія имѣла дѣвица Франклинъ о большей части своего пола; она разпространилась о великомъ числѣ невѣжъ въ сравненіи малаго числа просвѣщенныхъ людей. Презрѣніе ея къ женщинамъ падало съ большею силою на Гжу. Ортодоксъ и двухъ ея дочерей, и почтенный Пасторъ помогалъ ей въ тѣхъ неучтивыхъ выраженіяхъ, въ коихъ она говорила ему объ нихъ. Когда послѣ сего гордой Ортодоксъ прихаживалъ домой, то повторялъ предъ

своею женою употребленныя имъ грубыя слова во время зашедшей объ ней рѣчи, и сей прекрасный панегирикъ всегда оканчивалъ напоминанїемъ ей о томъ подломъ состоянїи, изъ какого онъ извлекъ ее и возвысилъ даже до себя.

Рѣдко ученыя женщины сообразаются съ принятыми обыкновенїями, и принуждаютъ свои склонности. Когда дѣло идетъ объ удовлетворенїи онымъ, то слушаются онѣ только что страстей своихъ, предоставляя боязливѣйшимъ изъ своего пола тотъ трудъ, чтобъ быть невольницами предразсудка. Знаменитой Ортодоксъ женился для успокоенїя отъ ученыхъ своихъ упражненїй; ученая дѣвица Франклинъ желала тоже учинить. Римскїя госпожи не хотѣли покрывать завѣсою скромности чувствованїя свои къ тѣмъ мущинамъ, которые имъ нравились: дѣвицѣ Франклинъ не должно было презирать такихъ примѣровъ; почему и говорила она Ортодоксу о

намѣренiи своемъ въ разсужденiи Дельмора безъ малѣйшаго принужденiя.

Г. Ортодоксъ! я имѣю нѣчто сообщить вамъ, сказала ему дѣвица Франклинъ, положивши перо свое на столъ. — Тотчасъ, сударыня, отвѣчалъ ей почтенной Пасторъ, имѣя глаза устремленные на читаемую имъ книгу; я только лишь кончилъ пародiю краснорѣчивой Регуловой рѣчи, которую мы вложимъ въ уста нашего Генерала . . . . Вы окончите ее въ другое время, а теперь мнѣ надобно поговорить съ вами: я имѣю намѣренiе вытти замужъ, и хочу, чтобъ вы мнѣ помогли. — Вытти за мужъ, сударыня! и книга выпала у него изъ рукъ. — Да, *вытти за мужъ*, сударь. Чтожъ тутъ удивительнаго? — Но . . . нѣтъ . . . да . . . я признаюсь . . . — Право, Г. Ортодоксъ, я не понимаю васъ. Не женаты ли вы? не на другой ли уже женаты, и . . . — Правда, въ этомъ намѣренiи нѣтъ ничего страннаго; только признаюсь, что оно нѣсколько

удивляетъ меня; однакожъ я весь къ вашимъ услугамъ.

Звукъ голоса, видъ и взоры Пасторовы показывали величайшее недоумѣніе; онъ мимоходомъ пробѣжалъ въ воображеніи своемъ всѣхъ мущинъ, часто ходившихъ въ замокъ, и не отгадывалъ ни одного, на кого бы ученая его питомица могла устремить выборъ Не столько *вещь*, сколько *сущность* возбуждаетъ во мнѣ удивленіе, продолжалъ онъ; кто таковъ сей щастливой смертной?... Дѣвица Франклинъ улыбнулась, посмотрѣла на него съ пріятнымъ видомъ, и изумленіе Пасторово увеличилось. По его мнѣнію бракъ и дѣвица Франклинъ были двѣ несовмѣстныя вещи. Дѣвица Франклинъ опять взяла перо свое съ сердцемъ; Пасторъ машинально опять взялся за свою книгу: чтобъ совершенно республиканской духъ покорился монархической власти! этого я не понимаю, говорилъ самъ въ себѣ

Пасторъ, протирая стеклы въ своихъ очкахъ. Сей старой дуракъ становится отчасу глупѣе, повторяла сама въ себѣ дѣвица Франклинъ; потомъ, держа одною рукою перо свое, а другою страницу своего манускрипта, продолжала: Ну чтожъ, Г. Пасторъ! и такъ вы не отгадываете той особы, въ пользу которой я хочу перемѣнить состоянїе?

Пасторъ наблюдалъ молчанїе; онъ размышлялъ объ учиненномъ имъ проступкѣ, что не узналъ лучше свойства своей ученицы, и сожалѣлъ, что не онъ самъ завладѣлъ сею богатою добычею; онъ перебиралъ всѣ выгоды, которыя доставилъ бы ему бракъ сей, и вычислялъ всю свою потерю, женившись на Доротеѣ Редишъ. Досада его увеличилась, когда дѣвица Франклинъ объявила ему, что предметомъ ея выбору былъ Генрихъ. Какъ! тотъ, котораго онъ почиталъ за нищаго; тотъ, котораго не удостоивалъ онъ и благосклоннаго взгляду,

одерживаетъ верьхъ надъ нимъ, надъ Греками и Римлянами! это превосходило всякое терпѣніе. Ни представленія, ни доказательства, ни ученѣйшія ссылки не имѣли никакого дѣйствія надъ дамою; она рѣшилась перемѣнить систему, и надѣялась найти большее удовольствіе въ принимаемой ею, нежели въ Исторіи республиканскаго своего героя. Умствованія Пасторовы были благоразумны въ *теоріи*; но онъ самъ собою подалъ примѣръ, что онѣ противорѣчили на *практикѣ*. — Подумайте, говорилъ онъ ей, о неравенствѣ лѣтъ. — Да вы сами не взяли ли за себя жену гораздо моложе себя? — Посудите о его убожествѣ. — Ваша Доротея не богатѣе была. — Но подлость его рода . . . — А вы смѣете ли упомянуть о родителяхъ жены своей? — Не уже ли вы ни за что считаете, сударыня, ту невыгоду, чтобъ вытти за мужъ за молодаго человѣка, которой могъ бы быть вашимъ сыномъ? — Я не совѣтовъ,

сударь, вашихъ требую, возразила дѣвица Франклинъ, но вашей помощи въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ я имѣю надобность въ посланникѣ; никто лучше меня не знаетъ того, что мнѣ прилично. Сїе объясненїе, учиненное въ *Оливїеровомъ* штилѣ, заградило уста Пастору, которой не смѣлъ уже не одобрить того, что онъ самъ въ себѣ охуждалъ; ибо поведенїе ученицы его не сообразно было съ даннымъ ей отъ него воспитанїемъ. Онъ притворился, и началъ хвалить благородныя ея правила, презирающїя предразсудки, коихъ простой народъ былъ сущїй невольникъ.

Ласкательныя слова, говоренныя ей Пасторомъ, увеличили нетерпѣливость дѣвицы Франклинъ заключить *трактатъ*, отъ коего ожидала она верьховнаго благополучїя. Послѣ нѣкоторыхъ наблюденїй о неопытности Дельморовой возложила она на ученаго Ортодокса коммисїю увѣдомить его о той выгодѣ, которую

она ему предназначала. *Планъ дѣйствій* ихъ не совсѣмъ еще былъ распоряженъ, какъ колокольчикъ возвѣстилъ имъ о времени обѣдать. Никогда за однимъ столомъ не собиралось четырехъ такихъ особъ, коихъ размышленія были бы столь различны между собою. Начнемъ съ дамы, такъ какъ начальницы въ домѣ. Жаркой споръ весьма разкраснилъ лице ея и глаза. Увѣрена будучи въ правотѣ своего сердца и въ непорочности своихъ намѣреній въ разсужденіи Генриха, не принуждала уже она своихъ взоровъ, коимъ онъ противопоставлялъ совершеннѣйшее равнодушіе. Страхъ подвергнуть себя оскорбительному отказу не давалъ ей ѣсть.

Съ другой стороны почтенной Пасторъ, предвидя, что бракъ сей поубавитъ его силу, смотрѣлъ на Генриха съ гнѣвомъ. Франклинъ старѣе меня только однимъ годомъ, говорилъ самъ въ себѣ Ортодоксъ; я могу пережить его, и видѣть Доро-

тею низшедшую во гробъ. Сколько поводовъ къ печали! Но вмѣсто того, чтобъ потерять отъ сего аппетитъ, досада его производила въ немъ сильной голодъ, которой увеличивалъ онъ непрестаннымъ питьемъ ренскаго вина.

Г. Франклинъ представлялъ еще себя находящимся въ лѣсу съ Лавиніею и Генрихомъ. Положеніе ихъ и безпорядокъ не выходили у него изъ памяти, и онъ противъ своего обыкновенія находилъ что нибудь непріятное во всемъ томъ, что ни говорили и что ни подавали на столъ.

Генрихъ ѣлъ, для того что надобно было для сокрытія своего смущенія что нибудь дѣлать. Франклинъ, не смотря на его усильныя старанія, примѣтилъ замѣшательство, коего онъ былъ невинною причиною.

Какъ скоро встали изъ за стола, то дѣвица Франклинъ съ поспѣшностію ушла въ свой кабинетъ, для окончанія тамъ прерваннаго объ-

домъ разговора. Ортодоксъ послѣдовалъ туда за нею. Генрихъ остался одинъ съ Франклиномъ, которой, затворивъ двери, спросилъ у него, давно ли онъ столь тѣсно былъ связанъ съ Лавинїею? Пристыженный, смущенный и опечаленный Генрихъ, что не имѣлъ къ любовницѣ своей такихъ чувствованїй, какїя Франклинъ долженъ былъ предполагать въ немъ, хотѣлъ было отложить до другаго времени то объясненїе, котораго онъ прежде желалъ; но честь одержала надъ нимъ верьхъ, и Дельморъ разсказалъ ему, какимъ образомъ началась связь ихъ, и просилъ у него прощенїя въ учиненномъ имъ проступкѣ, учинивши выборъ безъ вѣдома своего благодѣтеля. Я столько уже ввязался въ сїе дѣло, что не могу увернуться, примолвилъ онъ; великодушїе ваше и заступленїе у Г. Ортодокса суть единственныя милости, на кои я смѣю еще надѣяться. — Франклинъ вздыхалъ, уста его дрожали, между тѣмъ какъ

онъ устремлялъ взоры свои въ землю; но вдругъ прервавши молчанiе, вскричалъ онъ: ахъ, любезной мой Генрихъ! что ты сдѣлалъ? Какъ! уже поздо увернуться! Ты дѣйствительно вступилъ въ союзъ съ сею дѣвкою? Какъ столь умной молодой человѣкъ могъ сдѣлать такой выборъ?... Ахъ, бѣдной мой Генрихъ! ты уничтожилъ всѣ мои замыслы; я имѣлъ намѣренiе сдѣлать тебя щастливѣйшимъ человѣкомъ въ Англiи; . . . подумай объ этомъ хорошенько: точно ли это правда, что не льзя уже тебѣ отказаться? — Совершенная правда, сударь, отвѣчалъ ему Генрихъ покраснѣвши. — Я не удивляюсь, продолжалъ Франклинъ, что ты сдѣлался чувствительнымъ къ любовнымъ уловкамъ Лавинiинымъ; кокетство ея разстроивало иногда и мою философiю. Лѣта и разумъ суть слабыя оружiя противъ примамъ пригоженькаго личика; но что ты выбралъ Лавинiю себѣ въ жену; . . . не думай, чтобы

я охуждалъ причины сего выбора. Есть такія преступленія, противъ коихъ законы не довольно еще строги, но кои по сей причинѣ не менѣе обезславливають человѣчество. Въ семъ числѣ полагаю я обольщеніе.... Естьлибъ ты способенъ былъ къ такому преступленію, и обѣщался бы сдѣлать то, чего бы не имѣлъ намѣренія исполнить, то я проклялъ бы тебя, и никогда бы за то не простилъ. Ввести молодость въ заблужденіе и воспользоваться нѣжностію женщины, для отнятія у ней спокойствія ея, и для отвлеченія ее отъ добродѣтели, есть не только дѣйствіе вѣроломца, но и жестокость варвара. Я надѣюсь, что ты не такъ поступилъ, и естьли я не обманываюсь, то ты *обольщенной*, а Лавинія *обольстительница*.

Генрихъ, не желая раздражить Г. Франклина противъ той, на которой онъ долженъ былъ жениться, приписалъ себѣ всю вину, и учинилъ величайшія похвалы Лавиніи, кото-

рая, говорилъ онъ, имѣетъ къ нему безпримѣрную любовь. Послѣ сего началъ онъ снова умолять его замолвить слово у Пастора въ ихъ пользу, и просилъ о продолженіи тѣхъ милостей, въ коихъ Г. Франклинъ показалъ ему столько опытовъ. Я прощаю тебя отъ всего моего сердца, отвѣчалъ ему Франклинъ съ трогательнымъ видомъ; но я страшусь той минуты, когда ты самъ себѣ не простишь за сіе неблагоразуміе. Щастіе твое, говоришь ты, зависитъ отъ сего поступка; пусть такъ, я не противлюсь твоему щастію, но съ тѣмъ условіемъ, что ты не женишься еще, хотя бы Г. Ортодоксъ и согласился на то; ибо едва ли минуло тебѣ еще двадцать лѣтъ, и сей поступокъ испровергнетъ всѣ планы, которые я начерталъ для будущаго твоего благополучія. Я не намѣренъ опровергать твоего выбора, и даю тебѣ мое слово, что никакое обязательство никогда не прервётъ того, на которое

я далъ свое согласіе. Генрихъ согласился на все то, чего ни требовалъ отъ него покровитель его, и изъявилъ ему за то благодарность свою въ обыкновенныхъ выраженіяхъ.

Такое великодушіе увеличило любовь Генрихову къ благородному своему благодѣтелю; онъ обѣщалъ ему сообразоваться съ его желаніями. Болѣе доволенъ будучи, получивъ его одобреніе, нежели сколько радъ тому, что будетъ супругомъ Лавиніинымъ, пошелъ онъ въ свою комнату для отписанія къ своей любовницѣ, и ввѣрилъ письмо сіе Матвѣю; ибо онъ хотѣлъ впредь избѣгать случаевъ видѣться съ нею, и благоразумнымъ поведеніемъ заслужить милость, коей удостоивалъ его покровитель его.

Онъ увѣдомилъ Лавинію о добрыхъ расположеніяхъ Г. Франклина и о намѣреніи, каковое онъ самъ имѣлъ, возстановить добрую ея славу и вознаградить любовь ея бракомъ. Она показала письмо матери

своей и сестрѣ, но скрыла отъ нихъ то мѣсто, гдѣ говорено было о незнаемомъ ими дѣлѣ. Радость, почувствованная отъ того Гжею. Ортодоксъ, заставила ее учинить многія сумазбродства. Она, по словамъ своимъ, предвидѣла будущую великость любезной своей Лавиніи, и представляла уже ее госпожею замка, куда гордые временщики будутъ ѣздить къ ней съ визитами. Я всегда объ этомъ говорила! вскричала она; красота Лавиніина заслуживаетъ такое щастіе.

Упоена будучи радостію, произведенною въ ней сею вѣстію, послала она за доброю своею пріятельницею Гжею. Гудсонъ, для увѣдомленія ее о непредвидѣнномъ щастіи ея дочери. Гжа. Гудсонъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій сообщила ей въ свою очередь нѣкоторыя сомнѣнія о достовѣрности такого дѣла, которое почитала она только еще умозрительнымъ. Ибо, присовокупила она важнымъ тономъ, я навѣрно

знаю, что Г. Франклинъ имѣетъ великія намѣренія въ разсужденіи Г. Дельмора; извѣстно, что онъ его любитъ какъ собственнаго своего сына, и молодой человѣкъ заслуживаетъ это. Не извѣстно еще, что теперь дѣлаютъ или говорятъ; но что касается до меня, то мнѣ все кажутся обвороженными. Большая часть села думала, что дѣвица Лавинія обѣщана была Г. Довнесу. . . Г. Довнесу! право, это былъ бы весьма смѣшной выборъ, возразила ей Пасторова жена; дочь моя не такимъ образомъ воспитана, чтобъ быть женою бѣднаго Ландмилицкаго Офицера. Гжа: Гудсонъ хвалила и хулила Г. Довнеса, и обѣщала хранить ввѣренную ей тайну въ глубокомъ молчаніи, совершенно рѣшившись однакожъ сдѣлать участницами въ оной дюжину добрыхъ своихъ пріятельницъ подъ печатію тайны.

Въ семь числѣ находился Викарій и жена его, кои не могли тому вѣрить; ибо хотѣлось имъ, чтобъ та-

кой бракъ не совершался. Однакожъ источникъ, изъ коего Гжа. Гудсонъ почерпнула сїе извѣстїе, не производилъ ни малаго сомнѣнїя, и тѣмъ болѣе, что показано ей было то мѣсто въ письмѣ, гдѣ Генрихъ увѣрялъ Лавинїю въ согласїи Франклиновомъ. Жена Викарїева вспомнила тогда нѣкоторые анекдоты, сказыванные ей Гжею. Гудсонъ, и посмотрѣла на своего мужа, которой далъ ей знакъ, что онъ отгадалъ ея мысль. Хотя Гжа. Гудсонъ и не знала искусства читать въ глазахъ, однакожъ поняла языкъ Викарїевыхъ глазъ, и просила его никогда не открывать тѣхъ секретовъ, кои она сообщила Гжѣ. Кадоганъ и ему касательно до Лавинїи; ибо легко статься можетъ, примолвила она, что это клевета, выдуманная людьми, завидующими щастїю Пасторову.

Я всегда воображалъ, сударыня, возразилъ ей Викарїй, что сїи довѣренности были слѣдствїемъ собственныхъ вашихъ замѣчанїй. — Какъ!

моихъ замѣчаній, сударь! нѣтъ, нѣтъ; я никогда не вмѣшивалась въ чужія дѣла. Послѣ сего она начала плакать, приходить въ отчаяніе, и кончила изчисленіемъ тѣхъ досадъ и обидъ, кои причинитъ ей Пасторъ, естьли узнаетъ, что она что нибудь говорила о *секретныхъ дѣлахъ* его фамиліи. Но ее ободрили, и она пошла, довольна будучи, что избавилась отъ нескромности друзей своихъ, не помышляя о томъ, что всѣ женщины въ селѣ были ея наперсницы, коимъ она ввѣрила ту же самую тайну.

Между симъ временемъ сестра Лавиніина, завидовавшая щастію младшей своей сестры, увидя по случаю Капитана своего въ саду, подошла къ нему, чтобь разсказать ему о произшедшемъ между Генрихомъ и Лавиніею, и чтобь въ то же самое время дать ему уразумѣть, что она имѣла намѣреніе прервать съ нимъ знакомство. Капитанъ разтолковалъ сіе намѣреніе другимъ об-

разомъ, и почелъ оное за объявленїе, чтобъ онъ взялъ ее за себя. Союзъ Дельморовъ съ Лавинїею, которой удостовѣрялъ ихъ въ покровительствѣ Франклиновомъ, гораздо болѣе, нежели въ богатствѣ Ортодоксовомъ, понудилъ его изъясниться съ своею любовницею, чтобъ не оставить въ ней никакого сомнѣнїя о истинныхъ своихъ чувствованїяхъ; онъ бросился къ ногамъ ея, заклиналъ ее не противиться намѣренїю его соединиться съ нею тайнымъ образомъ, не смѣя надѣяться, говорилъ онъ ей, чтобъ Пасторъ согласился на бракъ ихъ.... Однимъ словомъ, онъ предложилъ ей уѣхать съ нимъ въ Шотландїю (*).

Большая часть женщинъ осердились бы за сїе предложенїе; но оно столько понравилось дѣвицѣ Ортодоксъ, что она не оказала ни малой тому противности. По ея мнѣ-

(*) Браки противъ воли родителей совершаются въ Шотландїи, гдѣ Пасторы за нѣсколько гиней вѣнчаютъ безъ публичнаго провозглашенїя о женихѣ и невѣстѣ.

нію бѣгство придастъ столько блеску замужству ея, сколько будетъ имѣть онаго сестра ея, выходя за мужъ за сердечнаго друга Франклинова. Двое любовниковъ разстались весьма довольными другъ другомъ: дѣвица Ортодоксъ тѣмъ, что она привлечетъ на себя взоры поселянъ; а Капитанъ по причинѣ тѣхъ пособій, кои онъ надѣялся найти въ Пасторовыхъ денежкахъ. Радость, каковую онъ притворялся ощущающимъ, возмущаема была однакожъ безпокойствомъ его, гдѣ бы занять ему нужныхъ для пути своего денегъ, безъ коихъ должно ему было отстать отъ всѣхъ своихъ предпріятій.

ГЛАВА 16.

Все наизворотъ.

На другой день послѣ того, какъ произошло столько приключеній, едва лишь заря начала румянить горизонтъ, то почтенной Ортодоксъ

всталъ для исправленія порученнаго ему отъ дѣвицы Франклинъ дѣла. Отъ посольства Пасторова зависѣла участь Лавиніина и Генрихова. Уже онъ былъ на порогѣ, держа въ одной рукѣ бобровую свою шляпу, а въ другой батистовой платокъ, какъ нечаянной приходъ Г. Франклина помѣшалъ его выходу. Какъ скоро сказалъ онъ Ортодоксу, что онъ хочетъ переговорить съ нимъ объ одномъ важномъ дѣлѣ, то добрая Пасторова жена вынесла изъ библіотеки, въ коей мужъ ея одѣвался, разбросанное имъ тутъ платье, извиняясь, что она не успѣла сдѣлать сего прежде, на что Г. Франклинъ отвѣтствовалъ усмѣшкою, а Пасторъ нѣсколькими грубыми словами.

Когда они остались одни, то Франклинъ увѣдомилъ Пастора, что онъ пришелъ для предложенія ему о женидьбѣ Генриха-Дельмора на Лавиніи; по томъ спросилъ его, сколько дастъ онъ за своею дочерью, и

присовокупилъ: хотя я и не одобряю сего союза, однакожъ приведу Генриха въ такое состоянїе, какого онъ ожидать долженъ отъ моихъ старанїй.

Бѣдной Ортодоксъ рожденъ былъ на то, чтобъ жить во всегдашнемъ изумленїи. Вчерашняя сестрина коммисїя, а сегоднишняя братнина, и все для одного и того же человѣка, остановили способности его разума. Пришедши въ себя, но не отложивши негодованїя своего на временщика, коего хотѣлось ему вытѣснить, прервалъ онъ свое молчанїе двузнаменательнымъ отвѣтомъ; это было единственнымъ средствомъ соблюсти свои деньги, влїянїе на умъ ученицы своей, и мнимую довѣренность у Франклина. Естьли бы онъ отказалъ сему послѣднему, то тѣмъ раздражилъ бы его; а естьли бы принялъ предложенїя его, то огорчилъ бы дѣвицу Франклинъ, и вся ненависть ея упала бы на *посланника*, не умѣвшаго исполнить

препорученнаго ему дѣла. Онъ, по примѣру искуснаго политика, попросилъ позволенія ничего не рѣшить безъ совѣта ученой дѣвицы Франклинъ, коея просвѣщеніе, говорилъ онъ, было надежнымъ путеводителемъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о затруднительныхъ и важныхъ дѣлахъ. Хитрой Пасторъ ничего не щадилъ, чтобъ принудить Франклина одобрить свои причины; а сей, не подозрѣвая, чтобъ сестра его имѣла свои побужденія къ отверженію просимаго имъ *союза*, отложилъ до завтра назначеніе дня, въ которой бы торжествовать бракъ Дельморовъ. Послѣ сего пошли они вмѣстѣ въ замокъ, одинъ избѣгая продолженія разговора, а другой стараясь возобновить его, но не могши получить въ томъ успѣха

Дѣвица Франклинъ не вышла еще изъ ученаго своего кабинета, а Генрихъ не думалъ еще разстаться съ паркомъ, въ которомъ онъ прогуливался, когда Франклинъ и Орто-

доксъ пришли къ замку. Они разлучились у садовыхъ воротъ: Франклинъ пошелъ въ свои покои, а Ортодоксъ, противъ обыкновенія своего, пошелъ навстрѣчу Генриху, возвращавшемуся въ замокъ. Учтивость Пасторова удивила Дельмора, которой отвѣтствовалъ на оную съ тѣмъ почтеніемъ, которымъ онъ долженъ былъ лѣтамъ его и характеру. Ортодоксъ просилъ его воротиться въ паркъ, въ которой и вошли они въ глубокомъ молчаніи.

Хотя Пасторъ всегда о бездѣлицѣ говорилъ въ пространныхъ словахъ; однакожъ гнѣвъ его въ семъ случаѣ, что онъ былъ переносщикомъ такихъ вѣстей, кои должны были возгордить Дельмора, сдѣлалъ его безгласнымъ. Генрихъ съ своей стороны зная нравъ Ортодоксовъ, боялся изъясненія, которое почиталъ онъ за конечное рѣшеніе своей и Лавиніиной участи. Они продолжали прохаживаться, каждой занимаясь различными мыслями, до тѣхъ поръ,

какъ наконецъ Пасторъ началъ разговоръ разсужденiями о прекрасномъ времени, о жатвѣ, о дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ и о тяжести налоговъ, къ чему Ортодоксъ всегда имѣлъ причину. Послѣ сего настало другое молчанiе, такъ что Дельморъ не осмѣлился прервать онаго.

Генрихъ, ослабѣвшiй отъ жара, а болѣе еще отъ мучившихъ его сомнѣнiй, старался добраться до замка, какъ вдругъ Ортодоксъ загородилъ ему дорогу, вскричавши суровымъ тономъ: молодецъ! ты весьма щастливъ. — Я не жалуюсь на свою участь, отвѣчалъ ему Генрихъ, будучи нѣсколько тронутъ тѣмъ видомъ, съ каковымъ Пасторъ произнесъ слово *щастливъ*. — Я повторяю тебѣ, продолжалъ Пасторъ, говоря сильнѣйшимъ голосомъ, что фортуна отмѣнно благопрiятствуетъ тебѣ.

Какъ единственно только честь и сожалѣнiе понуждали Дельмора жениться на Лавинiи, то онъ и не

думалъ, чтобъ отецъ ея могъ упрекать его въ семъ избыточествѣ щастія; почему и не отвѣчалъ ему ничего.

Ты *молодъ*, *пригожъ* и *уменъ*, продолжалъ ученой Ортодоксъ . . . (Генрихъ покраснѣлъ, и нѣсколько разъ поклонился ему) и ты въ короткое время будешь богатѣйшимъ человѣкомъ въ Девонской провинціи; ты въ состояніи будешь спориться въ богатствѣ не съ однимъ Лордомъ; въ твоей волѣ будетъ распоряжать Этерскимъ Пасторскимъ мѣстомъ, и ты можешь засѣдать въ Парламентѣ. Генрихъ былъ великорослъ и статенъ, а Ортодоксъ малъ, и столько круголъ, что едва могъ ходить. Послушай, продолжалъ онъ, опершись одною рукою о свою палку, чтобъ лучше приподняться на цыпочкахъ, а другою схвативши за пуговицу Генрихова фрака; послушай, ты возьмешь за себя . . . — Это и есть мое намѣреніе . . . — Ты возьмешь за себя, говорю я тебѣ,

жемчужину изъ женщинъ, несравненную красавицу, ученую дѣвицу Франклинъ. Дельморъ поблѣднѣлъ и спросилъ у него трепещущимъ голосомъ, видѣлся ли онъ съ Г. Франклиномъ? — Да. — Какъ же можетъ статься, чтобъ . . . — Погоди не много; вчера дѣвица Франклинъ дала мнѣ свое приказанїе, и я принужденъ извѣстить тебя о ея намѣренїяхъ. Помянутая госпожа . . . слушай со вниманїемъ, что я тебѣ говорю: помянутая дѣвица Франклинъ, покровительница наукъ, слава нашего вѣка, удостоиваетъ тебя любви, почувствованной ею къ тебѣ; она ни мало не сомнѣвается о той радости, которую ты будешь имѣть при сей щасливой вѣдомости, и о той благодарности, которая изъ того произойдетъ; но она приказываетъ тебѣ заключить въ своемъ сердцѣ восторги той радости, каковую преимущество такое должно произвести въ ономъ, до тѣхъ поръ, какъ она изъяснится съ Г. Франклиномъ въ

побужденїяхъ своихъ, принудившихъ ее учинить сей выборъ.

Вмѣсто сей радости бѣдной Генрихъ вдругъ увидѣлъ щастїе свое изчезшимъ. Нескромное поведенїе дѣвицы Франклинъ, и презрительная гордость, съ каковою Ортодоксъ исправлялъ свою коммисїю, возмущали нѣжное его сердце; однимъ словомъ, замыслы прекрасной и ученой дѣвицы Франклинъ производили въ немъ непреодолимое къ ней отвращенїе. Онъ старался почтительными выраженїями усладить отказъ свой въ принятїи руки ея, и признался Пастору, что учиненное имъ обязательство заставило бы его отказаться и отъ короны. — Поберегись, молодой человѣкъ, (возразилъ Ортодоксъ съ наморщеннымъ лицемъ) и противорѣчїями своими, основанными на неблагодарности и своенравїи, не отягчай своего отказа. Я имѣю сильныя причины, кои возпрепятствовали мнѣ открытымъ образомъ изъясниться съ Г. Франкли-

номъ: первая есть та, которую я сообщилъ уже тебѣ; да и другія такого свойства, что не должны быть скрыты отъ тебя. Меня считаютъ богачемъ, и думаютъ, что старикъ не имѣетъ нужды въ деньгахъ, но однакожъ въ этомъ обманываются: я небольшимъ своимъ имѣніемъ одолженъ экономіи своей; оно нужно для облегченія слабости моей. Я имѣю надобность въ великихъ понаровкахъ, и увѣдомляю тебя, что Лавинія не получитъ въ приданое ни копѣйки, и по смерти моей (то есть, ежели она переживетъ меня) останется ей весьма мало. Ты ожидаешь щастія себѣ отъ милости Г. Франклина; но ежели ты огорчишь сестру его, естьли женишься на дочери моей противъ воли моей, то бойся слѣдствій, кои произойдутъ изъ того; однакожъ *не говори, что я тебя обманулъ.*

Чтожъ касается до дѣлаемаго тобою отвѣта на предложенія дѣвицы Франклинъ, то препоручи его

другому кому нибудь; я не хочу и не долженъ наводить на тебя тотъ гнѣвъ, коимъ ты угрожаемъ. Прощай! *не говори, что я тебя обманулъ.* — Сдѣлайте одолженіе, выслушайте еще хотя одно слово, вскричалъ Дельморъ. — Нѣтъ, нѣтъ, ни одного слога; въ твоей волѣ состоитъ жениться на наслѣдницѣ Этерскаго помѣстья, или быть во всю свою жизнь друзьямъ своимъ въ тягость.

Тщетно Дельморъ выпереживалъ дороднаго Пастора, чтобъ уговорить его дорогою постараться о дѣлѣ своемъ предъ дѣвицею Франклинъ; тщетно представлялъ онъ ему, что отецъ болѣе долженъ заниматься щастіемъ своей дочери, нежели замыслами сумазбродной женщины: онъ отвѣчалъ на то только что дѣлая знаки шляпою, рукою или головою, кои показывали рѣшительной отказъ.

Такимъ образомъ пришли они въ замокъ. Генрихъ остановился въ залѣ, а Пасторъ пошелъ къ ученицѣ своей въ кабинетъ; но дѣвица Франклинъ

была у своего брата, почему Ортодоксъ и возвратился въ залу, и засталъ тутъ Генриха, игравшаго для разогнанія своей скуки на флейтѣ. Музыка уже столько очаровала его чувства, что менѣе нежели въ пять минутъ забылъ онъ и дѣвицу Франклинъ, и Лавинію, и страшнаго Ортодокса.

Генрихъ, увидѣвши Пастора, не любившаго гармоническихъ *Джексоновыхъ* тоновъ, пересталъ играть и подошелъ къ нему, въ надеждѣ возобновить свои прозьбы, какъ вдругъ крикъ дѣвицы Франклинъ обратилъ вниманіе ихъ въ другую сторону. Двери въ залу съ шумомъ растворились, и представили глазамъ ихъ распаленное лице Мегеры, бѣшенство коея не давало ей выговорить тѣхъ словъ, кои она произносила задыхающимся отъ гнѣва голосомъ. Г. Франклинъ шелъ за нею, и просилъ ее выслушать его; но она не слушала его, и увидя Генриха съ Ортодоксомъ, поблѣднѣла, и начала упре-

капь Пастора за двуязычничество его съ такою жестокостїю и съ такимъ проворствомъ, что онъ не имѣлъ времени и извиниться; по томъ оборотившись къ Дельмору, взглянула на него грознымъ и вмѣстѣ презрительнымъ видомъ: по этому ты влюбленъ! вскричала она; слѣдовательно примѣченная мною въ тебѣ нечувствительность не есть слѣдствїе молодости и неопытности, но дѣйствїе глупости и неблагодарности. Въ самомъ дѣлѣ ты выбралъ знаменитой случай вонзить кинжалъ въ сердце воспитавшей тебя; ты забылъ, что милости мои возвысили тебя даже до меня, и для чегожь? для того, чтобъ унизить меня. Не ласкайся, чтобъ я забыла такую обиду. Естьли ты еще будешь видѣться съ тѣмъ недостойнымъ предметомъ, которой ты предпочитаешь предо мною, или естьли будешь имѣть малѣйшее сношенїе съ Лавинїею, то я не только тебя сгоню съ глазъ своихъ, но и тѣ самые, кои

будутъ принимать участiе въ судьбѣ твоей, будутъ также участниками въ ненависти моей къ тебѣ.

Волненiе дѣвицы Франклинъ принудило ее броситься въ креслы, на которыхъ съ помощiю вѣера разбила она нѣсколько жаръ, воспламенявшiй лице ея. Нерѣшимость, изображенная во взорахъ брата, смущенный видъ Генриха и Пастора составляли такой контрастъ, на которой не льзя было смотрѣть не смѣявшись.

Наконецъ Ортодоксъ прервалъ молчанiе для оправданiя себя въ такомъ проступкѣ, въ коемъ онъ не былъ виноватъ, и для приведенiя себя у воспитанницы своей въ прежнюю милость. Г. Дельморъ! (сказалъ онъ Генриху, для сокрытiя смущенiя своего перебиравшему музыкальныя тетрати) когда ты получишь согласiе дѣвицы Франклинъ на женидьбу свою на моей дочери, то тогда получишь можетъ быть и мое согласiе; но до сихъ поръ я запрещаю тебѣ ходить въ домъ мой.

въ глазахъ, въ голосѣ и лицѣ дѣвицы Франклинъ появилась почувствованная ею отъ того радость; она начала говорить съ Пасторомъ поласковѣе, и позвала его за собою въ кабинетъ свой, по выходѣ изъ коего бросилъ онъ нѣсколько торжествующихъ взоровъ на Генриха, котораго недоумѣніе симъ скорымъ примиреніемъ еще болѣе увеличилось. Со времени пребыванія своего у великодушнаго своего покровителя имѣлъ онъ къ дѣвицѣ Франклинъ чувствованія сына, и нѣжность его къ ней равнялась съ тою, каковую вдыхаетъ дѣтская любовь. Никогда бы не осмѣлился онъ подозрѣвать ее, что она способна имѣть чувствованіе, противное тому почтенію, которое онъ ощущалъ къ ней. Хотя онъ и извѣстенъ былъ о силѣ нѣкоторыхъ страстей, составляющихъ принадлежность юношества; однакожъ не зналъ тѣхъ, кои въ пожилыхъ лѣтахъ разстроиваютъ здравой разсудокъ; онъ читывалъ, что изъ всѣхъ

сильныхъ страстей любовь есть такая страсть, которая ни мало не прилична умнымъ женщинамъ; почему дѣвица Франклинъ, имѣвшая отъ роду около сорока пяти лѣтъ, не казалась ему предметомъ, способнымъ воспламенить сердце молодаго человѣка. Словомъ сказать, вмѣсто того, чтобъ имѣть тогда къ ней почтенїе, на которое она прежде сего столько имѣла правъ, чувствовалъ онъ къ ней только что отвращенїе и презрѣнїе. Страхъ, чтобъ не нарушить согласїя, существовавшаго между Франклиномъ и сестрою его, и чтобъ не быть невинною причиною ссоръ, кои могутъ изъ того произойти, естьли Франклинъ одобритъ отказъ его отъ руки ея, удвоилъ ненависть его и отвращенїе.

Будучи мучимъ столь многими печальными мыслями, съ досадою вошелъ онъ въ столовую, гдѣ уже ожидали его. Какое же было изумленїе его, увидя, что дѣвица Франклинъ и наперсникъ ея не говорили

уже съ нимъ сердито; мѣсто грозныхъ взоровъ и громкаго голоса, заглушаемаго иногда гнѣвомъ, заступилъ тихой и нѣжной голосъ и страстные взгляды. Сія щастливая перемѣна произошла отъ Пастора, которой, не могши излѣчить глупости ученицы своей, почелъ за лучшее питать заблужденіе ея, подавая ей надежду одержать верьхъ надъ своею соперницею. Раскаяніе дѣвицы Франклинъ, что она не кстати подозрѣвала наперсника своего въ измѣнѣ, и разныя другія побужденія, слѣдствія коихъ послужили въ пользу для Дельмора, были причиною того, что обѣдъ былъ не столько скученъ, какъ Генрихъ ожидалъ. Дѣвица Франклинъ, совершенно занявшись своимъ любовникомъ, не видала того, что братъ ея съ досадою сносилъ слабость ея; но Дельморъ примѣтилъ сіе по лицу, по взорамъ и по печали, которая удручала его; отъ прискорбія, что онъ былъ причиною того, навернулись на глазахъ его слезы,

кои съ трудомъ могъ онъ скрыть: столько-то опечаленъ былъ онъ тѣмъ, что не могъ возстановить спокойствія, царствовавшаго до сихъ поръ въ семействѣ почтеннаго Франклина. Не смотря на явное вниманіе, каковое имѣла къ нему дѣвица Франклинъ во время обѣда, всталъ онъ изъ за стола не ѣвши, и даже не имѣвши участія въ разговорѣ.

ГЛАВА 17.

Приключеніе, въ коемъ нѣтъ ничего сверъхъестественнаго.

Когда Дельморъ съ угнѣтеннымъ печалію сердцемъ вошелъ въ свою комнату, то страхъ о будущемъ, предсказанномъ отъ Ортодокса, охладилъ всѣ его чувства; прошедшее дѣлало страхъ сей безпокойнѣйшимъ, а настоящее его положеніе еще болѣе увеличивало боязнь его. Съ одной стороны видѣлъ онъ Лавинію въ такомъ состояніи, что не можно

ему было отречься отъ женидьбы на ней, и то убожество, коимъ оба они были угрожаемы; съ другой же стороны чувствовалъ онъ непреодолимое нехотѣніе соединиться съ нею, не могши понять причины сего отвращенія. Безпокоимъ будучи досадительными мыслями, происходившими отъ собственнаго его положенія, бросился онъ на софу, и предался живѣйшей печали.

Матвѣй Гудсонъ, коего привязанность къ Генриху согласовалась съ намѣреніями его матери, примѣтивши во взорахъ своего барина удручавшее его безпокойство, вошелъ за нимъ въ комнату; увидѣвши же проливаемыя имъ слезы, столько былъ тѣмъ тронутъ, что непремѣнно хотѣлъ узнать о причинѣ оныхъ. Генрихъ, пристыженъ будучи тѣмъ, что слуга его засталъ въ такомъ состояніи, которое могъ бы онъ приписать недостатку въ мужествѣ, худо отпотчивалъ Матвѣя за принятое имъ стараніе утѣшить его, и

къ большему его нещастїю имя Лавинїино соскочило у него съ языка въ такихъ выраженїяхъ, кои не согласовались съ тѣмъ мнѣнїемъ, какое имѣлъ Генрихъ о ея невинности, и кои стоили ему нѣсколькихъ пинковъ, за кои добродушной Матвѣй не инымъ чѣмъ отмстилъ, какъ только смѣшавши слезы свои съ тѣми слезами, кои видѣлъ онъ проливающаго Дельмора.

Пришедши въ ярость, почитая честь любовницы своей мараемою нескромнымъ любопытствомъ поселянъ, доволенъ онъ былъ такимъ дѣйствїемъ, отъ коего въ другое время почувствовалъ бы стыдъ. Сей грубой крестьянинъ, вскричалъ Генрихъ, безъ сомнѣнїя присматривалъ за моими поступками, и видѣлъ меня ходившаго ночью къ той, которая столько пожертвовала для моей страсти. . . Ахъ! пожертвуемъ же ей въ свою очередь спокойствїемъ и жизнїю! Могу ли я довольно вознаградить женщину, подвергнувшуюся для меня

презрѣнію своего и моего пола? Я побѣгу къ ногамъ ея и поклянусь ей въ вѣчномъ постоянствѣ; неважны для меня тѣ нещастія, коимъ я себя подвергну; ничто не воспрепятствуетъ мнѣ загладить обиду, причиненную ей глупою моею страстію.

Одушевленъ будучи тѣмъ жаромъ, коимъ душа его была тогда воспламенена, побѣжалъ онъ въ Пасторовъ домъ, гдѣ сказали ему, что Гжа. Ортодоксъ съ дочерьми своими пошла въ село; почему онъ, желая принести любовницѣ своей пріятную вѣсть, что они скоро будутъ соединены, пошелъ туда же, не сомнѣваясь, чтобъ онъ не нашелъ ихъ у Викарія, куда зналъ онъ, что ожидали Гжу. Ортодоксъ; но во время перехода его чрезъ кладбище подошелъ къ нему Капитанъ Маршъ, котораго видалъ она иногда съ Анною Ортодоксъ. Хотя Генрихъ не неизвѣстенъ былъ о недостаткахъ и самыхъ порокахъ, коими Капитанъ помрачилъ доброе свое имя; однакожъ

не могъ онъ не быть учтивъ въ разсужденіи его, для того что онъ былъ братъ Гжи. Кадоганъ, къ которой онъ имѣлъ искреннѣйшее дружество.

Генрихъ зналъ также, что Капитанъ долгое время бѣгалъ отъ сестры, коея имѣніе онъ промоталъ, и что онъ никогда бы не захотѣлъ видѣться съ нею, естьлибъ Г. Франклинъ благодѣтельною своею рукою не избавилъ честнаго Викарія и достойную жену его отъ бѣдности. Какъ скоро щастіе прогнало нужду, то Гжа. Кадоганъ опять нашла брата, коего гордость до сего времени отгоняла его отъ ея дому. Двое супруговъ не приписывали посѣщеній Маршевыхъ братней любви, хотя доброе ихъ сердце довольно было наружностію дружества; ибо они находили въ семъ чувствованіи удовольствіе, неизвѣстное нечувствительнымъ душамъ. Гжа. Кадоганъ представила его Дельмору, которой изъ уваженія къ ней изъявилъ Маршу нѣкоторое желаніе подружиться съ нимъ.

Капитанъ, увидя Дельмора, подошелъ къ нему съ запинкою; но тотчасъ принявши смѣлой видъ, просилъ его удѣлить минутъ пять-шесть на такое дѣло, говорилъ онъ ему, отъ коего зависитъ его щастїе. Шесть минутъ составляли столько же вѣковъ для молодаго человѣка, летѣвшаго по слѣдамъ за тою, къ которой влекла его честь и нѣсколько любви. Однакожъ онъ не зналъ еще, что можно было предпочесть собственное свое удовольствїе предъ удовольствїемъ другаго, и просилъ его изъясниться. Капитанъ послѣ продолжительнаго предисловїя сказалъ ему, что естьли онъ можетъ ссудить его на одинъ мѣсяцъ пятью-десятью фунтами стерлинговъ, то онъ составитъ сими деньгами такое для себя щастїе, которое доставитъ ему способъ отдать сестрѣ своей тѣ деньги, коихъ лишили ее издержки его. Онъ присовокупилъ еще многїя другїя причины, но относившихся до Гжи. Кадоганъ уже

слишкомъ довольно было понудить Дельмора дать ему просимыя имъ деньги. Генрихъ вспомнилъ тогда о банковыхъ билетахъ, ввѣренныхъ ему Г. Франклиномъ для раздачи оныхъ тѣмъ бѣднымъ людямъ, кои имѣли право на его благодѣянія. Мнѣ легко, думалъ онъ, дать ему сію сумму, въ коей онъ имѣетъ нужду; но потомъ размышлялъ: естьли же онъ расточитъ ее на безполезныя вещи, то я употреблю во зло довѣренность честнаго человѣка, опредѣлившаго деньги сіи на благороднѣйшее употребленіе, нежели каково есть ободреніе порока. Съ другой же стороны естьли я откажу . . . Однимъ словомъ, когда добросердечіе одерживаетъ верьхъ надъ умомъ, тогда разсудокъ не трудится надъ разсматриванїемъ причинъ отказа, или обязанности оказать услугу. Капитанъ не имѣлъ нужды опять начинать рѣчь свою; ибо Дельморъ далъ ему банковой билетъ, которой на минуту произвелъ въ Генрихѣ страхъ,

что онъ не соотвѣтствовалъ намѣреніямъ Франклиновымъ. Съ одной стороны за принятіемъ билета послѣдовала благодарность и обѣщанія быть исправну въ выполненіи честнаго слова, чтобъ возвратить деньги въ назначенной срокъ; а съ другой великія учтивости и доказательства того удовольствія, какое ощущаемо было въ возможности быть полезну брату почтенной женщины. Послѣ сего они разстались: Капитанъ смѣялся внутренно надъ простотою Франклина, полагавшагося по мнѣнію его на молодаго вертопраха, и досадовалъ, что не выканючилъ у него побольше; а Генрихъ проклиналъ развращеніе нравовъ, принуждавшее военнаго человѣка давать свое слово въ учиненіи отдачи, отъ коей не могъ онъ отказаться, не нанесши себѣ безчестія.

Минуты, употребленныя на выслушаніе Капитана, вознаграждены были поспѣшностію Генриховою притти къ Кадогану, у коего нашелъ

онъ Лавинїю съ матерью ея и сестрою. Рѣшившись взять ее за себя, не скрывалъ уже онъ привязанности своей къ ней, и увѣдомилъ ее о препонахъ, противопоставляемыхъ соединенїю ихъ; говорилъ о дѣвицѣ Франклинъ, не открывая однакожъ намѣренїя ея выйти за него, ибо онъ щадилъ слабость ея изъ уваженїя къ брату ея.

Лавинїя казалась недовольною, что дѣвица Франклинъ вмѣшивалась въ дѣла ея, и начала подшучивать надъ лѣтами и прелестями ученой питомицы отца своего. Единственная причина, заставляющая ее почитать бракъ сей невыгоднымъ для васъ, примолвила она, есть досада ея, что она стара . . .

Естьлибъ я была на мѣстѣ сестры моей, возразила Анна Ортодоксъ, то я ушла бы съ своимъ любовникомъ. — Ушла бы! вскричала Гжа. Кадоганъ: вотъ прекрасныя правила для дѣвицы вашихъ лѣтъ! — Да чтожъ вы тутъ находите худова? —

Боже мой! возможно ли, чтобъ спрашивала меня объ этомъ дѣвица Ортодоксъ? Лавинія, не оказывая вниманія къ тому, что говорила жена Викаріева, одобрила совѣтъ сестры своей; Гжа. Ортодоксъ была ея же мнѣнія: лишь бы только, говорила она, не впутали ее въ сіе похищеніе. Викарій изъявилъ негодованіе, а Лавинія повторяла, что она не находитъ въ томъ никакого неудобства; по томъ оборотясь къ Дельмору, вскричала: я готова слѣдовать за любезнымъ моимъ Генрихомъ въ Шотландію. — Сердце мое чувствуетъ цѣну сей довѣренности, отвѣчалъ онъ ей, пожимая у ней съ нѣжностію руку; но вы никогда не будете имѣть нужды учинить поступокъ, столь противной достоинству вашего пола. Намъ покровительствуетъ великодушной Франклинъ; онъ постарается о нашемъ щастіи. Время смягчитъ можетъ быть родителя вашего и дѣвицу Франклинъ въ нашу пользу; естьли

же они продолжать будутъ гнать насъ, и Г. Франклинъ не сдѣлаетъ для меня того, чего ему хотѣлось отъ меня прежде женидьбы моей, и что должно было служить къ приращенію моего щастія: то я еще молодъ, и собственнымъ моимъ раченіемъ найду, чѣмъ прокормить любезную мою Лавинію.

Какія же ваши мысли? спросила она его поблѣднѣвши; не уже ли вы имѣете намѣреніе оставить меня, прежде нежели мы обвѣнчаемся? — Въ семъ состоитъ намѣреніе Г. Франклина; онъ непремѣнно хочетъ того, чтобъ я прежде соединенія моего съ вами достигъ совершеннаго возраста; снизхожденіе, оказываемое имъ къ *неблагоразумнымъ поступкамъ нашей молодости*, требуетъ, чтобъ мы уважили его волю. Лавинія краснѣла, блѣднѣла, наблюдала молчаніе, по томъ вдругъ вскричала: я пропала! а послѣ начала плакать, всхлипывать, и повторяла, что она непремѣнно хочетъ, чтобъ онъ тот-

часъ обвѣнчался съ нею. Сія сцена была новая и оскорбительная для цѣломудренной Викаріевой жены, не понимавшей того, чтобъ особа ея пола осмѣлилась принуждать мущину дать ей свою руку. Она взглянула на мужа своего безпокойнымъ видомъ, и оба показывали своими глазами, что въ поспѣшности Лавиніиной есть какая нибудь тайна, которую они боялись проникнуть.

Умѣренность Генрихова увеличила смущеніе Лавиніино; вмѣсто прозьбъ послѣдовали упреки, но онъ возражалъ на оныя, повторяя, что онъ не ослушается своего покровителя. Бѣшенство и отчаяніе Лавиніино были тогда столь чрезмѣрны, что она упала безъ чувствъ. Почему употреблены были всѣ средства привесть ее въ память; но какъ не можно было получить въ томъ успѣха, то перерѣзали ея шнуровку, и къ великому изумленію зрителей оказалось, что бѣдная Лавинія давно уже беременна, которую тайну

столько старалась она сокрыть отъ нихъ.

Гжа. Ортодоксъ и жена Викаріева изпустили одинаковой крикъ: одна отъ стыда, а другая отъ жалости. Бездѣльникъ! ты обезчестилъ дочь мою, вскричала мать, бросивши на Дельмора яростной взоръ. Молнія не произвела бы скорѣйшаго дѣйствія надъ изумленными Генриховыми чувствами; совѣсть упрекала его въ непозволенномъ сообщеніи, каковое онъ имѣлъ съ Лавиніею; но она никогда не говорила ему о тѣхъ досадныхъ слѣдствіяхъ, доказательства коихъ имѣлъ онъ тогда предъ глазами.

Приведенъ будучи въ замѣшательство упреками матери, положеніемъ дочери и пронзительными взорами Викарія, остался онъ недвижимъ до тѣхъ поръ, какъ нещастная Лавинія открыла наконецъ глаза свои. Какъ состояніе ея не было уже тайною, то она призналась въ проступкѣ своемъ и также въ томъ,

что страхъ быть посрамленною былъ причиною того отчаянія, въ каковое вергла ее положенная отсрочка свадьбы ея.

Такое признаніе, учиненное осьмнатцатилѣтнею дѣвицею, не столько было бы оскорбительно, естьлибъ оно сопровождаемо было стыдомъ и раскаяніемъ. Но въ семъ случаѣ Лавинія доказала, что она была превыше того, что называютъ благопристойностію въ ея полѣ, и Дельморъ въ первой разъ почувствовалъ, что та, съ коею неблагоразуміе его обязывало соединиться на всю жизнь, не имѣла уже для него прелестей: сіе-то самое сдѣлало его на минуту нечувствительнымъ къ прозьбамъ Гжи. Ортодоксъ, старшей ея дочери и самой Лавиніи, представлявшихъ ему необходимость соблюсти доброе имя будущей своей супруги. Честь болѣе ходатайствовала въ ихъ пользу. Онъ, зная праводушіе Г. Франклина, просилъ Г. Кадогана уговорить его дать имъ свое

согласїе, и позволилъ ему даже увѣдомить его о ихъ проступкѣ, естьли онъ упорно стоять будетъ въ своемъ отказѣ.

Честной Викарїй, хотя и съ прискорбїемъ, склонился однакожъ на все то, чего ни требовалъ Дельморъ; но взаимно просилъ его пойти съ нимъ вмѣстѣ въ замокъ: Лавинїя воспротивилась тому, и говорила, что естьли не хотятъ видѣть ее въ другомъ обморокѣ, то надобно оставить ее съ любовникомъ ея. Генрихъ уговорилъ Кадогана, чтобъ онъ одинъ сходилъ къ Г. Франклину, а самъ проводилъ Лавинїю въ домъ ея, откуда вышелъ онъ весьма уже поздно, давши вѣрное слово увидѣться съ нею на другой день поутру.

ГЛАВА 18.

Другое естественное приключенїе.

Въ то время, какъ Дельморъ входилъ въ замокъ, увидѣлъ онъ почтовую коляску, запряженную въ четыре лошади и остановившуюся у крыльца. Любопытствуя узнать, кому она принадлежала, спросилъ онъ о томъ у ямщика: я привезъ къ Г. Франклину двухъ госпожъ и одну служанку, отвѣчалъ ямщикъ на вопросъ его.

Не стараясь развѣдать о семъ обстоятельнѣе, вошелъ онъ въ свою комнату и позвонилъ въ колокольчикъ.

Матвѣй явился, держа растворенную дверь во ожиданїи приказанїй своего барина. Приходилъ ли сюда Г. Кадоганъ? спросилъ у него Генрихъ. — Приходилъ, сударь. — Довольно этого: участь моя рѣшена, сказалъ онъ самъ въ себѣ вздохнувши. — Давно ли онъ ушелъ отсюда?

Матвѣй не забылъ еще учиненнаго ему послѣобѣденнаго прїему: не зная объ этомъ, отвѣчалъ онъ ему: не могу вамъ этого сказать. — Что за гости въ залѣ? — Я объ этомъ ничего не знаю, сударь; но по безпорядицѣ, какая теперь происходитъ въ домѣ, заключаю я, что это женщины; быть между ими все равно, что быть на ярмонкѣ. Извольте итти ужинать.

Генрихъ вошелъ въ столовую, гдѣ увидѣлъ онъ новые предметы, заставившїе его забыть печаль свою. Не смотря на перемѣну, произшедшую чрезъ три года отсутствїя въ чертахъ и видѣ одной изъ женщинъ, онъ тотчасъ узналъ дѣвицу Элтонъ, старинную свою прїятельницу. Она не была уже маленькая Клара въ кисейной косынечкѣ, столь же бѣлой, какъ и шея, на которой лежали волосы, небрежно завитые, но прїятная и достойная любви подруга въ его младенчествѣ, станъ коея уподоблялся стану Нимфы, а красота

богинѣ любви. Какъ скоро взглянулъ онъ на нее, то и бросился къ ногамъ ея, оросилъ руки ея радостными слезами, и изъявлялъ несвязными словами радость свою, увидя ее въ Этерѣ. Все то, что она вдохнула въ него нѣжнаго въ такія лѣта, когда не умѣлъ еще онъ цѣнить ея прелестей, представилось въ его памяти, и произвело въ немъ разнообразныя впечатлѣнія, неизвѣстныя до сего времени; прошедшее вдругъ предстало ему предъ глаза, и онъ ничего уже болѣе не видѣлъ во всемъ свѣтѣ, кромѣ Клары-Элтонъ и Генриха-Дельмора.

Ты не видишь, Генрихъ, сказалъ ему Франклинъ важнымъ тономъ, что здѣсь есть еще другая пріѣзжая дама. — Ахъ, сударь! можете ли вы тому удивляться? отвѣчалъ онъ ему, устремивши глаза на Клару; душа моя, неспособна будучи воздержать движущихъ ее восторговъ, привела мнѣ на память ту минуту, въ которую любезная моя

пріятельница взаимно поклонилась мнѣ, когда я осмѣлился поклониться ей въ тотъ день, въ которой вы были вмѣстѣ у окна въ домѣ Пуфардовомъ. Ахъ, Клара! сіи небесные взоры, сіе тихое блистаніе глазъ твоихъ все еще одинаковы; я вижу еще на нихъ ту жалостную слезу, которую ты готова была пролить о нещастной моей участи; я вижу въ тебѣ источникъ всѣхъ милостей, полученныхъ мною отъ благодѣтеля моего; я чувствую отчаянное свое положеніе. Такъ, достойной мой покровитель, я припомнилъ себѣ ту ужасную минуту, когда я, будучи безъ друзей, безъ помощи, безъ надежды, уныло шелъ по дорогѣ изъ Исшшина въ Лондонъ. Ахъ, сударь! я не могу вздумать о томъ, не благословивши руки, извлекшей меня изъ пропасти . . . По томъ онъ опять бросился къ ногамъ Клариным съ угнѣтеннымъ печалію сердцемъ, плакалъ, вздыхалъ, и Клара смѣшала слезы свои сь слезами нещастнаго Генриха.

Ахъ, Клара! ты всегда пребываешь Ангеломъ: *тебѣ*, *тебѣ одной*! вскричалъ онъ . . . и вдругъ замолчалъ.

Полно, полно, сказала дѣвица Элтонъ улыбаясь, имѣя глаза еще омоченные слезами; я не ожидала, чтобъ во стѣ пятидесяти миляхъ отъ Лондона насказали мнѣ столько плѣняющихъ словъ, и чтобъ вы по столь долгомъ отсутствіи узнали меня. Любезной Генрихъ! продолжала она, обнявши его съ цѣломудреннымъ видомъ: вы ужасно перемѣнились; я думаю . . . да, я увѣрена, что я также узнала бы васъ. Я хочу представить васъ пріятельницѣ моей; безъ сомнѣнія не забыли вы дѣвицы Напперъ; я смѣю увѣрить васъ, что красота Жемимина есть малѣйшее ея совершенство; я часто говорила съ нею о васъ. — Послѣ сего Генрихъ и Жемима сдѣлали другъ другу нѣсколько взаимныхъ привѣтствій; но черты Жемимины не столько были памятны Генриху, какъ черты любезной его Клары.

Дѣвица Франклинъ безъ ревности взирала на вниманіе Дельморово къ дѣвицѣ Элтонъ, ибо она почитала его влюбленнымъ въ Лавинію. Франклинъ веселился удовольствіемъ ихъ, и внутренно любовался тѣмъ пріятнымъ изумленіемъ, которое онъ доставилъ сестрѣ своей и Генриху, утаивши отъ нихъ пріѣздъ дѣвицы Элтонъ. Онъ уговорилъ ее пріѣхать въ Этеръ въ послѣднюю бытность свою въ Истшинѣ, и безъ сомнѣнія имѣлъ тогда какія нибудь намѣренія, коихъ не сообщилъ онъ никому. Вечеръ протекъ въ усладительномъ упоеніи душъ, соединенныхъ одинаковыми чувствами; удовольственная улыбка изображена была на всѣхъ лицахъ, изключая Г. Ортодокса, которой помышлялъ только о чувственныхъ удовольствіяхъ; однакожъ раздѣлялъ онъ веселость сего маленькаго общества, прихлебывая вино Г. Франклина, и упражнялся въ томъ отъ столь добраго сердца, что съ трудомъ уже въ полночь добрался до своего дому.

Неизвѣстно мнѣ, какимъ образомъ другіе проводили ночь, а знаю только, что Дельморъ, весьма занятъ будучи тою радостію, что увидѣлся съ дѣвицею Элтонъ, думалъ только о ней, и совершенно забылъ и Лавинію-Ортодоксъ, и дѣвицу Франклинъ, и Викаріеву коммисію; сердце его преисполнено было обольстительнымъ воображеніемъ предмета, достойнѣйшаго занимать его мысли.

Не могши вкушать пріятностей сна, всталъ онъ ранѣе всѣхъ, и во ожиданіи завтрака ходилъ по парку. Никогда дневное свѣтило не казалось ему столь блистательно; отъ лучей его ожидалъ онъ неизъяснимой радости, опять увидѣться съ Кларою-Элтонъ. Никогда Матвѣй не былъ столько тревожимъ докуками его придать волосамъ его всѣ пріятности небрежной уборки. Матвѣй спалъ еще, а баринъ его непремѣнно хотѣлъ говорить съ нимъ. На всѣ вопросы, дѣлаемые ему Генрихомъ, отвѣт-

ствовалъ онъ качанїемъ головы и позѣвотою. Сїе дѣлалъ онъ не изъ отмщенїя; онъ зналъ, что онъ худо былъ отпотчиванъ за принятую имъ смѣлость критиковать его любовницу; но *богъ сна* связывалъ тогда языкъ бѣднаго Матвѣя.

Я увѣдомила уже Читателя моего, что Матвѣй Гудсонъ былъ сынъ содержательницы трактира подъ знакомъ *Козьей головы*. Всякому извѣстно, что гостинница, отстоящая отъ столицы во стѣ пятидесяти миляхъ, есть первой домъ въ селѣ, и что она служитъ сходбищемъ скромнымъ людямъ и злословамъ; тамъ-то празднуются свадьбы, и послѣ похоронъ сродники и друзья отираютъ слезы свои, пролитыя по покойникѣ; тамъ-то рѣшатъ еще частныя ссоры и сраженїя между непрїятельскими державами, и начинаютъ дѣлопроизводства; словомъ сказать, въ семъ-то важномъ мѣстѣ находится источникъ всякихъ вѣстей и гробъ благоразумїя. Хозяева

сего всеобщаго магазина должны быть важныя особы, ежели хотя мало имѣютъ они натуральнаго разсудка.

Довольно извѣстны тѣ выгоды, кои получала отъ того Гжа. Гудсонъ; посмотримъ же теперь на тѣ, кои происходили изъ того для супруга ея, которой отличался въ домѣ краснымъ своимъ фланелевымъ колпакомъ, синимъ запономъ и долгою курительною трубкою, которую держалъ онъ безпрестанно во рту для вознагражденія молчаливости своей, когда онъ былъ трезвъ, и которую онъ менѣе курилъ, когда питье разрѣшало языкъ его. Будучи врагъ женщинъ, говорилъ онъ объ нихъ иногда съ опасною вольностію, и во всякое время оказывалъ имъ оскорбительное презрѣніе. Сынъ его и наперсникъ Матвѣй напоенъ былъ такими же правилами; онъ взиралъ на всѣхъ женщинъ какъ на орудія, служащія для пагубы своего пола; но хотя онъ и мыслилъ такимъ образомъ самъ въ себѣ, однакожъ не

отважился бы вмѣшаться въ дѣла своего барина, естьлибъ другія сильнѣйшія побужденія не понудили его къ тому: онѣ были тѣ же самыя, о коихъ Генрихъ узналъ самъ собою у Викарія, и о коихъ Матвѣй имѣлъ намѣреніе увѣдомить его по привязанности своей къ его выгодамъ.

Ну, Матвѣй! сказалъ ему Дельморъ, ты, которой любишь пригожихъ женщинъ, что думаешь ты о Лондонскихъ госпожахъ? — Пониже что ли поставить вамъ пукли? спросилъ у него Матвѣй сердитымъ тономъ. — Да хороши ли онѣ теперь? — У всякаго свой вкусъ, отвѣчалъ ему Матвѣй, прикалывая шпилькою пуклю, которую онъ двадцать разъ завертывалъ разными манерами.

Видалъ ли ты когда нибудь женщину, подобную дѣвицѣ Элтонъ? — Видалъ, сударь. — Гдѣ? — Въ Пасторовомъ домѣ. — Какое множество мучительныхъ мыслей возбудилъ отвѣтъ сей! Генрихъ вдругъ увидѣлъ

себя низверженнаго съ самаго верьху удовольствій въ бездну печалей; прелестной образъ Клариинъ мелькнулъ какъ тѣнь предъ глазами его, чтобъ дать мѣсто образу Лавиніину. Послѣ нѣкотораго молчанія и нѣсколькихъ вздоховъ возразилъ онъ: не уже ли ты думаешь, что есть малѣйшее сходство между сими госпожами и дѣвицами Ортодоксъ? — Я объ этомъ ничего не знаю, сударь; . . . я лучше скажу, что моя мать красавица, нежели чтобъ быть опять вытолкану пинками въ задъ. — Баринъ и слуга замолчали.

Матвѣю наскучило быть сердитымъ; почему, ободренъ будучи вопросами своего барина, принялъ веселой видъ и продолжалъ разговоръ. Естьли надобно говорить свободно, сказалъ Матвѣй, то эта дѣвица Элтонъ не кажется мнѣ столько злою, какъ другія женщины. Смѣю сказать, что она столь же знающа, какъ и старая наша барышня; она около часа проговорила, не знаю

о чемъ, съ пріѣхавшею съ нею подругою. Я объ закладъ бьюсь, что онѣ занимались, какъбы сдѣлать какую нибудь пакость. Хотя дѣвица Элтонъ имѣетъ и весьма тихой видъ, но она вить женщина. . . Матвѣй далъ волю предубѣжденію своему противъ женскаго пола, хотя баринъ и не слушалъ его; тогда занимали его другія мысли. — Не видалъ ли ты, не пришелъ ли сюда Г. Кадоганъ? — Онъ теперь въ библіотекѣ у Г. Франклина; (Генрихъ покраснѣлъ) духовные люди и женщины всегда вмѣшиваются въ чужія дѣла; первые хороши только что въ церкви, а другія. . . . Не сомнѣвайтесь, сударь, чтобъ этотъ Викарій не занимался чѣмъ нибудь такимъ, изъ чего не выдетъ ничего добраго. . . Посмотрите, сударь, посмотрите, вонъ Лондонскія госпожи прогуливаются внизу; эта дѣвица Элтонъ такъ пряма, какъ стрѣла. Гертруда сказывала мнѣ, что всѣ городскія женщины носятъ

парики. У дѣвицы Франклинъ есть новой парикъ гораздо больше, нежели у Егора, нашего кучера. Мнѣ весьма хочется узнать, уже ли прекрасные волосы дѣвицы Элтонъ ея собственные. Дельморъ устремилъ глаза свои на то мѣсто, гдѣ онъ видѣлъ Клару. Виватъ Лавинія! вскричалъ Матвѣй; но по щастію его произнесъ онъ сіе имя при выходѣ изъ комнаты.

Видѣть дѣвицу Элтонъ въ то время, когда Кадоганъ ходатайствовалъ о его дѣлѣ у Франклина, было для Генриха такое обстоятельство, которое наполняло сердце его жесточайшими страданіями, нежели всѣ претерпѣнныя имъ огорченія. Хотя она и прогуливалась еще подъ окнами Генриховыхъ покоевъ, однакожъ онъ не смѣлъ выйти къ ней, опасаясь, чтобь не позвалъ его къ себѣ Франклинъ. При каждой отворяемой двери и при каждомъ ударѣ въ колокольчикъ онъ краснѣлъ, дрожалъ и едва не упадалъ въ обморокъ.

Проведши около часа въ непрестанномъ безпокойствѣ, увидѣлъ онъ наконецъ вышедшаго Кадогана и возвращавшагося въ село, и звонокъ къ завтраку далъ ему перевести дыханіе.

Съ боязливымъ и безпокойнымъ видомъ вошелъ онъ въ залу, куда дамы пришли уже прежде его. Съ трудомъ осмѣлился онъ взглянуть на благодѣтеля своего, во взорахъ коего страшился онъ увидѣть осужденіе свое. Такое же принужденіе оказывалъ онъ и передъ Кларою, коея пронзительныхъ глазъ старался онъ убѣгать. Когда кончился завтракъ, то сказалъ онъ самъ въ себѣ вздохнувши: вотъ уже приближилась роковая минута! Но онъ обманулся: вмѣсто того, чтобъ пригласить его съ собою, такъ какъ обыкновенно бывало между Франклиномъ и имъ, покровитель его оставилъ его съ дамами и вышелъ одинъ съ довольнымъ видомъ. Дѣвица Франклинъ и Пасторъ Ортодоксъ пошли вмѣстѣ къ ученымъ своимъ дѣламъ, а Дель-

моръ, Клара и Жемима начали забавляться музыкою и остались въ залѣ.

Съ какою скоростїю пролетали часы, посвященные на забаву! Уже было три часа, а никто изъ гостей не думалъ еще одѣваться. Обѣдали въ четыре часа, почему и не надобно было терять времени. Клара взяла Жемиму подъ руку и побѣжала одѣваться. Дельморъ пошелъ въ свою комнату. За обѣдомъ Г. Франклинъ оказывалъ опыты дружества своего къ Дельмору и Кларѣ, кои заставили одного блѣднѣть, а у другой полныя щоки покрыли живѣйшимъ румянцемъ. Добродушной старикъ давно уже не казался столько довольнымъ; онъ называлъ Генриха и Клару любезными своими дѣтьми, и живѣйшимъ образомъ изьявилъ имъ любовь свою. Но чѣмъ болѣе казался онъ довольнымъ, тѣмъ болѣе увеличивалъ страхи Дельморовы. По выходѣ изъ за стола сердце его почувствовало усугубленїе без-

покойствѣ, по причинѣ ожидаемаго имъ обьясненія; онъ былъ еще въ нерѣшимости. Франклинъ не ложился спать, хотя и имѣлъ привычку спать послѣ обѣда, но убѣгалъ разговоровъ съ нимъ. Ужасная неизвѣстность! вскричалъ Генрихъ, подошедши къ окну Пойдемъ къ Кадогану, и проведемъ нѣсколько времени у Лавиніи. Въ сіе-то время вспомнилъ онъ о обѣщаніи своемъ видѣться съ нею поутру.

Какое было его изумленіе, когда узналъ онъ у Ортодокса, что Франклинъ видѣлся съ Лавиніею, и что она невидима была для него! Онъ продолжалъ свою дорогу и зашелъ къ Викарію, но не засталъ его дома. Гжа. Кадоганъ разговаривала съ нимъ о постороннихъ дѣлахъ, но онъ не смѣлъ спросить ее о тѣхъ, кои привели его къ ней. Какъ онъ принужденъ былъ возвратиться въ замокъ въ такомъ же состояніи, въ какомъ вышелъ изъ онаго, то положеніе его сдѣлалось ужасно; но за

онымъ послѣдовало другое, заставившее его забыть печали свои. Щастїе доставило ему удовольствїе пить съ Кларою чай, вести ее подъ руку на прогулку въ паркъ, сидѣть подлѣ нее за столомъ, проводить даже до дверей комнаты ея, и поцѣловать алую щоку Кларину, такъ что она не осердилась за то.

Вошедши въ свою комнату съ трепещущимъ отъ радости сердцемъ, нашелъ онъ тамъ слѣдующее письмецо:

„Не смотря на мое снисхож„денїе, верпопрашества твои недо„стойны никакого извиненїя; одна„кожъ изъ уваженїя къ тебѣ приму „я всевозможныя предосторожности „для сокрытїя нещастнаго Лавинїи„на положенїя. Я не одобряю же„нидьбы твоей на ней, и естьли „послѣ сего ты женишься на ней, „то ты столько тѣмъ мнѣ доса„дишь, что я никогда тебя не „прощу. Положись на меня въ раз„сужденїи всѣхъ тѣхъ старанїй, ко-

„ихъ требуетъ положенїе Лави-
„нїино. Я повторяю тебѣ, что еже-
„ли ты вознамѣришься взять ее
„за себя послѣ годичнаго пребыванїя
„своего въ Лондонѣ, или естьли она
„будетъ опять просить тебя о
„исполненiи твоихъ обѣщанїй, то я
„не буду противиться сему союзу.

„Ты не можешь сомнѣваться въ
„желанїи моемъ сдѣлать тебя ща-
„стливымъ, и въ готовности моей
„быть полезнымъ Лавинїи; но я объ-
„являю тебѣ, что не позволено бу-
„детъ тебѣ видѣться съ нею, и ты
„не долженъ о томъ безпокоиться;
„она совершенно щастлива подъ мо-
„имъ покровительствомъ. Со време-
„немъ узнаешь ты тѣ причины, кои
„принуждаютъ меня поступать та-
„кимъ образомъ; ты знаешь, что я
„ненавижу таинственности; но въ
„семъ случаѣ не возможно мнѣ иначе
„поступать.

„Я не буду говорить съ сестрою
„своею о намѣренїяхъ моихъ въ раз-

„суждении тебя. Ты возвратишься „въ Оксфордъ, а оттуда пріѣдешь „въ Лондонъ. Мы поговоримъ объ „этомъ вмѣстѣ. Я никогда не буду „убѣгать разговоровъ съ тобою, какъ „развѣ тогда, когда зайдетъ рѣчь „о такой матеріи, которая не нра- „вится мнѣ; или о такомъ дѣлѣ, „котораго я не могу похвалить.„

Веніаминъ Франклинъ.

Боже мой! вскричалъ Генрихъ, какую тайну заключаетъ въ себѣ письмо сіе? Для чего хотятъ, чтобъ я отсрочилъ ненарушимыя свои обязательства, и запрещаютъ мнѣ видѣться съ Лавиніею въ важнѣйшее для человѣчества время? Но великодушной и благородной Франклинъ обѣщаетъ мнѣ имѣть стараніе о нещастной Лавиніи, которая въ тысячу разъ щастливѣе злополучнаго Генриха. Что изъ того ни выдетъ, но я не нарушу даннаго ей мною слова . . . Нѣтъ, нѣтъ, Лавинія! ты никогда не будешь жертвою довѣ-

ренности твоей къ тому, которой обезчестилъ тебя. — Дельморъ опять лишился сна; но сія ночь не столь пріятно препровождена, какъ предъидущая.

Не смотря на тоску, лишившую его покоя, другое утро, проведенное съ Кларою, изгладило Лавинію изъ его памяти; ему показалось даже, по мнѣнію благодѣтеля своего, что онъ былъ слишкомъ молодъ для женидьбы на *дѣвицѣ Ортодоксѣ*. Правда, онъ наученъ былъ не опечаливаться такими приключеніями, коихъ не можно предвидѣть, и коимъ и величайшія сѣтованія не приносятъ никакой помощи.

Пасторъ Ортодоксъ за обѣдомъ увѣдомилъ присутствующихъ, что дочь его Лавинія уѣхала поутру къ теткѣ, живущей въ Дербиширѣ; она больна и богата, примолвилъ онъ; желаніе ея увидѣться съ своею племянницею принудило ее призвать къ себѣ, что и воспрепятствовало Лавиніи засвидѣтельствовать симъ

дамамъ свое почтенiе, но Анна скоро будетъ имѣть честь препоручить себя въ любовь ихъ.

Дельморъ сдѣлался недвижимъ и поблѣднѣлъ; Клара то примѣтила, и Дельморъ покраснѣлъ, а по томъ устремилъ глаза свои на Франклина, во всѣхъ чертахъ коего блистало спокойствiе, и тогда не сомнѣвался уже болѣе, чтобъ путешествiе сiе устроено было не для избѣжанiя стыда, имѣющаго произойти отъ обнаруженiя беременности Лавинiиной. Онъ осмѣлился взглянуть и на дѣвицу Франклинъ и примѣтилъ, что отъѣздъ соперницы ея причинялъ ей чувствительную радость.

Вы весьма добродушны, отвѣчала Клара почтенному Пастору; я охотно приму дѣвицу Ортодоксъ, естьли опекунъ мой почтетъ то за благо.

О! вскричала Жемима, третiй всегда бываетъ прiятенъ между нами молодыми дѣвушками. Пойдемъ

сами искать его. Не слишкомъ спѣшите, отвѣчалъ ей Франклинъ съ досадою; Пасторъ можетъ выбрать способное время привести къ намъ дочерей своихъ. Чтожъ касается до третьяго, котораго вы считаете нужнымъ для вашей компанїи, то не имѣете ли вы его въ Генрихѣ? Разность пола всегда способнѣе бываетъ прервать разговоры молодыхъ дѣвушекъ, находящихся наединѣ.

Тонъ и важность, каковыми Франклинъ сопровождалъ отказъ сей, тѣмъ болѣе удивили Клару, что онъ всегда оказывалъ ей безпредѣльное и даже порицанїя достойное снизхожденїе; но онъ почиталъ тогда связь между Кларою и дѣвицею Ортодоксъ за величайшее неблагоразумїе, въ каковое онъ только могъ позволить ей вдаться. Генрихъ угадалъ мысль Франклинову, и оба посмотрѣли другъ на друга довольнымъ видомъ.

ГЛАВА 19.

Генрихъ смертельно боленъ.

Въ теченіе трехъ дней Генрихъ былъ на той ногѣ, чтобь жениться, и сдѣлался жестоко влюбленнымъ, но не въ Лавинію, она была уже забыта, а въ Клару, которую любилъ онъ тогда страстно. Безмѣрная зубная боль препятствовала Гжѣ. Ортодоксъ ходить съ мужемъ своимъ въ замокъ, а дамы столько довольны были обращеніемъ съ Дельморомъ, что и не думали о дѣвицѣ Ортодоксъ, а еще менѣе о ея матери. Все было весело и спокойно, какъ вдругъ Фанни Пелтонъ, Кларина служанка, принесла изъ передней въ комнату своей барышни пламенникъ раздора.

Разчеши мнѣ хорошенько волосы, сказала ей Клара. — Хорошо, сударыня. Безъ сомнѣнія вы знаете, что Г. Дельморъ хочетъ жениться. — Нѣтъ, я не знаю объ этомъ. Кого

онъ беретъ? — Дѣвицу Ортодоксъ, сударыня, ту, которая поѣхала къ своей теткѣ. — Ты нынѣ столько дерешь у меня волосы, что терпѣнія нѣтъ. . . . Отъ кого ты объ этомъ узнала? — Отъ Эдуарда, камердинера Г. Франклина; но Гертруда, служанка дѣвицы Франклинъ, думаетъ, что это шутка; потому что Г. Дельморъ женится на барышнѣ ея. — Откуда ты выкопала такія смѣшныя вѣсти? Возможно ли, чтобь Г. Дельморъ женился на такой старой женщинѣ, которая можетъ быть ему матерью? — Я тоже самое отвѣчала Гертрудѣ; но что касается до дѣвицы Ортодоксъ, которая молода и пригожа, то это вѣрно, что онъ на ней женится, и Г. Франклинъ согласился на это. Свадьба должна была играна быть передъ нашимъ пріѣздомъ. — Ты дерешь мнѣ волосы, отвѣчала ей Клара съ досадою. Да чтожъ помѣшало этой свадьбѣ? — Болѣзнь старой тетки. Я ненавижу этихъ обветша-

лыхъ тетокъ; онѣ всегда портятъ дѣла молодыхъ дѣвушекъ; я сама готова была выттти замужъ . . . — Ты нынѣ чрезчуръ разболталась; для чего не отвѣчаешь ты на вопросы дѣвицы Напперъ? — Я право отвѣчала бы на все то, о чемъ бы она ни спросила меня; но мнѣ прежде хотѣлось разсказать вамъ исторію этой свадьбы между мною и . . . — Мы поговоримъ объ этомъ въ другое время, а теперь пожалуста поскорѣе причеши меня; я не намѣрена слишкомъ наряжаться. Фанни повиновалась, и когда она пошла изъ комнаты, то барышня ея сказала ей: не разспрашивай Эдуарда; а естьли онъ еще станетъ тебѣ говорить о Г. Дельморѣ, то со вниманіемъ выслушай, что онъ тебѣ объ немъ скажетъ. Хорошо, сударыня, отвѣчала ей Фанни тихимъ голосомъ, и съ сего времени приняла она на себя важной видъ, ибо почла себя *повѣренною въ дѣлахъ* дѣвицы Элтонъ. Фанни! Фанни! послушай-ка:

естьли ты услышишь что нибудь о старухѣ, сказала ей Жемима, то постарайся сказать намъ о томъ. — Извольте, отвѣчала ей Фанни, затворяя двери.

Клара взглянула на Жемиму, а Жемима на Клару, которая вздыхала. Кто бы этому повѣрилъ? вскричала Жемима. — Досадно мнѣ, что мы не видали этой Лавиніи, отвѣчала дѣвица Элтонъ. — Мы увидимъ сестру ея. — Клара опять вздохнула. — Какой молодой лицемѣръ! сказала Жемима: жениться! жаль, что онъ не женился! — Я ничего въ свѣтѣ не пожалѣю, лишь бы только узнать истинну этихъ словъ. — Я совершенно объ этомъ узнаю еще до вечера. Вотъ теперь время сходить намъ въ Пасторовъ домъ, и познакомиться съ этою Анною, какъ называетъ ее ненавистной отецъ ея. Я объ закладъ бьюсь, что эти двѣ дѣвки столь же смѣшныя фигуры, какъ и Пасторъ. Дѣвица Элтонъ улыбнулась, хотя въ другое время

не похвалила бы она язвительныхъ шутокъ прiятельницы своей.

Подъ вечеръ пошли онѣ вмѣстѣ къ Пасторову дому. Жемима знала ухватку входить къ тѣмъ, съ кѣмъ она намѣрялась видѣться, такъ что не льзя было осердиться на нее. Проворство ея и важность, каковую она придала сему посѣщенiю, тотчасъ заставили думать Гжу. Ортодоксъ и дочь ея, что онѣ не могутъ довольно похвалиться сею заботливостiю. Она насказала имъ столько ласкательствъ въ разсужденiй Лавинiи, что бѣдная Гжа. Ортодоксъ напрягла всѣ свои силы, чтобъ похвалить такую дочь, отъ коей самолюбiе ея должно было унизиться.

Въ то время, какъ Жемима ласкала суетности матери, Анна съ поспѣшностiю вышла, чтобъ надѣть такой уборъ, которой сдѣлалъ бы ее достойною чести сотовариществовать двумъ дамамъ, живущимъ въ столицѣ. Когда женщина не имѣетъ другаго намѣренiя, какъ только

чтобъ понравиться своему полу, то туалетъ не долго занимаетъ ее. Анна возвратилась и пошла съ Кларою и Жемимою, кои взяли ее за руки. Возгордясь, что ищутъ ея знакомства отличныя женщины, имѣла она сердце на устахъ своихъ; всему удивлялась, все хвалила, и завидовала щастїю ихъ, что онѣ столь хорошо одѣты. Дамы обѣщали ей нарядить ее по новой модѣ; и какъ скоро пришла она въ комнату Кларину, то надарили ей чепцовъ, цвѣтовъ, шляпокъ, и всего того, что могло доставить ей удовольствїе. Сїи подарки сопровождаемы были приглашенїемъ въ Истшинъ, гдѣ Клара надарила бы ей, говорила она, много кое-чего, чѣмъ бы она увеличила гардеробъ свой.

Какое сердце могло бы устоять противъ такихъ знаковъ дружества! какой языкъ сталъ бы наблюдать молчанїе въ такой компанїи! Анна дала волю своему языку, и менѣе нежели въ часъ обѣ прїятельницы

узнали о любовныхъ Генриховыхъ и Лавинїиныхъ дѣлахъ. Однакожъ она была столько хитра, что скрыла произшедшїя изъ сихъ дѣлъ слѣдствїя, опасаясь, чтобъ не заключили худо и о ея поведенїи. Она кончила свои разсказы тѣмъ, что Г. Франклинъ воспротивился браку Дельморову по причинѣ его молодости; что далъ матери ея денегъ для отсылки Лавинїи, безъ вѣдома отца ея, къ теткѣ въ Дербиширъ, и что для избѣжанїя гнѣва Пастopoва выдумали болѣзнь.

Бѣдная нещастливица! вскричала Жемима жалкимъ голосомъ. Она безъ сомнѣнїя много печалилась при сей разлукѣ. — Не столько, какъ вы думаете, отвѣчала Анна. Г. Франклинъ пробылъ у ней съ часъ, въ которое время мы слышали, что она кричала и плакала; но послѣ того была она спокойна и поѣхала съ довольнымъ видомъ; нашъ Викарїй провожалъ ее. . . Пожалуйте, сударыни, не говорите о семъ дѣлѣ;

матушка и Г. Франклинъ никогда не простятъ мнѣ за это. — Ни за что въ свѣтѣ, отвѣчали онѣ въ одно время. — Какъ Генрихъ перенесь этотъ отъѣздъ? продолжала Жемима. — Онъ не зналъ объ этомъ ничего. — Это кажется мнѣ не возможно, вскричала Клара. — Естьлибъ Г. Франклинъ не сказалъ ему о томъ, то онъ не могъ бы знать. — Я думаю, продолжала хитрая Жемима, что объ этомъ утаили отъ него, опасаясь, чтобъ онъ не воспротивился поѣздкѣ ея, или чтобъ не поѣхалъ съ нею. — Это правда, онъ сдѣлалъ бы либо то, либо другое. — Сударыни! сказала Фанни, вошедши въ комнату: Г. Франклинъ, сестрица его и Г. Дельморъ искали васъ вездѣ. Мнѣ надобно много кое-чего сказать вамъ, примолвила она тихимъ голосомъ. Ступай, любезная моя Жемима, съ дѣвицею Ортодоксъ въ залу; я тотчасъ къ тебѣ приду, сказала Клара съ безпокойнымъ видомъ. Вѣсти, которыя сказала своей

барышнѣ Фанни, согласны были съ тѣми, кои разсказала ей сестра Лавиніина касательно до Генриха, и произвели въ сердцѣ Клариномъ столь великое волненіе, что она сдѣлалась больна и не могла съ прочими пить чай.

Коль скоро Генрихъ услышалъ, что дѣвица Элтонъ нездорова, то и побѣжалъ къ ней на помощь. Вы блѣдны, любезная моя Клара! вскричалъ онъ, увидя ее; что съ вами сдѣлалось? не случилось ли съ вами чего нибудь непріятнаго? Ввѣрьте мнѣ свои безпокойства; ради Бога скажите мнѣ, что я могу сдѣлать для любезной моей Клары? — Для вашей Клары! развѣ вы забываете свою Лавинію? — Генрихъ остался недвижимъ. — Мнѣ стало лучше, и я иду въ залу. Онъ пошелъ за нею съ отчаяніемъ въ сердцѣ; но какъ скоро увидѣлъ Анну Ортодоксъ, то и не сомнѣвался уже, чтобъ не она разгласила его тайну; причина его замѣшательства была тогда еще

тайною для него. Любовь уже держала его подъ своею властїю, а онъ не зналъ еще той жестокости, съ каковою богиня сїя мучила его; глаза его въ самомъ дѣлѣ были весьма краснорѣчивы, и разные признаки, посредствомъ коихъ познается истинная привязанность, уже лучше говорили, нежели глаза его. Дѣвица Элтонъ примѣтила сїе; но она воображала теперь, что они обманывали ее. Учиненное ею открытїе мнимой его склонности къ Лавинїи сдѣлало ее осмотрительнѣйшею; она убѣгала отъ прогулки съ нимъ, и прибавляла къ имени *Дельмора* словцо *господинъ*.

Столь великая перемѣна не укрылась отъ проницанїя Франклинова, ни отъ благоразумныхъ замѣчанїй сестры его. Пасторъ Ортодоксъ одобрилъ поведенїе дѣвицы Элтонъ, безъ сомнѣнїя для того, что бѣдной Генрихъ страдалъ отъ того.

Клара, видя снѣдающую его тоску, сдѣлалась не столько суро-

вою; но ударъ уже нанесенъ былъ, и Дельморъ изнемогалъ отъ печали, что вступилъ въ связь съ такою женщиною, которой не любилъ, и почиталъ себя ненавидимымъ тою, которую обожалъ. Лишь только Докторъ Грегори сказалъ, что Генрихъ опасно боленъ, то дѣвица Франклинъ объявила всему дому, что она одна берется ходить за нимъ. Дѣвица Элтонъ съ своей стороны учредила сообщеніе между своею и Дельморовою комнатою; а Фанни, *повѣренная въ дѣлахъ*, имѣла тогда, надъ чемъ оказывать свои дарованія. Клара съ исполненными слезъ глазами и трепещущимъ голосомъ сказала своей Фанни: не забудь дать ему разумѣть, что ты ходишь отъ меня; увѣрь его хорошенько, что я желаю скораго ему выздоровленія. — Это весьма легко сказать, сударыня, но не столь легко сдѣлать. Вы не понимаете, сударыня, какой Аргусъ есть старая госпожа; нѣтъ даже надежды подойти къ постелѣ; я

желала бы, чтобы вмѣсто Г. Дельмора она была больна.

На другой день Фанни щастливѣе была; Генрихъ ночью лучше спалъ, а дѣвица Франклинъ пошла соснуть съ четверть часа въ собственную свою комнату. Фанни подошла къ постелѣ на цыпочкахъ. — Барышня моя приказала вамъ кланяться, сударь. — Не служанка ли ты дѣвицы Элтонъ? спросилъ у ней Генрихъ. — Такъ, сударь; уже около сорока разъ пыталась я подходить къ вашей постелѣ. — Ахъ, милая моя! не скажешь ли ты мнѣ чего нибудь отъ дѣвицы Элтонъ? — Со времени вашей болѣзни каждой часъ было у меня для васъ болѣе вѣстей, нежели . . . Генрихъ почти совсѣмъ всталъ съ своей постели, чтобъ лучше выслушать то, что она хотѣла ему сказать, какъ вдругъ одинъ грозной голосъ закричалъ: выдь отсюда! не стыдно ли тебѣ смотрѣть на нагова мущину? — Это преступленіе не болѣе важно для молодыхъ

женщинъ, какъ и для старухъ, возразила Фанни дѣвицѣ Франклинъ, которая дѣлала ей сіи выговоры; я пришла отъ своей барышни, и могу сказать, сударыня, что дѣвица Элтонъ не сдѣлаетъ болѣе неприличнаго поступка, такъ какъ и дѣвица Франклинъ, или какая бы то ни была дѣвица на землѣ. — Пошла вонъ! или я накажу тебя за твою наглость. — Фанни вышла съ ропотомъ, а дѣвица Франклинъ снова предалась жесточайшей ревности. За открытіемъ другой соперницы послѣдовали такія предосторожности, кои не давали ей вкушать спокойствія. Безпрестанно занимаясь присматриваніемъ за поступками дѣвицы Элтонъ, возложила она на Гертруду тщательно смотрѣть за дѣйствіями Жемимы и Фанни.

Дельморъ, удостовѣрившись, что Клара принимала участіе въ его положеніи, почувствовалъ щастливую перемѣну въ болѣзни своей, и вскорѣ послѣ того выздоровѣлъ. Франклинъ

непрестанно былъ при немъ; щастїе его, казалось, зависѣло тогда отъ щастїя Генрихова; но спокойствїе не возстановилось въ его семействѣ. Клара не имѣла аппетиту; она была печальна и слаба, а соскучившая Жемима почитала за нужное для своей прїятельницы возвратиться въ Истшинъ. Гордый и презрительный видъ дѣвицы Франклинъ увеличивалъ задумчивость Кларину, а Генрихъ съ своей стороны наблюдалъ молчанїе, печалясь о томъ, что не могъ дать руки своей той, которая владѣла его сердцемъ. Дѣвица Элтонъ была безпокойна и недовольна; Жемима только и думала о томъ, какъ бы уѣхать; а Фанни надокучала своей барышнѣ повѣствованїемъ о непрестанныхъ обидахъ, причиняемыхъ ей Гертрудою. Но Клара не могла рѣшиться выѣхать изъ Этера; нѣкоторая привлекательность, нѣкоторое тайное побужденїе удерживало ее тамъ, не смотря на всѣ ея причины убѣгать такого мѣста, гдѣ

она теряла спокойствіе. Наконецъ поведеніе дѣвицы Франклинъ принудило ее назначить день своего отъѣзда, на что склонила она и опекуна своего, подъ тѣмъ предлогомъ, что Этерской воздухъ вреденъ былъ для ея здоровья.

Тогда-то Дельморъ почувствовалъ всю жестокость обладавшей имъ страсти; тысячекратно готовъ онъ былъ прервать молчаніе и объяснить Кларѣ тѣ чувствованія, кои она въ него вдохнула. Не смѣя сказать того ей изустно, возъимѣлъ онъ прибѣжище къ перу, но никакое письмо не могло описать ей страданій его духа и мученій, раздиравшихъ его сердце. По томъ размышленіе о обязательствахъ своихъ съ Лавиніею было другою препоною: какимъ образомъ учинилъ бы онъ признаніе Кларѣ, что онъ горѣлъ къ ней любовію, когда извѣстно ей было, что онъ чувствителенъ былъ къ прелестямъ другой женщины? Клара уѣхала; Франклинъ поѣхалъ провожать

ее, а Генрихъ предался печальнымъ своимъ мыслямъ.

Какая перемѣна въ семъ замкѣ, гдѣ два мѣсяца проводилъ онъ съ прекрасною Кларою! Одинъ и въ отчаяніи, пробѣгалъ онъ сей паркъ, гдѣ каждая алея, каждое дерево напоминало ему образъ обожаемой имъ особы. Лавинія внушила въ него желанія, но Клара произвела въ сердцѣ его совсѣмъ отличную страсть. Онъ сравнивалъ ее съ дѣвицею Ортодоксъ; разборчивость одной дѣлала неблагопристойную дружественность другой непріятнѣйшею; словомъ сказать, Клара была предъ глазами его любезнѣйшею изъ своего пола, и для него было несноснѣйшее мученіе видѣть, что онъ соединялъ судьбу свою съ судьбою презираемой имъ Лавиніи.

ГЛАВА 20.

Генрихъ опускаетъ благопрїятной случай.

Теперь, говорила дѣвица Франклинъ, я исполню свои намѣренїя. Я объяснюсь съ симъ молодымъ человѣкомъ, и распоряжу дѣла свои съ нимъ такимъ образомъ, что прежде возвращенїя моего брата онъ будетъ моимъ мужемъ.

По нещастїю дѣлаемыя бѣдною женщиною усилїя, чтобъ понравиться, всегда имѣли противное дѣйствїе. Смѣла ли она ласкаться изгнать изъ сердца Генрихова образъ Кларинъ, когда не имѣла она силы изгладить изъ онаго образъ Лавинїинъ?

Генрихъ былъ печаленъ, задумчивъ и унылъ, а дѣвица Франклинъ докучлива; взоры ея, слова и дѣйствїя показывали желанїе ея совершить бракъ свой. Чѣмъ болѣе изъявляла она нетерпѣливости, тѣмъ болѣе удивлялась равнодушїю и нечувствительности Дельморовой. Наконецъ прервала она молчанїе на

кануне прiезда Франклинова, и на учиненное ему предложенiе жениться на ней получила решительной отказъ.

Есть такiя вины, коихъ женщины никогда не прощаютъ; презренiе ихъ прелестей есть такая обида, на которую время и размышленiе налагаютъ печать всегдашняго напоминанiя. Естьли въ последствiи учинятъ имъ безчестiе сего рода, то оне приписываютъ оное худому успеху первой попытки, а последнiй отказъ всегда извиняемъ бываетъ на щетъ прежняго. По справедливости сказать, девица Франклинъ никогда не испытала силы любви, или по тому, что ученыя упражненiя ея совершенно ее занимали и препятствовали ей впасть въ искушенiе; или по тому, что она не получила отъ натуры страстей, сродныхъ къ слабости; но какъ скоро благоволила она низойти съ возвышеннаго холма мудрости въ долину глупостей человеческихъ, то и поняла,

что уроки Ортодоксовы отняли у ней такое время, которое она могла бы употребить прїятнѣйшимъ образомъ.

Старанїе и жаръ, съ каковымъ она домогалась о произведенїи въ дѣйство новой своей системы, доказывали, что дѣвица Франклинъ не знала собственныхъ своихъ выгодъ, и что она имѣла сильныя страсти; противиться имъ въ тѣ лѣта, до которыхъ она достигла, значило бы удвоить ихъ силу. Будучи превыше всякаго предразсудка, живѣе другихъ чувствовала она обиду, причиненную ей отказомъ, и она никогда не могла бы повѣрить, чтобъ это существовало между двумя полами. Дельморъ находился у ней подъ покровительствомъ; почему и надѣялась она, что онъ не будетъ столько неблагодаренъ, чтобъ отвергнуть приношенїе руки ея и обладанїе ея особою; онъ нравился ей, такъ что нужды, естьли онъ отдастъ ей свое сердце и по возвраще-

нія Франклиновомъ? Онъ нашелъ сестру свою въ такомъ состояніи, котораго не возможно описать, а Генриха въ отчаяніи.

Тщетно употреблялъ онъ благоразумнѣйшія доказательства, чтобъ уговорить ее принимать Генриха по прежнему; ничто не могло принудить ее отмѣнить приговоръ, изгонявшій его съ глазъ ея. Не лучшій имѣлъ онъ успѣхъ, напомянувши ей о лѣтахъ ея, полѣ и достоинствѣ; она для того только вспомнила объ этомъ, чтобъ сказать брату своему, что онъ дѣлалъ ей такіе упреки, отъ коихъ ему должно было краснѣть. Онъ съ своей стороны не щадилъ ее, и въ сіе время въ первой еще разъ имѣли они между собою побранку. Я стыжусь вашей слабости! вскричала она. Какъ можете вы держать при себѣ такого неблагодарнаго, котораго грубое поведеніе доводитъ до ссоры ваше семейство? Должно ли этому гольтепѣ отвергать руку такой женщины,

которая говоритъ по Латыни, и которой пылкая душа горитъ благороднымъ пламенемъ патрїотизма? Сїе безчестїе не можетъ быть забыто. Естьли вы предпочитаете сего недостойнаго любимца предъ сестрою своею, то я отказываюсь отъ вашего дружества, и даже сказываю вамъ, что онъ не будетъ допущенъ ни къ столу, ни въ тѣ мѣста, гдѣ я буду находиться.

Дѣвицею Франклинъ овладѣла страсть въ такїя лѣта, когда она обыкновенно уступаетъ владычеству разума. И такъ не удивительно, что она съ досадою переносила трудности, противополагаемыя желанїямъ ея уступить страсти, и что на мѣсто любви ея къ Дельмору вступила ненависть. Не удивительно также и то, что онъ не отвѣчалъ на любовь ея: не всякой ли день видимъ мы молодыхъ людей, презирающихъ благосклонности пожилыхъ женщинъ, хотя онѣ и покупаютъ цѣною золота тѣ старанїя, кои онѣ оказываютъ молодымъ дѣвуш-

жамъ, благосклонности коихъ они въ свою очередь покупаютъ?

Тишина, согласїе и спокойствїе, царствовавшїя между братомъ, сестрою и Генрихомъ, тотчасъ рушились, и все окружавшее ихъ чувствовало сїю перемѣну. Франклинъ любилъ Дельмора, но любовь его къ сестрѣ своей одержала верьхъ въ его сердцѣ. Хотя онъ и охуждалъ ея поведенїе, но не могъ не жалѣть объ ней, и съ сего времени уразумѣлъ, что доколѣ предметъ ея страсти будетъ на глазахъ ея, дотолѣ не будетъ она имѣть спокойствїя.

Съ другой стороны никакая причина не могла понудить его отбросить принятыя имъ намѣренїя составить щастїе Генриху, о которомъ онъ почиталъ тогда себя обязаннымъ имѣть отеческїя попеченїя. Въ его волѣ состояло доставить ему хорошее состоянїе, не зависящее отъ капризовъ сестры своей; но не льзя ему было не отдалить его отъ своего дому, и сїе принужденїе опечали-

вало его. Добродушной Франклинъ существовалъ только для того, чтобъ составлять щастїе другихъ; и такъ рѣшился онъ пожертвовать сестрѣ своей тѣмъ удовольствїемъ, каковое вкушалъ онъ въ сообществѣ съ достойнымъ любви Генрихомъ. Ничто въ свѣтѣ не скучно было для него столько, какъ домашнїе раздоры. Для избѣжанїя противорѣчїй, коимъ онъ былъ бы подверженъ, естьлибъ продолжалъ удерживать Дельмора въ замкѣ, рѣшился онъ произвесть въ дѣйство давнишнее свое намѣренїе, опредѣлить его въ коммерческой домъ, гдѣ самъ онъ нашелъ источникъ своего щастїя. Праводушїе товарищей его, такъ какъ и безмѣрное ихъ богатство, были вѣрными поруками кредита ихъ, распространявшагося по всѣмъ частямъ свѣта. Г. Буржесъ уже далъ знать Франклину о намѣренїи своемъ уступить часть свою въ банкѣ племяннику своему, а сїе самое и подало Франклину мысль уступить свою

часть Дельмору. Не смотря на нехотѣніе Г. Левизажа раздѣлить источникъ вѣрнаго барыша, не смѣлъ онъ воспротивиться тому, опасаясь, чтобъ почтенные сотоварищи его, естьли онъ не будетъ одобрять намѣреній ихъ, не отстали отъ него, и не составили бы новаго товарищества, основаннаго на древнемъ коммерческомъ домѣ, и которому имена Франклина и Буржеса придали бы такую важность, которая могла быть вредною для интересовъ его.

Г. Франклинъ сообщилъ Г. Буржесу намѣренія свои въ пользу Генриха, и Буржесъ отвѣчалъ на письмо сіе, прося Франклина прислать къ нему Дельмора, и присовокупляя къ тому, что онъ почитаетъ за нужное поучить его нѣсколько времени коммерціи, въ чемъ споспѣшествовать будетъ Дельмору племянникъ его, котораго онъ назначилъ преемникомъ своимъ, и что они послѣ сего приведутъ къ концу распоряженіе свое,

о которомъ они говорили. Сіе распоряженіе, которое предлагалъ тогда честной Квакеръ, столько понравилось Франклину, что онъ не могъ не принять его; но намѣренія его испровержены были новымъ неблагоразуміемъ, которое учинилъ Генрихъ безъ вѣдома друзей своихъ.

Генрихъ не зналъ о великодушныхъ намѣреніяхъ покровителя своего. Поведеніе дѣвицы Франклинъ и гордаго ея наперсника каждой день увеличивало тоску его; онъ съ досадою видѣлъ, что они обѣдали въ особомъ покоѣ, и упрекалъ себя въ безпорядкахъ, производившихъ несогласіе между такими особами, къ коимъ онъ нѣжнымъ образомъ былъ привязанъ. Обѣды его съ Франклиномъ были коротки и молчаливы; тотъ и другой, желая избѣжать, чтобъ не говорить о такомъ дѣлѣ, которое равно опечаливало ихъ, не заводили рѣчи ни о какой другой матеріи. Прошедшее представлялось въ памяти его подъ различными

красками, между коими большая часть черныхъ потемняла свѣтлыя мѣста въ картинѣ. Будущее не представляло ему пріятнѣйшихъ сценъ; онъ любилъ Клару безъ надежды, видѣлъ себя доведеннаго до женидьбы на Лавиніи, которой онъ не любилъ уже, и все показывало ему, что онъ не имѣлъ уже въ сердцѣ благодѣтеля своего того мѣста, которое онъ прежде сего занималъ. Тѣ, кои во время щастія его обходились съ нимъ съ почтеніемъ, увидя, что онъ уже пересталъ быть любимцомъ Франклиновымъ, начали поступать съ нимъ съ оскорбительною дружественностію. Самъ Франклинъ, казалось, убѣгалъ его сообщества, и прогуливался одинъ съ задумчивымъ видомъ. Гжа. Ортодоксъ послѣдовала примѣру своего мужа, а прочіе ея примѣру, выключая Кадогана и добродѣтельной жены его. По мѣрѣ, какъ Дельморъ казался быть въ пренебреженіи, удвоивали они почтеніе свое къ нему, и въ ихъ-

то скромномъ жилищѣ нашелъ онъ нѣкоторыя причины къ утѣшенїю.

Будучи нещастенъ до чрезвычайности, былъ онъ столько несправедливъ, что приписывалъ старанїя ихъ состраданїю, внушаемому жалкимъ предметомъ, которой принимаютъ изъ милости. Самолюбїе его тѣмъ было тронуто; но когда онъ размыслилъ о бѣдствїяхъ человѣческихъ и о томъ убожествѣ, изъ коего извлекъ его Г. Франклинъ, то устыдился своей гордости, а болѣе еще того, что страхъ лишиться хорошаго содержанїя, казалось, препятствовалъ ему тогда оставить такой домъ, гдѣ присутствїе его возмущало тишину. Печаль его увеличилась при видѣ Франклина, одного сидѣвшаго подъ тѣмъ деревомъ, подъ которое онъ обыкновенно прихаживалъ съ сестрою своею. Молчанїе, царствовавшее въ покояхъ замка; печальной и угрюмой видъ, изображавшїйся въ чертахъ всѣхъ служителей, и наконецъ смущенные поступки

встрѣчавшихся съ нимъ людей принудили его удалиться изъ такого жилища, въ которомъ отъѣздъ его возстановилъ бы спокойствiе.

ГЛАВА 21.

Продолжительное путешествiе и короткая глава.

Для молодаго человѣка есть нѣчто столь обольстительное въ мысли, жить безъ принужденiя, и быть въ *большомъ свѣтѣ*, что онъ видитъ тамъ одно только веселiе и удовольствiе, до тѣхъ поръ, какъ опытъ научитъ его познавать свое заблужденiе.

Генрихъ лишь только рѣшился оставить домъ, въ которомъ присутствiе его огорчало тѣхъ, спокойствiе коихъ было ему дорого, то въ воображенiи его, возвышенномъ отъ чаянiя удовольствiя, представилось множество прiятныхъ видовъ. Свѣтъ казался ему цвѣтникомъ, въ коемъ весеннiе цвѣты даютъ юношеству

свободу рвать ихъ по своему вкусу, не опасаясь испортить цвѣтника.

По предположеніи сего осталось ему рѣшить еще нѣчто труднѣйшее. Возъимѣвши намѣреніе убѣжать, былъ онъ въ нерѣшимости, что ему взять съ собою изъ платья, не подвергнувшись упрекамъ своихъ благодѣтелей. Франклинъ ввѣрилъ ему банковыхъ билетовъ на тысячу фунтовъ стерлинговъ, чтобъ онъ роздалъ ихъ по своему произволенію бѣднымъ семействамъ; и какъ онъ сдѣлалъ изъ нихъ употребленіе только въ пользу Капитана Марша, то слѣдовательно вся сумма (выключая пятидесяти фунтовъ стерлинговъ) оставалась въ его бумажникѣ. Великодушіе Франклиново не оставило его въ недостаткѣ: онъ имѣлъ весьма хорошій гардеробъ, но онъ взялъ для себя только то, въ чемъ имѣлъ необходимую нужду, и уклавши въ чемоданъ, приказалъ Матвѣю отнести въ Тонтонъ.

Когда дѣло шло объ угожденіи барину своему, то Матвѣй снесъ бы не только за сто миль всѣ чемоданы, находящіеся въ замкѣ, но лучше бы умеръ подъ бременемъ, нежели измѣнилъ бы его тайнѣ, или оставилъ бы его службу. Онъ бросился къ ногамъ его, и изъ милости просилъ его позволить ему ѣхать съ собою, куда бы онъ ни повезъ его, говоря, что будучи съ нимъ, объѣздитъ онъ весь свѣтъ безъ всякой скуки. Тщетно Генрихъ представлялъ ему тѣ опасности, коимъ онъ подвергается, желая слѣдовать за человѣкомъ, не имѣющимъ ни убѣжища, ни денегъ, и коего ненадежное состояніе никогда можетъ быть не вознаградитъ его за ту потерю, которую онъ учинитъ, оставивши службу Г. Франклина. Естьли это такъ, возразилъ ему Матвѣй, то товарищество такого бѣдняка, какъ я, будетъ для васъ выгоднѣе товарищества богатыхъ вашихъ друзей; я молодъ и силенъ, и болѣе васъ

привыкъ къ трудамъ. Я не намѣренъ быть вамъ въ тягость; естьли не будетъ у насъ случаевъ доставать моими трудами денегъ, то я наверстаю то прошенiемъ милостыни; но для Бога не откажите мнѣ въ удовольствiи слѣдовать за вами. По томъ съ важнымъ и надежнымъ видомъ вытащилъ онъ изъ кармана своего кожаной кошелекъ и показалъ Генриху: посмотрите, сударь, продолжалъ онъ, у меня довольно денегъ, чтобъ начать наше путешествiе; старой мой баринъ отдалъ мнѣ жалованье за полгода, примолвилъ онъ, высыпая кошелекъ на столъ. Въ немъ было семь новыхъ гиней, одинъ долларъ и нѣсколько полукронъ со штемпелемъ Королевы Анны. Эти монеты дала мнѣ мать моя, говорилъ онъ ему; у меня есть еще нѣсколько ихъ въ моей коробкѣ съ пятью добрыми кронами Короля Вильгельма. И такъ, сударь, мы можемъ ѣхать: деньги возьмемъ мы

съ собою, а кошелекъ оставимъ женщинамъ. Онъ произнесъ послѣднія сіи слова насмѣшливымъ голосомъ, ходя по комнатѣ съ торжествующимъ видомъ.

Генрихъ, не смотря на смятеніе свое, не могъ удержаться, чтобъ не засмѣяться отъ язвительныхъ шутокъ Матвѣевыхъ противъ женскаго пола, котораго онъ не любилъ. Матвѣй, видя замыслы свои одобряемыми, болѣе прежняго настоялъ на то, чтобъ раздѣлить имѣніе свое съ Генрихомъ, которой не прежде уговорилъ его отказаться отъ ѣзды съ нимъ, какъ давши ему разумѣть, что окажетъ ему услугу, увѣдомляя его о томъ, что будетъ произходить въ замкѣ по отъѣздѣ его. Матвѣй согласился на сіе съ тѣмъ условіемъ, что Дельморъ позволитъ ему послѣ сего пріѣхать къ нему, и въ первомъ письмѣ своемъ къ нему увѣдомитъ, гдѣ можно сыскать его.

Всегда замѣчаемо было, что старики убѣгають общества, а молодые люди ищуть онаго. Я не смѣю сказать тому причины, опасаясь, чтобъ она не была въ пользу рода человѣческаго. Генрихъ не отвергъ бы предложеній честнаго своего товарища, естьлибъ не боялся вырвать его изъ подъ покровительства великодушнаго господина, и оттащить отъ любви матери, у коей былъ онъ любимой сынъ. Притомъ же поступокъ сей увеличилъ бы его проступки.

Хотя не зналъ онъ искуства притворяться, однакожъ принужденъ былъ къ тому, чтобъ воспрепятствовать Матвѣю учинить такое неблагоразумїе, котораго ничто не извиняло, и сїе-то понудило его обѣщать ему то, чего не имѣлъ онъ намѣренїя исполнить.

Чемоданъ готовъ былъ къ относу въ назначенное мѣсто; но Дельморь не зналъ еще, какимъ образомъ разпрощаться ему съ благодѣтелемъ своимъ. Онъ начиналъ и раздиралъ

до двашцаши писемъ; ни одно не могло выразишь печали его, не упомянувши о дѣвицѣ Франклинъ, которая была причиною его бѣгства; и сего-що хошѣлъ онъ избѣжашь, чтобы не опечалишь друга своего. Однакожъ оставишь сего друга, не простившись съ нимъ чрезъ письмо, въ которомъ сердце его согласно съ перомъ описало бы ему нѣжныя его къ нему чувствованія, и въ котооромъ благодарность ходашайствовала бы о его дѣлѣ, былъ шакой проступокъ, о которомъ онъ сокрушался бы во всю жизнь свою. Наконецъ написалъ онъ слѣдующія строки въ своемъ бумажникѣ, въ которой вложилъ онъ банковые билеты, и которой должно было отдашь Франклину на другой день по его отъѣздѣ.

„Предметъ вашихъ старанiй оставляетъ тѣ мѣста, въ коихъ присутствiе его приводитъ въ несогласiе сердца лучшихъ его друзей; „онъ молитъ и не престанетъ творитъ мольбы за великодушнаго сво-

„его благодѣтеля. Онъ представ-
„ляетъ ему все то, что состоитъ
„въ его власти: благодарность ис-
„кренняго сердца за милости, полу-
„ченныя имъ отъ добродѣтельнѣйша-
„го человѣка.

„Банковые билеты, коихъ до-
„вѣренность ваша ко мнѣ сдѣлала
„меня хранителемъ, вложены въ семъ
„бумажникѣ; они находятся въ томъ
„же числѣ, въ какомъ вы мнѣ ихъ
„отдали, выключая одного въ пять-
„десять фунтовъ стерлинговъ, ко-
„торымъ я ссудилъ одного Офицера,
„коего критическое положенiе имѣло
„нужду въ сей помощи: онъ торже-
„ственно обѣщался мнѣ заплатить
„вамъ сiю сумму. Прощайте! Небо
„да сохранитъ жизнь почтеннѣйша-
„го моего друга.„

Въ то время, какъ Дельморъ по-
шелъ ужинать къ Франклину, Мат-
вѣй, подъ предлогомъ свиданiя съ
своею матерью, отнесъ чемоданъ въ
прилежащiй къ замку домъ, а от-
туда на рабочей лошади поѣхалъ

въ Тонтонъ, отстоящій отъ Этера въ двацати миляхъ, куда и пріѣхалъ въ три часа. Дельморъ отужинавши сѣлъ на лошадь, приготовленную ему Матвѣемъ, и поѣхалъ по пятамъ за вѣрнымъ своимъ служителемъ, которому препоручилъ онъ отвести лошадь обратно въ замокъ.

Желаніе видѣть свѣтъ увеличивалось въ Матвѣѣ по мѣрѣ приближенія разлуки. Тщетно Дельморъ старался уговорить его; къ сему потребны были новые споры, новые доводы. Наконецъ слезы ихъ довершили доказательства; Матвѣй возвратился въ замокъ, а Дельморъ взялъ почтовыхъ лошадей, не нашедши другова случая доѣхать до Лондона съ меньшими издержками.

Великое стеченіе путешественниковъ, ѣхавшихъ по Тонтонской дорогѣ въ Самертонъ, воспрепятствовало ему имѣть лошадей для продолженія пути своего къ столицѣ. Въ то время, какъ онъ досадовалъ на сію медленность, пріѣхалъ одинъ

молодой человѣкъ, для котораго берегли двухъ лошадей, остававшихся у Почтмейстера. Незнакомецъ предложилъ ему мѣсто въ своей повозкѣ, и они продолжали вмѣстѣ путь свой къ Бристолю, куда ѣхалъ сей неизвѣстной. Генрихъ не имѣлъ основательныхъ намѣренiй; и такимъ образомъ Бристоль, или Лондонъ могъ доставить ему мѣсто у купцовъ; притомъ же товарищество незнакомцево столько ему нравилось, что не надобно было болѣе ничего, чтобъ заставить его остаться въ первомъ торговомъ городѣ, какой онъ нашелъ бы на пути своемъ.

ГЛАВА 22.

Домашняя суматоха и тонкiя чувствованiя въ сорокапятилѣтней дѣвицѣ.

Матвѣй возвратился въ замокъ къ завтраку. Франклинъ, не видя Генриха въ обыкновенной часъ, приказалъ Матвѣю сказать своему барину, что

онъ ждетъ его пить чаю; но вмѣсто отвѣта на его нетерпѣливость вручилъ онъ ему бумажникъ, оставленный Генрихомъ на столѣ своемъ.

Доброй старикъ всталъ въ сей день съ тѣми мыслями, чтобъ сообщить Дельмору о намѣренiи своемъ послать его въ Лондонъ къ Г. Буржесу, отъ котораго получилъ онъ на канунѣ письмо въ отвѣтъ на свое, писанное къ нему въ пользу Генриха. Бѣгство его, понудившiя его къ тому причины, а особливо тонкость его поведенiя, дѣлали отъѣздъ сей прискорбнѣйшимъ; онъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, и болѣе прежняго порицалъ глупость сестры своей, къ которой побѣжалъ онъ съ изображеннымъ во всѣхъ чертахъ своихъ негодованiемъ; онъ подалъ ей письмо и банковые билеты, и какъ печаль препятствовала ему говорить, то она и имѣла время прочесть письмо и разсмотрѣть бумажникъ, прежде нежели имѣлъ онъ время справиться съ своимъ языкомъ. Изумленiе, досада и стыдъ,

почувствованные дѣвицею Франклинъ при чтенїи письма сего, изображены были на лицѣ ея и во взорахъ. Наконецъ вскричала она дрожащимъ голосомъ: я весьма рада, что такъ сдѣлалось! — но минуту спустя, слезы ея доказали противное.

Какъ! вы весьма рады, сударыня, что обезславили свою фамилїю, полъ свой и самихъ себя! возразилъ ей Франклинъ съ гнѣвомъ; вы рады, что неумѣстная страсть принудила достойнаго любви молодаго человѣка вступить въ развращенной свѣтъ! Какимъ опасностямъ подвергли вы человѣка, блуждающаго безъ друзей, безъ помощи, и котораго Провидѣнїе послало вамъ для доставленїя вамъ удовольствїя быть полезною достойнѣйшему предмету творенїя! Фуй, сударыня! постыдитесь своей слабости. Я всегда поступалъ съ вами какъ съ усыновленною своею дочерью, но не уже ли для того, чтобъ вы забыли, что вы сами безъ благодѣянїй моихъ возчувствовали бы

тѣ нещастія, каковымъ подвержена сирота, не имѣющая родительской подпоры? Помыслите о бѣдномъ сиротѣ, которому вы приключаете теперь нещастіе. Не уже ли я для того пожертвовалъ вамъ своею молодостію, чтобъ въ старости моей жалѣть о супружескомъ союзѣ, въ которой я вступилъ бы, естьлибъ дружество мое къ вамъ не удержало меня отъ того? Вы изливаете горесть на послѣдніе дни моей жизни. Ахъ, сестрица! что вы сдѣлали?

Любовь, очищающая нѣжныя чувствованія души, когда воспламеняетъ два сердца одинаковымъ огнемъ, произвела инаковое дѣйствіе въ сердцѣ дѣвицы Франклинъ. Съ того времени, какъ она поработилась сей благородной страсти, досада ея, что она любила, не находя взаимности, возбудила въ душѣ ея сильнѣйшую ненависть, и въ первой разъ мщеніе одержало верьхъ надъ сожалѣніемъ. Меня онъ убѣгаетъ! вскричала она задыхающимся отъ

ярости голосомъ; пусть онъ испытаетъ всѣ ужасы убожества! Время уже ему было оставить домъ сей, гдѣ безпутство его посѣяло раздоръ. Ему-то одолжена я упреками брата, которой не стыдится забвенія своего, что мы равно претерпѣли потерю родителей нашихъ. Слезы, пролитыя ею при сихъ послѣднихъ словахъ, обезоружили Франклина; онъ неутѣшенъ былъ отъ того, что дѣлалъ ей выговоры, и возчувствованный имъ отъ того стыдъ воспрепятствовалъ ему продолжать разговоръ свой съ нею одинакимъ тономъ, а напротивъ того онъ началъ оплакивать ея склонность, дѣлавшую ее невольницею страсти, отъ которой могло излѣчить одно только время, и онъ пошелъ было предаться въ молчаніи почувствованной имъ отъ того печали, какъ удержанъ былъ отъ сего нечаяннымъ приходомъ Гжи. Ортодоксъ.

Войти безъ докладу въ кабинетъ дѣвицы Франклинъ было такое пре-

ступленіе, котораго до сихъ поръ никто не смѣлъ еще учинить. Но ни суровые взгляды сестры, ни печальной видъ брата не сдѣлали впечатлѣнія надъ женою Пасторовою. Совершенно предавшись собственной своей печали, подошла она смѣлыми шагами и вскричала жалостнымъ голосомъ: ахъ, сударыня! я погибла, естьли не найду помощи въ вашемъ дружествѣ. Дѣвица Франклинъ, имѣя во взорахъ своихъ начертанную гордость и презрѣніе, спросила ее: не также ли влюблена и другая ваша дочь? Я надѣюсь, что она не принуждена сдѣлать визита своей теткѣ. — Ахъ, сударыня! понеже вы это знаете, то я у ногъ вашихъ прошу увѣдомить объ этомъ Пастора. . . — Увѣдомить объ этомъ! да о чемъ же? — Я думала, что вамъ сказали уже о побѣгѣ дочери моей Анны: я не знаю, съ кѣмъ она уѣхала и по какой дорогѣ; мужъ мой не проститъ меня за это никогда. Клянусь вамъ, Г. Франклинъ, что

я невиновата, и симъ только утромъ, вошедши въ ея комнату, усмотрѣла я, что ее не было тамъ; она вчера ввечеру въ десять часовъ легла спать, а симъ утромъ . . — Вотъ, сударь, прямо честной поступокъ любезнаго вашего сироты; онъ безъ сомнѣнія опасаясь соскучить въ дорогѣ, взялъ съ собою сопутницу; Пасторъ весьма обязанъ ему; одной сестры не довольно съ него было, а надобны были обѣ, для удовлетворенія порочной своей склонности. Что касается до васъ, Гжа. Ортодоксъ, то скажу вамъ, что ежели бы вы получше смотрѣли за поведеніемъ дочерей своихъ, то не имѣли бы теперь стыда сего. Я жалѣю о вашемъ мужѣ, а о васъ ни мало.

Тщетно мать проливала слезы: мысль, что Дельморъ предпочелъ прелести дѣвицы Ортодоксъ предъ ея прелестями, дѣлала дѣвицу Франклинъ неумолимою. Выдьте отсюда, сказала она ей грознымъ голосомъ, и не надѣйтесь, чтобъ я унизилась

до того, чтобъ стала говорить въ вашу пользу. — Франклинъ взялъ бѣдную женщину и повелъ ее въ свою библіотеку, гдѣ выспросилъ у ней о всѣхъ обстоятельствахъ сего побѣга.

Гжа. Ортодоксъ, будучи проста, но хитра, каковы обыкновенно бывають не имѣющія разсудка, ласкалась, что совѣты, подаваемые ей Франклиномъ о перемѣнѣ поведенія своего, не касались до собственныхъ ея неблагоразумныхъ поступковъ, и что онъ выговаривалъ ей только за поступки дочерей ея; но когда она наконецъ поняла, что онъ совершенно зналъ о всемъ томъ, что она почитала скрытымъ отъ своихъ сосѣдей, то весьма встревожилась, опасаясь, чтобъ дѣвица Франклинъ, будучи равномѣрно о томъ извѣщена, не сказала о семъ Пастору. Она снова упала къ ногамъ Франклиновымъ, упрашивая его о защищеніи ея предъ Ортодоксомъ. Наконецъ когда слезы ея и обѣщанія, быть впредь осторожнѣе, изходатайство-

вали ей все то, о чемъ она ни просила его, то пошла домой съ довольнымъ видомъ.

Хотя Франклинъ оказывалъ Гжѣ. Ортодоксъ благосклонность, къ коей душа его была сродна, но она не поступала съ нимъ равнымъ образомъ. Не смотря на вопросы его относительно до знакомствъ старшей ея дочери; не смотря на то, что она почти увѣрена была, что обольститель ея есть Капитанъ Маршъ, упорно стояла предъ Франклиномъ въ томъ, что она ничего о томъ не знаетъ.

Бѣгство въ одно время и почти подобнымъ образомъ подавало Франклину поводъ подозрѣвать Дельмора въ семъ преступленіи, вѣроятность коего умаляла то участіе, которое онъ принималъ въ немъ; это было такое распутство, коего онъ гнушался; и хотя онъ извѣстенъ былъ, что Дельморъ не обольстилъ Лавинии, однакожъ связь его съ нею должна была предохранить его отъ вся-

каго обязательства съ сестрою ея. Отвращеніе, почувствованное имъ къ такому поступку, заставило его умолчать о подозрѣніяхъ своихъ, кои неблагоразумно бы было сообщить матери; онъ утѣшилъ ее и отпустилъ, прежде нежели Ортодоксъ пришелъ въ замокъ.

Однакожъ часъ тотъ протекъ, въ которой Пасторъ обыкновенно входилъ въ залу. Свободное его время занимали тогда другія заботы; онъ утѣшался въ потерѣ Анны экономическими вычисленіями: послѣ дерзкаго предпріятія дочери моей, говорилъ онъ самъ въ себѣ, надобно будетъ содержать ее мужу ея, естьли бѣгства ея единственною причиною есть бракъ; естьли же изъ того другое что нибудь выдетъ, то я не признаю ее за дочь свою, и освобожусь отъ ней тѣмъ или другимъ способомъ. Сіи благородныя правила спасали Гжу. Ортодоксъ, коей радость была чрезмѣрна, увидя мужа своего столь веселымъ. Въ обѣденной часъ

побѣжалъ онъ въ замокъ, и равно удивилъ и Г. Франклина и сестру его, коимъ сообщилъ онъ философическія свои размышленія, и чтобъ заставить одобрить оныя, то привелъ нѣкоторыя мѣста изъ Латинскихъ авторовъ. Дѣвица Франклинъ нашла ихъ удивительными, но братъ ея несогласенъ былъ съ нею. Пасторъ перемѣнилъ тонъ, и въ доводы свои, приведенные имъ для прикрасы своего равнодушія, вмѣшалъ нѣсколько чувствительности.

Я исполнилъ свою должность, говорилъ онъ ему, и къ правиламъ присоединилъ примѣръ. Естьли дѣти наши не воспользовались тѣмъ, то пусть и терпятъ за то наказаніе, которое лучше перенести здѣсь, нежели въ другомъ свѣтѣ. Я буду молиться за нещастную, ослушавшуюся меня, но не приму уже ее въ домъ свой; . . . . посредственность моего имѣнія и дороговизна съѣстныхъ припасовъ не позволяютъ мнѣ прежде смерти моей отказаться отъ того,

что у меня есть; . . . что изъ того ни выдетъ, а я правъ.

Хладнокровіе, съ каковымъ ученой Пасторъ говорилъ о фамильныхъ дѣлахъ, весьма не нравилось Франклину, которой, не зная причинъ, кои могли принудить Анну Ортодоксъ оставить родителей своихъ, и неизвѣстенъ будучи о товарищѣ въ ея бѣгствѣ, перемѣнилъ разговоръ, и далъ Пастору свободу управиться съ блюдами. Аппетитъ его, какъ говорилъ онъ, увеличился тою радостію, которую онъ ощущалъ, видя возстановившееся согласіе между дѣвицею Франклинъ и братомъ ея, и вставалъ изъ за стола, прося Бога, чтобъ тотъ неблагодарной, котораго неблагоразумные поступки причинили между ими раздоръ, никогда здѣсь не показывался.

ГЛАВА 23.

Новыя знакомства.

Генрихъ нашелъ въ разговорѣ сопутника своего наставленія о разныхъ предметахъ касательно до общества и до забытія нещастій своихъ. Они ѣхали скоро, и пріѣхали въ Бристоль ввечеру на другой день своего отъѣзда. Какъ незнакомецъ имѣлъ нужду въ поспѣшности, то по въѣздѣ ихъ на постоялой дворъ тотчасъ легли они спать. Генрихъ, привыкшій встрѣчать первые лучи солнца, вставалъ до разсвѣту, и ходилъ по городскимъ улицамъ, когда еще и алчный купецъ не отрясъ сна отъ рѣсницъ своихъ.

Любопытствуя узнать обширность города, по коммерціи своей соперника богатой Аглинской столицѣ, оставилъ онъ тѣсныя и грязныя Бристольскія улицы, и прохаживался вдоль стѣнъ, чтобъ обойти ихъ кругомъ. Шедши около часа,

попалъ онъ на дорогу, которую почелъ онъ за ведущую къ постоялому его двору, но напротивъ того она привела его къ подошвѣ прекраснаго холма. Генрихъ, перешедши черезъ него, очутился въ прïятномъ лѣску, сквозь коего усмотрѣлъ онъ многïе изрядно построенные домы; съ одной стороны увидѣлъ онъ рѣку, покрытую лодками и большими судами; а съ другой большую дорогу, ведущую изъ Бристоля въ Лондонъ, и по которой ѣхали повозки всякаго рода. Сïя разнообразность увеличивала прïятности сего очаровательнаго мѣста.

Генрихъ, пораженный при видѣ столь прïятныхъ и новыхъ предметовъ, нѣсколько времени неспособенъ былъ продолжать свою дорогу. Потомъ размысливши, что все окружавшее его служило къ выгодѣ или забавамъ владѣтелей сихъ земель и сихъ домовъ, вздохнулъ: Да, вскричалъ онъ послѣ сего, сей видъ есть изъ числа чудесъ, возвышающихъ великость Верьховнаго Существа!

Таким - то образомъ, посредствомъ коммерціи, выгодъ и взаимной любви, всѣ жители земнаго шара соединяются и составляютъ одно семейство. Всѣ! примолвилъ онъ вздохнувши; нѣтъ, нѣтъ; не изключенъ ли я изъ того? Кто займется такимъ нещастнымъ, существованіе коего ни для кого неважно? Гдѣ мои родители? съ кѣмъ я связуюсь узами родства? въ какомъ мутномъ каналѣ находится источникъ моего существованія? . . Увы! въ какихъ странахъ живутъ сродники нещастнаго Дельмора? Ахъ, Клара! гдѣ ты? Естьли бы я могъ ласкаться обладать тобою когда нибудь, я тотчасъ забылъ бы всѣ нещастія, на кои я жалуюсь, и образъ твой возвратилъ бы спокойствіе моему сердцу. . . . но Лавинія! . . . При семь воспоминаніи вся надежда изчезла; съ поспѣшностію оставилъ онъ то мѣсто, въ которомъ проговорилъ онъ сей прекрасной *монологъ*, и прелестной холмъ вдругъ

потерялъ пріятности свои, очаровательность коихъ вознесла его превыше смертныхъ.

Будучи печаленъ и унылъ, прохаживался онъ гдѣ ни попало, какъ вдругъ голоса многихъ женщинъ извлекли его изъ задумчивости. Онъ не примѣтилъ, что сбился съ дорожки, и весьма удивился, увидѣвши себя въ предмѣстіи, составленномъ изъ плетней, обсаженныхъ миртовыми деревьями, и которое прилегало къ одному бѣлому дому простой архитектуры, но красивому. Двѣ дамы и одинъ мущина сидѣли на крыльцѣ въ виду предмѣстія, и завтракали. Генрихъ, увидя, что онъ сдѣлалъ неблагопристойность, вошедши къ такимъ особамъ, кои не ожидали его посѣщенія, поворотилъ назадъ, прося ихъ извинить его въ неумышленномъ его проступкѣ; но его просили раздѣлить завтракъ.

Позвольте мнѣ, сударь (сказала одна дама) налить вамъ чашку чаю,

и тотчасъ приказала слугѣ подать стулъ. Генрихъ сѣлъ, и менѣе нежели въ пять минутъ сдѣлался весьма пріятенъ всей компаніи.

Г. Робертъ доволенъ былъ Генрихомъ, а Генрихъ Г. Робертомъ. Тотъ и другой желали познакомиться покороче. По возвращеніи ихъ въ городъ, куда Г. Робертъ ходилъ каждой день по бирженскимъ дѣламъ и по коммерціи, которую онъ отправлялъ съ богатѣйшими Европейскими купцами, пригласилъ онъ его въ сей день отобѣдать къ себѣ, и согласились сойтись на биржѣ, а между тѣмъ Генрихъ возвратился на постоялой дворъ, чтобъ приготовиться ѣхать съ Г. Робертомъ въ загородной его домъ.

Желая повидаться съ сопутникомъ своимъ, узналъ онъ, что онъ вышелъ, и придетъ не прежде вечера, и что онъ приказалъ изготовить почтовую коляску, которая чтобъ готова была къ тому времени, когда она ему понадобится. Генрихъ

былъ тогда весьма радъ, что свелъ знакомство съ такимъ человѣкомъ, котораго честной характеръ извѣстенъ былъ всему городу; ибо вѣроятно было, что сопутникъ его уѣдетъ съ такою же поспѣшностію, съ какою пріѣхалъ. Онъ оставилъ ему письмецо, въ коемъ изъявилъ ему сожалѣніе свое, что долженъ съ нимъ разстаться, и пошелъ искать Г. Роберта, съ коимъ и пріѣхалъ въ Клифтонъ, гдѣ Гжа. Робертъ и золовка ея приняли его отличнымъ образомъ.

Гжа. Робертъ была малоросла; не смотря на старанія ея скрыть недостатки своего стана, можно было примѣтить, что она много обязана была своей шнуровкѣ, прикрывавшей нѣкоторую часть безобразія онаго; живые и свѣтлые глаза ея получали новой блескъ отъ бѣлизны ея кожи и отъ румянца щекъ ея. Естьли бы натура одарила ее хорошимъ станомъ, то дали бы ей въ свѣтѣ названіе *пригожей*

женщины. Привлекательное ея обхожденіе увеличивало пріятность ея разговоровъ; любовь разпоряжала выборомъ ея супруга себѣ, естьли можно назвать *любовію* путешествіе ея съ Г. Робертомъ въ Шотландію, гдѣ она обвѣнчалась съ нимъ противъ воли родителей своихъ. По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ послѣ брака заступили мѣсто любви учтивость и почтеніе, кои и были можетъ быть причиною благопріятства жены и беззаботливости мужа.

Сестра Робертова была, какъ обыкновенно говорятъ, *дѣвка добрая*, весьма вѣжливая предъ своею невѣсткою и нѣжно любившая своего брата.

Послѣ обѣда начали говорить о театрѣ. Хотя компанія комедіантовъ была и не очень хороша, однакожъ дамы вознамѣрились сводить туда Дельмора. Онъ припоминалъ себѣ то удовольствіе, которое ощущалъ въ Лондонѣ, и надѣялся вкусить таковое же и въ Бристолѣ. Г. Робертъ говорилъ, что онъ не

былъ великой любитель спектаклей, однакожъ изъ уваженія къ Дельмору сдѣлаетъ имъ симъ вечеромъ компанію. Во ожиданіи часа ѣхать въ театръ Гжа. Робертъ начала играть на фортепіано, а дѣвица Робертъ припѣвать, пріятной коея голосъ заставилъ Генриха забыть безобразіе лица ея.

Все было для него весело и очаровательно, какъ вдругъ Гжа. Робертъ начала жаловаться на боль въ своемъ желудкѣ, которая принудила ее отказаться отъ театра. Тщетно всѣ хотѣли остаться при ней; она непремѣнно хотѣла, чтобъ они ѣхали, и обѣщалась пріѣхать къ нимъ въ ложу, какъ скоро здоровье ея позволитъ; но она не пріѣзжала туда, и комедія кончилась, такъ что никто и не думалъ о ея отсутствіи. По возвращеніи домой услышали они, что больная оправившись съѣхала со двора, и назадъ еще не пріѣзжала. Робертъ покраснѣлъ, и побѣжалъ къ своей тещѣ,

гдѣ, какъ сказано ему было, онъ найдетъ ее; но устрашенные взоры дѣвицы Робертъ, казалось, изъявляли отличные отъ братниныхъ страхи. Безпокойства ея увеличивались, по мѣрѣ, какъ Робертъ медлилъ своимъ возвращенiемъ. Она просила Дельмора остаться съ ними ужинать; но онъ, опасаясь, чтобъ не быть въ тягость въ такое время, когда весь домъ находился въ толь великой тревогѣ, ушелъ. По возвращенiи своемъ на постоялой дворъ узналъ онъ, что сопутникъ его уѣхалъ, не отвѣчавши на его письмецо. Сiе забвенiе не тронуло его; онъ утѣшился въ томъ въ объятiяхъ сна.

Безпокойства предъидущаго дня и веселости нынѣшняго погрузили чувства его въ прiятной сонъ, отъ коего пробуженъ онъ былъ на другой день поутру крикомъ одного человѣка, хотѣвшаго разломать двери въ его комнатѣ. Онъ одѣлся на скорую руку, отворилъ двери, и увидѣлъ вошедшаго Роберта съ свирѣпыми

глазами и съ яростію, изображенною во всѣхъ чертахъ его. Бездѣльникъ! вскричалъ онъ задыхающимся голосомъ, что ты сдѣлалъ съ обольстителемъ жены моей? Для того ли я принялъ тебя въ домъ свой, чтобъ лучше обмануть меня? Я зналъ безчестную ея привязанность, но безъ твоей помощи она не могла бы уйти, такъ какъ она теперь сдѣлала. Ты товарищъ сего презрѣннаго развратника, и ты отдашь мнѣ въ томъ отчетъ. Возьми эти пистолеты и защищайся какъ честной человѣкъ, хотя ты и недостоинъ, чтобъ съ тобою такимъ образомъ поступали.

Тщетно Дельморъ хотѣлъ доказать свою невинность; гнѣвъ ослѣплялъ Роберта, а ревность дѣлала его глухимъ на все. Генрихъ, будучи весьма храбръ, не отказался бы отъ битвы, естьлибъ онъ зналъ, по какой причинѣ долженъ онъ подвергнуть опасности свою или сопротивника своего жизнь. Скажите мнѣ по

крайней мѣрѣ то преступленіе, въ коемъ вы меня обвиняете, говорилъ онъ ему. Стрѣляй, или я тебя убью, отвѣчалъ ему Робертъ, крикъ коего привлекъ въ комнату многихъ людей, кои обезоружили сражающихся. Онъ продолжалъ упрекать Дельмора въ такомъ поступкѣ, которой представлялъ его зрителямъ подъ столь черными красками, что никто не хотѣлъ взять его сторону. Робертъ говорилъ о обстоятельствахъ, предшествовавшихъ похищенію жены его, столь правдоподобно и столь невыгодно для Генриха, что онъ не могъ не одобрить осуждавшей его вѣроятности.

Между ругательныхъ словъ, коими осыпалъ его Робертъ, узналъ онъ, что незнакомецъ, съ которымъ онъ пріѣхалъ изъ Тонтона въ Бристоль, называется Лоренцомъ; что будучи изъ Пресвитеріанской религіи, исповѣдуемой богатѣйшими Бристольскими жителями, воспитанъ былъ изъ той суммы, которую

они всякой годъ кладутъ въ пользу бѣдныхъ людей ихъ религіи. Дарованія его, просвѣщеніе, хорошее воспитаніе и пріятность его обхожденія, примолвилъ оставленной супругъ, служатъ покрываломъ его вѣроломству; распутство и коварство дѣлаютъ Лоренца тѣмъ опаснѣйшимъ, что пороки сіи сокрыты подъ обольстительными чертами хорошаго вида и скромныхъ поступокъ. Между тѣмъ, какъ онъ оказывалъ себя публично поборникомъ по добродѣтели, втайнѣ училъ искусству обманывать. Умѣя прикрывать поведеніе свое величайшимъ лицемѣріемъ, обольщалъ самыхъ добродѣтельныхъ людей, и вмѣшивалъ въ слова свои столь плѣнятельную нравственность, что она нравилась и тѣмъ самымъ, коихъ невѣріе отвергало всякія до религіи относящіяся правила. Я былъ изъ числа почитателей его, и принялъ его въ домъ свой, гдѣ скоро сдѣлался онъ участникомъ въ моемъ имѣніи.

Дѣла Робертовы часто отдаляли его отъ жены своей, и Лоренцо старался дѣлать ей компанію; но къ стыду своей религіи и къ безславію нашего пола измѣнилъ онъ дружеству, чтобъ понравиться женѣ своего благодѣтеля. Мужъ былъ о томъ увѣдомленъ; почему запретилъ ему входъ въ свой домъ, а негодованіе сограждань его принудило безчестнаго развратника искать другаго убѣжища.

Однакожъ онъ не отсталъ отъ коварныхъ своихъ намѣреній Когда Генрихъ встрѣтился съ нимъ, то онъ ѣхалъ въ Бристоль для похищенія Гжи. Робертъ отъ мужа ея, и чтобъ по томъ отвезти ее въ Лондонъ. Способъ, каковымъ Генрихъ вошелъ въ домъ Робертовъ, желаніе его итти въ театръ, а особливо пріѣздъ его въ Бристоль съ Лоренцомъ, оправдывали подозрѣнія Робертовы; но истинна скоро разогнала мракъ, питавшій его заблужденія, и невинность оказалась во всемъ своемъ блескѣ. Генрихъ объявилъ, какимъ

случаемъ сошелся онъ съ Лоренцомъ; видъ, голосъ и чистосердечіе, съ каковыми онъ разсказывалъ свою повѣсть, увѣрили всѣхъ слушавшихъ его, выключая Роберта, коего гнѣвъ не совсѣмъ еще утишился. Генрихъ, не могши убѣдить его, открылъ ему положеніе свое и признался, что принятое имъ на себя имя Конвая была одна только предосторожность, чтобъ скрыть поступокъ свой отъ тѣхъ, кои были причиною онаго.

Послѣ сего признанія честной Робертъ удвоилъ дружество свое къ тому, котораго онъ столь явно обидѣлъ, и чтобъ вознаградить столько оскорбленій, то уговорилъ его жить въ его домѣ. Дельморъ сначала отказался было, но по томъ склонился на убѣжденія друга, чувствовавшаго нужду въ утѣшеніи объ отсутствіи жены, которой онъ не любилъ, но къ коея чести и доброму имени былъ онъ ревностенъ.

Сколько шуму за горбунью! скажетъ петиметръ, естьли онъ чи-

таетъ сiе сочиненiе, то есть, ежели онъ умѣетъ читать. Признаюсь, что онъ правъ, что касается до жены, но неправъ въ томъ, что касается до имѣнiя. Гжа. Робертъ была любимая дочь богатыхъ родителей; они простили ее за поѣздку ея въ Шотландiю, приняли ее по возвращенiи ея, и не отказались посмотрѣть мужа ея, но не спѣшили отдать ему приданое своей дочери: сiе-то увеличивало печаль мужнину.

Мстить за оскорбленiе и платить обидою за поношенiе, говоритъ одинъ знаменитой писатель, есть столь же естественно, какъ и вести дружбу. Поступокъ Робертовъ доказалъ справедливость сего наблюденiя; онъ сначала дышалъ только мщенiемъ, и старался омыть въ крови учиненное ему поношенiе; но какъ скоро узналъ свое заблужденiе, то и сдѣлался чувствительнымъ къ дружеству, каковое изъявлялъ ему Генрихъ.

Робертъ, узнавши о нещастномъ Генриховомъ положенiи, не замедлилъ доставить ему должность въ одномъ коммерческомъ домѣ, гдѣ чрезъ Робертовъ кредитъ нашелъ онъ способъ жить въ независимости. Будучи слишкомъ молодъ, чтобъ размышлять, и слишкомъ достоинъ любви, чтобъ избѣгнуть искушенiй отъ житейскихъ веселостей, расточалъ онъ получаемой имъ доходъ; и не отказывался ни отъ какой забавы, ласкавшей его склонностямъ. Будучи хорошо принимаемъ дамами, подписывался онъ на концерты и на прiятельскiе балы, куда допускаютъ только гражданъ, отличныхъ по своему чину, или по богатству; волочился за всѣми женщинами, и прiобрѣталъ ихъ любовь. Клара Элтонъ исторгала иногда изъ него вздохъ, а Лавинiя едва занимала его, да и то не соотвѣтственно обѣщанiю его взять ее за себя. Хотя онъ имѣлъ многiя причины къ сокрытiю своего имени, но главная была та, чтобъ избѣгнуть отъ раз-

вѣдыванiй Лавинiи; почему онъ и принялъ на себя имя Конвая.

Между тѣмъ какъ онъ проводилъ дни свои въ вихрѣ веселостей, другъ его Робертъ старался разогнать тоску свою виномъ. Бѣгство жены его оставило пустоту въ свободное время отъ его упражненiй, отъ коей онъ каждой день чувствовалъ пагубныя дѣйствiя. Не у себя уже въ домѣ находилъ онъ отдохновенiе; онъ надѣялся разсѣять свои мысли въ шуму грубой веселости, бываемой въ трактирахъ, съ такими товарищами, кои его опивали. Не смотря на нехотѣнiе Дельморово сотовариществовать своему другу, благодарность обязывала его дѣлать ему удовольствiе; но съ прискорбiемъ увидѣлъ онъ, что лѣкарство, употребляемое Робертомъ для забытiя печалей своихъ, было хуже самой болѣзни; ибо чрезъ полгода по отъѣздѣ жены его бѣдной Робертъ впалъ въ водяную болѣзнь, и къ году умеръ.

Потеря сего великодушнаго друга разстроила доходы Дельморовы, которой наслѣдовалъ послѣ него только что траурное кольцо и сожалѣніе, что онъ не могъ уберечь его отъ пагубныхъ слѣдствій, произшедшихъ отъ его излишняго питья. Какъ онъ не имѣлъ уже прежнихъ пособій, а жалованной его окладъ не позволялъ ему жить въ разсѣянности, то онъ вознамѣрился посократить свои расходы, но слишкомъ долго просряжался сдѣлать сію реформу. Смертію Робертовою лишился онъ и стола и квартиры, и о семъ-то онъ началъ прежде всего стараться. Онъ пошелъ въ нахлѣбники къ одной вдовѣ, и учредилъ планъ своимъ издержкамъ сообразно получаемому имъ доходу отъ своего мѣста, но продолжалъ ходить на дорогія увеселенія до тѣхъ поръ, какъ послѣдняя гинея, оставшаяся у него въ карманѣ, доложила ему, что пора быть поумнѣе. Время уже, вскричалъ онъ, подумать пооснова-

тельнѣе; я получаю восемьдесятъ гиней жалованья, кои ничего не составляютъ въ такомъ городѣ, гдѣ издержки равняются съ богатствомъ. Г. Ривъ долженъ мнѣ двадцатью гинеями заслуженнаго мною жалованья, а на мнѣ около тритцати гиней долгу. Онъ не зналъ еще секрета платить большую сумму меньшею. Но болѣе всего смущало его то, что главной его кредиторъ былъ перукмахеръ его, у котораго была жена, проницательности коей Генрихъ страшился. Мужъ былъ властенъ отправлять дѣла своего званія, а жена брала на себя сбирать за сіе деньги. Когда съ мѣстъ своихъ не получалъ онъ платы, то она сама взыскивала недоимки, и не смотря на прозьбы терпѣливаго мужа, добровольно или силою заставляла платить по щетамъ, подписываемымъ *дворянами*, къ коимъ Г. Крепе имѣлъ безпредѣльное почтеніе.

Съ того времени, какъ Генрихъ вознамѣрился выѣхать изъ Бристоля

въ Лондонъ, достойная любви Гжа. Крепе дѣлала ему визитъ каждое утро. По прошествіи трехъ недѣль устала она просивши, и приняла повелительной тонъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій потребовала она отъ него платы по щету. Я расплачусь по немъ, сказалъ ей Генрихъ, когда придетъ къ тому время. — И такъ мнѣ надобно будетъ ждать до страшнаго суда. — Прошу тебя, молодушка... — Прошу тебя, молодецъ, заплатить мнѣ сей долгъ, или мы увидимъ хорошую игрушку. — Кто ты такова, что поступаешь со мною такимъ образомъ? — Я жена честнаго купца, а ты... Но не въ ссорѣ дѣло состоитъ, а отдайте мнѣ семь фунтовъ стерлинговъ, одиннатцать шилинговъ и четыре пенса, кромѣ тѣхъ мѣсяцовъ, въ кои вы не платили за прическу волосовъ съ того времени, какъ поданъ вамъ щетъ; въ противномъ же случаѣ я не выду отсюда.

На нѣтъ и суда нѣтъ, была пословица Г. Крепе, да также въ то время и Генрихова. Досадуя и стыдясь, что не могъ расплатиться съ нею, наблюдалъ онъ молчанїе, а Гжа. Крепе отчасу болѣе возвышала голосъ. Угрозы ея услышаны были хозяйкою, которая бранила ее, что она не сохраняла благопристойности, и которая съ сего времени начала думать, какъ бы и ей содрать съ Дельмора за мѣсяцъ содержанїя его. Когда онъ освободился отъ Гжи. Крепе, то она просила его заплатитъ ей небольшой должокъ, которой, говорила она, весьма безпокоилъ ее.

Генрихъ взялъ отъ ней щетъ, и ушелъ въ свою комнату, не сказавши ей ни слова. Стыдъ, досада и уничиженное самолюбїе изторгли изъ него слезы, и омочили держимую имъ въ рукѣ бумагу, которой онъ не имѣлъ твердости прочесть. Онъ ходилъ по комнатѣ, размышляя о неблагоразумїи своемъ, что предался приманчивымъ забавамъ, и по случаю

подошедши къ окну, увидѣлъ жену Крепеву, разсказывающую приключенїе свое сосѣдкѣ, которая улыбалась, пожимала плечами, и смотрѣла на него презрительнымъ видомъ. Онъ покраснѣлъ съ досады, и слезы опять омочили глаза его. Боже мой! вскричалъ онъ жалостнымъ голосомъ, могу ли я снести сїю обиду? Нѣтъ, въ сїю же самую ночь уѣду изъ Бристоля, и въ отдаленномъ отсюда мѣстѣ сокрою стыдъ свой и сокрушенїе.

Тотчасъ сдѣлалъ онъ реэстръ долгамъ своимъ, послалъ за дватцатью гинеями, коими долженъ былъ ему Г. Ривъ, заплатилъ по Крепеву щету и нѣкоторые другїе мѣлкїе долги, а за столъ и квартиру оставилъ платье свое и бѣлье, и съ пятью гинеями, двумя рубашками и съ тѣмъ платьемъ, которое было только на немъ, вышелъ изъ Бристоля, и пошелъ по дорогѣ, ведущей въ Батъ, куда порожняя почтовая коляска и довезла его за малую цѣну.

боясь, чтобъ не попасть на глаза къ тѣмъ, кои видали его въ большомъ щастіи, и изъ коихъ многіе были тогда въ Батѣ, воспользовался онъ другимъ случаемъ, чтобъ добраться до Виндзора, куда коляска одного Лорда возвращалась въ томъ же самой день. Кучеръ позволилъ ему сѣсть въ нее за нѣсколько шилинговъ, и такимъ образомъ подъѣхалъ онъ къ Лондону безъ большихъ издержекъ и безъ всякаго приключенія.

ГЛАВА 24.

Любовь и вино.

Генрихъ во время продолжительной ѣзды своей не имѣлъ другихъ безпокойствъ, кромѣ тѣхъ, кои находилъ въ размышленіяхъ своихъ о прошедшемъ. Годъ, протекшій со времени отъѣзда его изъ Этера, казался ему однимъ только всегдашнимъ позорищемъ неблагоразумныхъ его поступковъ и заблужденій. Правда,

онъ умножилъ свое знакомство, но не увеличилъ числа друзей своихъ; пріобрѣлъ познаніе въ разсужденіи свѣтскихъ обычаевъ, но только на щетъ своихъ нравовъ, и былъ ученикомъ Бахуса и Венеры безъ склонности и безъ страсти. Угожденіе его Г. Роберту вовлекло его въ храмъ одного, а невоздержность юности привела къ жертвеннику другой; тотъ и другая получили только минутную жертву, воспоминаніе коей производило въ немъ раскаяніе.

Лавинія и совѣсть равномѣрно были слушаемы. Что сдѣлалось съ Лавиніею? жива ли она? могъ ли онъ оставить ее, не оказавши безчеловѣчія? Совѣсть осуждала поведеніе его; она говорила ему, что при каждомъ шагѣ, приближавшемъ его къ Лондону, отдалялъ онъ удовлетвореніе, должное имъ той, коей оплакивалъ онъ слабость. Но совѣсть его какъ ни напоминала ему о долгѣ его, однакожъ какъ скоро представлялась ему Клара Элтонъ, то Лавинія

была забываема. Онъ тоже ощущалъ отвращенiе, которое толикократно охлаждало его чувства, когда онъ думалъ о обязательствахъ, въ кои вошелъ онъ съ такою женщиною, которой уже не любилъ. Клара была предметомъ искреннѣйшей его любви: хотя онъ не имѣлъ надежды получить ее, однакожъ не могъ отбросить той надежды, что онъ ею любимъ. Тщетно примѣръ Г. Роберта служилъ ему урокомъ, чтобъ излѣчиться отъ того; но утопляя любовь свою въ винѣ, не могъ онъ получить въ томъ успѣха. Тщетно старались въ Бристолѣ женить его на богатѣйшихъ наслѣдницахъ; сердце его несогласно было съ доставляемымъ ему щастiемъ, почему онъ и не могъ склониться на такое пожертвованiе, которое похищало его у Клары. Какъ онъ Кларѣ не могъ, а Лавинiи не хотѣлъ принадлежать, и столько былъ честенъ, что не желалъ обманутѣ никакой другой женщины, коей почиталъ онъ добродѣтель: то и

надобно было ему рѣшиться умереть въ холостомъ состоянiи ; а сiе - то и положилъ онъ учинить даже противъ совѣта покойнаго своего друга.

Вознамѣрившись впредь быть поосторожнѣе, начертывалъ онъ еще планы своему поведенiю, какъ въ восемь часовъ вечера коляска остановилась въ Виндзорѣ въ одномъ трактирѣ, гдѣ онъ потребовалъ для себя комнату. Тогда былъ день воскресной ; всѣ жители были на валу замка, чтобъ увидѣть тамъ Королевскую фамилiю. Генрихъ также пошелъ туда, и наслаждался восхитительнымъ зрѣлищемъ, видя Короля и Королеву безъ всякихъ чиновъ прогуливающихся съ дѣтьми своими между подданными, коихъ любовь равняется съ почтенiемъ.

Походивши нѣсколько времени, встрѣтился онъ на валу съ тремя своими соучениками, съ коими дружно жилъ въ Оксфордѣ. Радость, произшедшая отъ сей встрѣчи, заставила ихъ отсрочить часъ, назна-

ченной ими для своего отъѣзда; они проводили его въ трактиръ, и Генрихъ тотчасъ забылъ всѣ благоразумныя свои намѣренія. Воспоминаніе прежнихъ забавныхъ сценъ, исторіи о старинныхъ пріятеляхъ и школьные анекдоты придавали хорошій вкусъ вину и ужину; они говорили, пѣли, смѣялись и проклажались за столомъ, не думая о своихъ издержкахъ, и даже никто не печалился объ нихъ, какъ позднее ночное время доложило имъ, что пора уже спать. Товарищи Генриховы предложили было ему не очень благопристойную забаву, но онъ, вспомнивши о проломѣ, учиненномъ уже въ кошелькѣ своемъ отъ тепершняго расхода, поудержался отъ другихъ издержекъ, кои онъ долженъ бы былъ учинить при сей новой забавѣ, и кои едва ли бы могъ заплатить.

Не столько изъ благоразумія, сколько изъ самолюбія ушелъ онъ въ приготовленную для него комнату, между тѣмъ какъ пріятели его пре-

давались въ другомъ мѣстѣ постыднѣйшимъ излишествамъ. Съ разгоряченною отъ вина головою бросился онъ на постелю, будучи въ половину раздѣтъ. Едва только сонъ закрылъ его рѣсницы, какъ онъ разбуженъ былъ скрыпомъ комнатной двери, которая съ осторожностїю была отворяема, и услышалъ голосъ женщины, повторявшей многократно: *здѣсь ли ты, дѣвица Витъ?* Генрихъ вскочилъ съ постели, спрашивая: *что вамъ угодно?* Дверь затворилась, женщина ушла, а Генрихъ пошелъ за нею ощупью по длинной галлереѣ, гдѣ были многїя другїя двери, ведшїя въ разныя комнаты. Онъ, будучи въ половину сонной, а притомъ и довольно пьянъ, потерялъ нѣкоторую часть разума, однакожъ столько еще имѣлъ разсудка, что зналъ, что дѣлалъ. Слабой свѣтъ отъ погасшаго почти фонаря отъ времени до времени освѣщалъ галлерею и давалъ ему видѣть ту особу, которую онъ преслѣдовалъ, и которая, минуту

спустя, скрылась отъ него изъ виду. Онъ остановился, и услышалъ, что кто-то близъ его идетъ. Тотчасъ отворилась другая дверь, и тотъ же голосъ спрашивалъ, тутъ ли дѣвица Витъ; тогда другая женщина изпустила пронзительной вопль, дверь опять затворилась, а та, которая причинила сей безпорядокъ, вдругъ оборотившись на Генрихову сторону, упала къ нему на руки.

Не трудно представить себѣ, что въ томъ положенїи, въ какомъ онъ находился, благоразумїе не управляло его дѣйствїями. Ночь, полуодѣтая дама, входившая въ его комнату, и другїя обстоятельства неспособны были заставить его уважить тотъ предметъ, которой онъ крѣпко держалъ въ обьятїяхъ своихъ. Любезная моя незнакомка! говорилъ онъ ей, стараясь уволочь ее съ собою, вы столько обязательны, что я того и не заслуживаю. Для чего вы ушли отъ меня? Я желалъ бы . . . я желаю . . . . Вино было сильнѣе

любви, чадъ отъ Шампанскаго вошелъ ему въ голову; онъ шатался, дѣлался докучливѣе, и едва не задушилъ ту, которую онъ обижалъ изъ любви. Она молчала до тѣхъ поръ, какъ не могши уже вырваться изъ рукъ его, крикомъ своимъ разбудила служителей, прибѣжавшихъ къ ней на помощь. Какое было изумленіе Генрихово, когда онъ увидѣлъ, что онъ боролся съ любезною Гжею. Пуфардо, положеніе коея было не болѣе же благопристойно, какъ и его! При семъ видѣ получилъ онъ употребленіе разума; стыдъ его и замѣшательство увеличились, когда онъ усмотрѣлъ съ одной стороны безжалостнаго школьнаго учителя, проповѣдовавшаго ему мораль, а съ другой Гжу. Напперъ, осыпавшую его ругательствами, а подалѣе Клару Элтонъ, оперщуюся на Жемимину руку.

Какое зрѣлище для Клары! Дѣвица Франклинъ уже представила ей Генриха подъ ненавистнымъ видомъ человѣка, не имѣющаго добрыхъ

нравовъ. Клара знала о поведенiи его съ Лавинiею, и какимъ образомъ онъ оставилъ ее. Банковой билетъ, данной имъ Капитану Маршу, размѣненъ былъ на чистыя деньги у содержательницы Этерскаго трактира; она въ свою очередь отдала его въ уплату Г. Довнесу, отъ котораго онъ опять пришелъ ъъ руки къ Франклину, которой симъ способомъ узналъ, что Генрихъ подалъ Маршу средство увезти Анну Ортодоксъ. Сею новою виною воспользовалась дѣвица Франклинъ для увеличенiя тѣхъ проступковъ, въ коихъ она упрекала Дельмора, и о коихъ постаралась она увѣдомить Клару въ отмщенiе за презрѣнiе его къ ней.

Однакожъ Клара извиняла его по другимъ сильнѣйшимъ еще причинамъ; она знала о причинѣ ненависти дѣвицы Франклинъ къ Генриху; она слыхала Г. Франклина, говорившаго въ неблагопрiятныхъ для сестры своей выраженiяхъ, а въ выгодныхъ для Дельмора, и ласка-

лась, что онъ со временемъ оправдаетъ доброе о себѣ мнѣнїе друзей своихъ, и что сдѣлается тогда достойнымъ тѣхъ чувствованїй, кои онъ внушилъ въ нее. Но сїе приключенїе, коего она была свидѣтельницею, не могло питать сей надежды: былъ ли это разборчивой, чувствительной Генрихъ - Дельморъ? тотъ, коего скромной видъ и благопристойные поступки, въ послѣднїй разъ, какъ она его видѣла, представлялись еще въ ея памяти. Въ ту минуту, какъ Генрихъ увидѣлъ Клару, оттолкнулъ онъ Гжу. Пуфардо, и съ смущенїемъ души своей, изображеннымъ во взорахъ своихъ, подошелъ къ ней, вскричавши дрожащимъ голосомъ: ахъ, Клара! Но она ушла съ презрительнымъ видомъ, и заперла двери своей комнаты, у коей онъ долго лежалъ растянувшись, прося ее выслушать его.

Нечаянное появленїе обожаемой имъ женщины было въ сїю критическую минуту нещастнѣйшимъ при-

ключенїемъ, каковое когда либо случалось съ нимъ. Любовь и отчаянїе попеременно колебали его, и онъ долго бы остался въ семъ униженномъ положенїи, естьлибъ голосъ Пуфардовъ не заставилъ его встать. Что это! это нашъ шалунъ! вскричалъ школьной учитель. Я должна бы была узнать его по природному чувствованїю, возразила жена его; ибо въ целомъ свете не найдешь ни одного такого молодаго человека, которой бы наделалъ столько проказъ . . . Пойдемъ, старой мой дядька, сказалъ Пуфардо; я радъ, что съ тобою встретился; опорожнимъ вместе бутылку вина. Но сердце Дельморово не расположено было отвечать на предложенїе мужа, о худыхъ угощенїяхъ коего онъ помнилъ. Девица Элтонъ непрестанно была предъ его глазами; къ ней-то обращалъ онъ прозьбы свои и сокрушенїе, что оскорбилъ ее, а съ другими и говорить не удостоилъ, и возвратился въ свою комнату, въ коей,

не смотря на печальныя свои мысли, проспалъ до самаго утра. Онъ проснулся въ одиннатцать часовъ, и слабо помнилъ о ночномъ приключенiи. Естьлибъ не грозные взоры Кларины, то онъ совершенно забылъ бы и Пуфарда и милую его половину. Видъ Кларинъ возбудилъ всѣ внушенныя ею въ него чувствованiя; онъ проклиналъ проступокъ свой и то унизительное состоянiе, въ какомъ онъ предсталъ на глаза ея, заклялся никогда не дѣлать такой шалости, и сiю клятву на сей разъ вѣрно сохранилъ.

Когда онъ имѣлъ столько силы, что могъ снести присутствiе бывшихъ свидѣтелями его шалости, то и спросилъ, что сдѣлалось со вчерашнею компанiею, и изъ какихъ особъ она состояла? Трактирной слуга, у коего онъ о семъ спрашивалъ, отвѣчалъ ему улыбаясь, что безъ сомнѣнiя прогулки въ потемкахъ изпужали дамъ, ибо онѣ весьма спѣшили уѣхать. — Я не о томъ тебя

спрашиваю, возразилъ ему Генрихъ, а мнѣ хочется знать, изъ кого состояла сія компанія. — Изъ Г. и Гжи. Пуфардо, Г. Гжи. и дѣвицы Витъ, Г. Голкомба, Гжи. Напперъ и дочери ея, и изъ дѣвицы Эдтонъ; они пріѣхали изъ Лондона посмотрѣть Королевской фамиліи, и ужинали вмѣстѣ въ лучшемъ согласіи. Все шло хорошо до тѣхъ поръ, пока Г. Пуфардо, разгорячившись отъ вина, не началъ слишкомъ ласково обходиться со всякою женщиною, кромѣ жены своей, которая сдѣлалась отъ того ревнива. Дѣвица Витъ, на которую онъ обратилъ желанія свои, поощряла его, чтобъ посмѣяться надъ мужемъ и взбѣсить жену, которая, увидя въ полночь, что дѣвицы вышли изъ комнаты, минуту спустя встала, и пошла туда же, подъ предлогомъ, что она нездорова, но въ самомъ дѣлѣ чтобъ наблюдать за поведеніемъ влюбчиваго Пуфарда. Двѣ дамы, оставшіяся съ мущинами, потчивали ихъ пуншемъ, когда без-

покойной духъ Гжи. Пуфардо повелъ ее въ покой дѣвицы Витъ, чтобъ посмотрѣть, легла ли она спать, такъ какъ отецъ ея и мать. По причинѣ темноты ошиблась она въ дверяхъ, и произшедшее изъ того слѣдствіе принудило, сударь, ее (примолвилъ слуга) разсказать мужу своему то, что я вамъ теперь сказалъ. — Какимъ образомъ пріѣхали они въ Виндзоръ? — Молодая дама, которая столь прекрасна и столь статна, сидѣла съ Г. Голкомбомъ въ фаэтонѣ, и съ нимъ же обратно уѣхала. — Это Клара! какъ! она одна ѣздитъ съ симъ подлымъ Голкомбомъ! . . . Слуга вышелъ; для него неважно было, что Клара и Голкомбъ вмѣстѣ прогуливались.

Генрихъ вознегодовалъ, увидя Клару въ компаніи съ мущинами и женщинами такого характера и званія, кои не внушали почтенія, и притомъ подъ ихъ покровительствомъ въ публичномъ трактирѣ. Онъ осуждалъ безразсудную безпечность

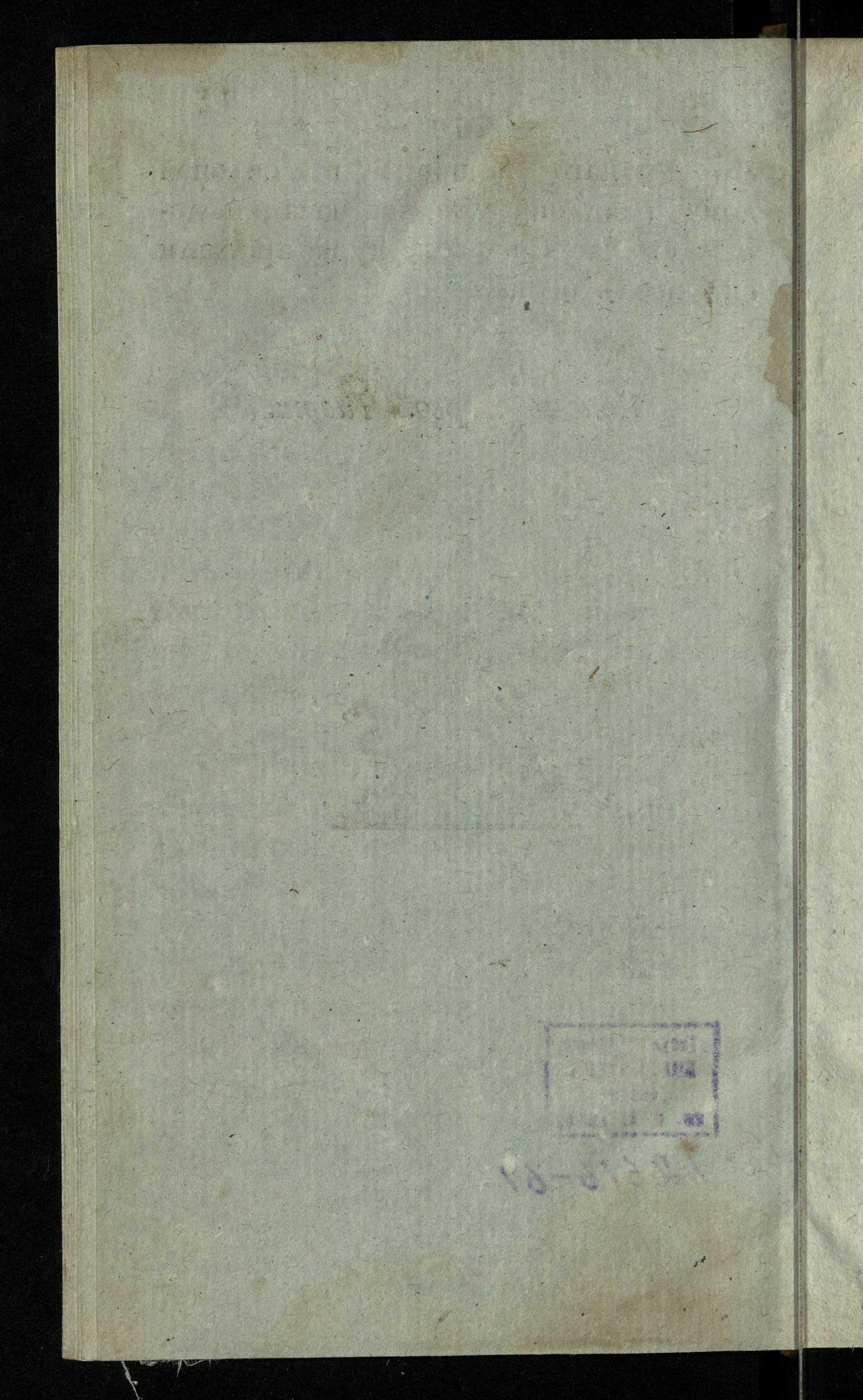
опекуна ея; ибо опытъ научилъ его знать то, что молодые люди думали, видя даваемую вольность богатой и пригожей наслѣдницѣ, и тѣ надежды, кои они изъ того получали. Онъ опасался тѣхъ обидъ, коимъ подвергнетъ ее сія вольность, и критики разумныхъ людей. Сіи опасенія болѣе опечаливали его, нежели собственныя его нещастія; словомъ сказать, честь Кларина тѣмъ болѣе занимала его, что онъ зналъ ту пропасть, въ какую неблагоразуміе его повергло Лавинію. Чѣмъ болѣе размышлялъ онъ о томъ, тѣмъ менѣе находилъ способовъ увѣдомить Франклина о безднѣ, находящейся подъ ногами ввѣренной ему въ опеку дѣвицы. Какимъ образомъ думать о доставленіи *Мантора* другому, когда онъ самъ имѣлъ нужду въ совѣтахъ? Онъ сначала вздумалъ было написать ему безъимянное письмо, но по томъ нашелъ, что это предпріятіе недостойно было его и Франклина; а естьли бы от-

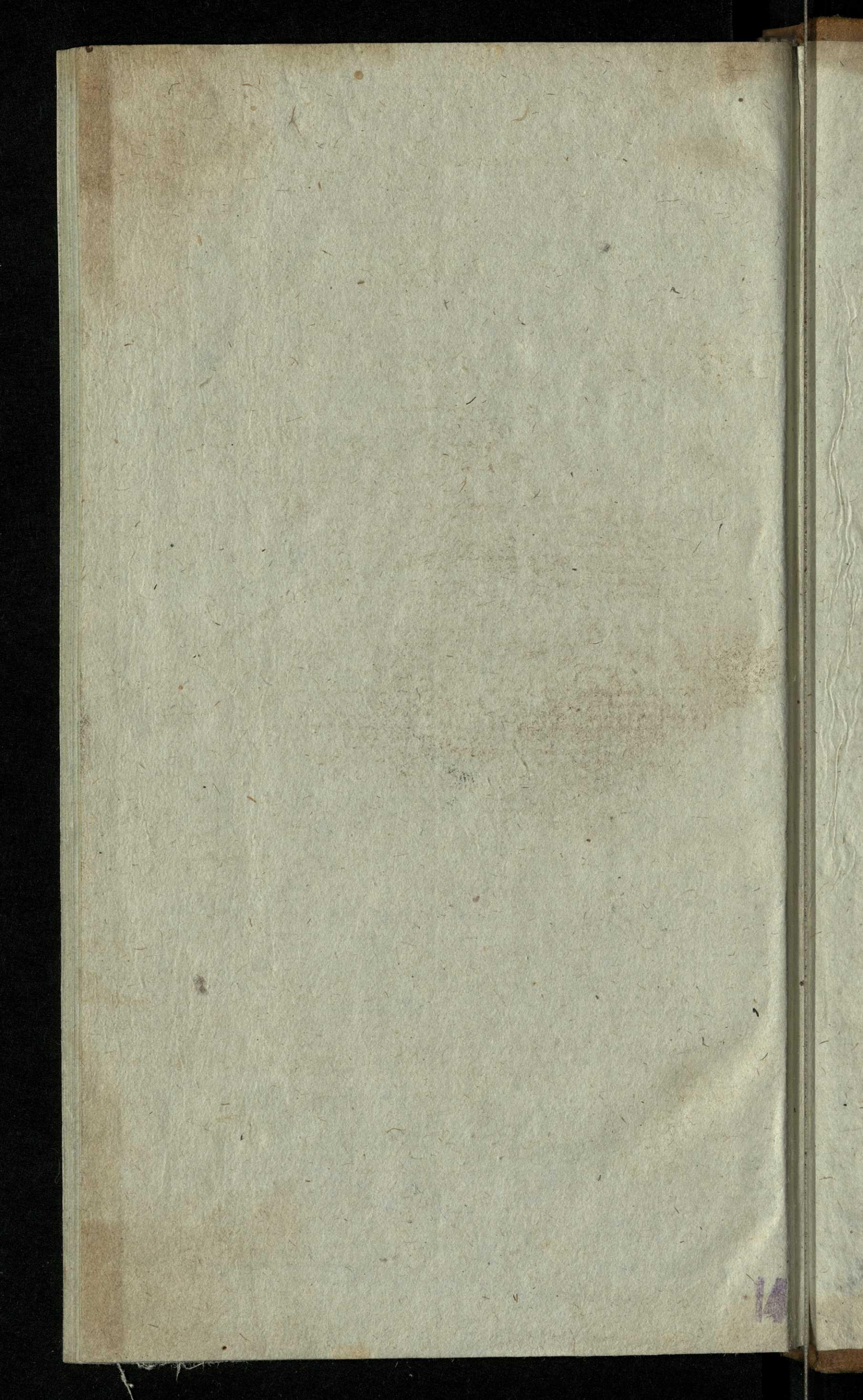
писалъ онъ отъ своего имени, то чрезъ то доставилъ бы случай принудить себя исполнить обѣщаніе свое, данное Лавиніи. Естьли же бы отнесся къ Кларѣ, которая его презирала, или къ Гжѣ. Напперъ, которая не послушала бы его, то не приписали ли бы предосторожности его собственному его желанію получить себѣ сію наслѣдницу, коей объявлялъ онъ себя защитникомъ? Словомъ сказать, тысяча причинъ затрудняли преднамѣренной имъ поступокъ, чтобъ не допустить Клару быть жертвою своей неопытности; но онъ не оставилъ своего намѣренія, и рѣшился произвесть его въ дѣйство тѣмъ или другимъ образомъ по пріѣздѣ своемъ въ Лондонъ.

Генрихъ послѣ расплаты своей въ трактирѣ остался обладателемъ одной гинеи и семи шилинговъ. Съ симъ сокровищемъ отправился онъ въ столицу, и на дорогѣ встрѣтился съ пустою почтовою коляскою. Извощикъ сжалился надъ нимъ, видя

его идущаго пѣшкомъ въ сильной дождь, шедшій уже два часа, и довезъ его до Спенься, куда пріѣхали они послѣ обѣда.

Конецъ первой Части.




14